

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой, для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 1 дня 1819 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тилковской.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮЛЬ. 1819. N° XIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. С. НОРОВУ.

Пускай прекрасный полъ мной будетъ
недоволенъ,
Но дружество познавъ я въ выборѣ нево-
ленъ
И принужденъ его любви предпочесть:
Ахъ! что возвышеннѣй, что благороднѣй
есть,
Сего сліянья душъ, сей связи безкорыстной,
Насъ къ небу близящей, какъ небо сполькожь
чистой? —
Гдѣ счастье двухъ сердець основано на помъ,
Чтобъ личности не знашь и жиць одно въ
другомъ —
И гдѣ согласіемъ и склонноспей и мнѣній,
Изъ круга рабскаго приличій, заблужденій,

Съ побѣдой вознесясь на крыльяхъ смѣлыхъ
думъ,

Созиждеть лучшей міръ удвоенный нашъ умъ
И поржествующій надъ вѣкомъ и спраспями,
Къ великому печеть гигантскими шагами!
Вашъ дружество мое! и что любовь предъ
нимъ,

Съ очарованіемъ плѣнительнымъ своимъ,
Столь упоющимъ, столь нѣжнымъ, столь
горящимъ,

Какъ юность пламеннымъ — и сполькожъ
преходящимъ?

Ахъ! эша спрасшь, мой другъ, душъ пыл-
кихъ богъ, пиранъ;
Въ ней все иль нѣга чувствъ, иль грубый
ихъ обманъ;

Пишая гордость въ насъ, рождаетъ уни-
женье;

Что съ чернью обще мнѣ, не естъ ужъ на-
слажденье!

Хочу не знашь любви, хочу любовь забышь
И дружествомъ любви порывы укропишь,
Опаснѣйшіе шѣмъ въ кипящи нами лѣща,
Что ласка, слово, взоръ любимаго предмета,
Есть слава, естъ воспоргъ, естъ счастье—
все для насъ!

И спрасшный Амадись героемъ былъ не разъ,
И нѣжна связь сердцеъ, боримая судьбиной,
Всѣхъ доблесшей была иль цѣлью, иль при-
чиной. —

Кто васъ не вспомнитъ здѣсь воителей
краса,

О рыцари, любви и вѣры чудеса!

Вы, кои съ юныхъ лѣтъ чуждаяся порока,
Съ душою чистою, безъ страха и упрека,
Объшомъ связанны, съ конца въ конецъ земли,
За честь, за красоту сражаяся текли!

Роландъ, Асвольфъ, Ожьерь, пять сыновей
Эмона,

Влескъ Карлова двора—о солнце Альбіона,
О братство славное Аршурова стола!

Вы всѣ, что для чудесъ нѣжнѣйша спрассть
возгла:

Саржиній, полошномъ кровавымъ покровенный
И вдругъ изъ юноши въ героя превращен-
ный!

Цидъ, Гандифредъ, Куси, невѣрныхъ бичъ
Рихардъ,

И ты, о Вишязей послѣдній цвѣшь, Баярдъ!
Вержи, несчастнѣйшій любовникъ Габріеллы!

И вы, хранители ихъ дѣлъ, о менестрелы,
Бродящіе пѣвцы любви и побѣдъ —

Украсясь перьями надмѣннаго павлина,
Предстаньте предъ меня и диво прошлыхъ
лѣтъ,

Воспойте храбраго, воспойте Паладина!

Вошь здѣсь въ густомъ лѣсу, надъ древней
сей спѣной,

За монастырскою рѣшеткою свяшой,

Душой небесная, любовію—земная,

Внимаешь робко вамъ затворница младая
И пѣсню въ прежній міръ на мигъ возвра-
щена,

На мигъ для счастья воскреснула она,
Ланишы всныхнули и сердце задрожало...
Вздохъ изъ груди лешишь — и зыблешь по-
крывало!

О набожности дни! дни чести! дни вол-
шебствъ!

Любви, невѣжества, геройства и злодѣйствъ,
Для пылкой юности о дни неощенны!
Пребудыше въ повѣсняхъ для насъ всегда
священны,

И въ Аріостовыхъ воскресше стихахъ,
Обворожайше насъ, пипайше сладкій страхъ,
Иль возрожденные Вольшеровымъ искусствомъ,
Къ Аменаидѣ, всѣхъ влеките жаркимъ чув-
ствомъ,

И прелесшь воина, сокровище пѣвца,
Восторгомъ пламеннымъ исполните сердца!

Но въ наши времена свободы просвѣ-
щенной,
Когда владѣешь умъ землей преобуженной,
Повѣрюль что любви и храбрости слѣпой
Къ величью моему достаточной одной?
И что копьемъ моимъ рѣшенная побѣда
Мнѣ знаменитость дастъ Ренальда иль Тан-
креда?
Другой дорогою въ нашу мудрствующій вѣкъ

Въ храмъ памяти идешь великій человекъ;
 Другимъ урокамъ онъ, другимъ внушеньямъ
 внемлешь,

Вмѣщаясь въ хижинѣ, вселенну онъ объемлешь;
 Познаньемъ, опытомъ давно прошедшихъ
 лѣшъ

Онъ духу смѣлому пареніе даетъ,
 И взвѣсивъ средства, цѣль, ихъ связи межъ
 собою,

Чишаешь въ будущемъ и властвуешь судьбою!
 Столь храбръ какъ мечь его; въ немъ доб-
 лести войны

Послѣднее, чему дивишься мы должны.

Такъ Фридрихъ, заключенъ во мракъ Шпан-
 давскихъ сводовъ,

Въ пемницѣ познавалъ свой долгъ и долгъ
 народовъ,

Гоповилъ чудеса семи безсмертныхъ лѣшъ,
 Семи вѣковъ труда и славы и побѣдъ.

Чесъ Франціи и спыдъ, и бичъ и оборона,
 Потрясъ Европою такъ умъ Наполеона!

Пусть скажутъ, въ вихрѣ дѣль, среди за-
 бошъ вѣнца,

Для дружескихъ связей изсохли ихъ сердца;
 Пусть плески упомивъ всего земнаго круга,
 Лъшцевъ имѣли пьму и не имѣли друга!

Но большель отъ того должны не вѣришь мы,
 Чшо дружесство крѣпимъ, величимъ въ насъ
 умы,

Сближаешь случаи, предупреждаетъ лѣша;

Лишь огонь сей пусть горитъ, что нужды
до предмета?

Въ двоихъ зря одного и міръ весь въ помъ
одномъ,

Все то же заключася, найду въ себѣ самомъ—

И друга лучшаго въ самомъ себѣ содѣшель

Лишь въ образѣ другомъ зрю шу же добро-
дѣшель.

И дружество, вездѣ (о возвышенный видъ!)

При колыбели душъ великихъ присѣдишь;

Съ нѣжнѣйшихъ дней избравъ таинствен-
никовъ славы,

Облагородствуетъ ихъ игры, ихъ забавы;

Изъ эпихъ игръ, забавъ, цвѣточныхъ дѣш-
ства узъ,

Неразрываемый шворитъ святой союзъ;

Союзъ перпѣнія, добра, трудовъ, боренья

Противу спрѣль любви и чары наслажденья;

Наградой чувственней души не оскорбитъ,

Награды въ сдѣланномъ добрѣ искашь велишь

И сердца чистаго довольно одобреньемъ,

Умъ ропотный миритъ заранѣ съ прови-
дѣньемъ

И бывъ всегда при насъ хранящимъ боже-
ствомъ,

Распешъ опасностью, питаеся трудомъ—

И выше спавя долгъ, очей прелестныхъ
взгляда,

Къ Сократовымъ ногамъ ведетъ Алкивіада!—

Величье, выпренность ихъ дружескихъ
бесѣдъ

Дерзнешь ли передашь стихамъ своимъ
 Поэту,
 Другъ сихъ бесѣдъ, перомъ Плагона освя-
 щенныхъ
 И вѣчнымъ опзывомъ сполѣшій повшорен-
 ныхъ?
 Я зрю, какъ сквозь туманъ, восторги шѣхъ
 часовъ,
 Когда плѣняла ихъ не прапа нѣжныхъ словъ,
 Не безконечное любви увѣренье;
 Но человѣчества добро и улучшение,
 Наука первая: *знать самаго себя!*
 О Софронисковъ сынъ, привѣстствую тебя!
 Тыль къ услажденію рожденный человѣковъ,
 Мудрѣйшій, тыль идешь съ прекрасѣйшимъ
 изъ Грековъ?
 Одни, рука съ рукой—проспранна сѣнь лѣ-
 совъ,
 Храмъ, соприсутствіе невидимыхъ боговъ,
 Съ покровомъ на лицѣ Изиды изваянье —
 Все любомудрія пишаетъ въ вастъ мечпанье,
 Возносишь выспрь полешъ огнекрылатыхъ
 думъ—
 И скрывшейся земли нѣмѣешь дольный шумъ...
 Гробамъ воззвали вы—и гробы голосъ дали,
 Минувшіе вѣка на зовъ вашъ опвѣчали,
 Молчанье тысячъ лѣтъ природа прервала
 И тайну дружеству, казалось, изрѣкла!
 Такъ, было дружество Сократа вдохновенье;
 Имъ, мудреца горе ширялось размышленье;

Да будутъ согражданъ иль польза иль хвала!
 Къ сему спремимся мы, симъ дышемъ, симъ
 мечтаемъ

И слабые къ тебѣ изъ глубины зываемъ:
 Сойди, небесное! Въ сей мрачный міръ пред-
 спань,

Сердцамъ горящимъ знашь проспри живя-
 щу длань—

Иль лучше возвраши предъ очи удивленны
 Великій духъ ПЕТРА, Лефортомъ окрилен-
 ный;

Предспавъ Россіи свѣпъ, и флоты и полки
 Ошъ мощной дружбы ихъ родящіесь руки.
 Предспавъ намъ, сблизивъ лѣпъ и царспвъ
 круговращенье,

Европы дружеспвомъ свершенное спасенье—
 И Рускаго Царя, вождя земныхъ Царей,
 Монарховъ образцемъ и образцемъ друзей,
 Съ шобою объ руку на бранной колесницѣ
 Торжеспвенно, враговъ грядущаго къ спо-
 лицѣ—

И внемлющей тебѣ вселенной общій кликъ
 Опгрянешъ съ края въ край: *онѣ истинно
 великѣ!*

Такъ роспры съ высошы, чесшь слова и
 закона
 Гремѣло Римлянъ въ слухъ воззванье Цице-
 рона:

„Сограждане, я спасъ опечеспво!“—и гласъ
 Народа опзывъ даль: „опечеспво шы спаеъ

„И будь его опцемъ! “ И мыль споль слѣ-
пы будемъ
И лучшаго опца въ Царѣ своемъ забудемъ?—

А. Родзянка.

~~~~~

СКАЛА ДВУХЪ ЛЮБОВНИКОВЪ ,

Романсб. *)

Фернандъ, невѣрными въ плѣнь пляжкѣй за-
ключенный,
Дерзнулъ цареву дочь любить въ неволѣ
сей;
Эльзирой милою спрадалъ онъ восхищен-
ный —
И юноша-герой былъ самъ любезень ей :
Не шѣли же сердца у царскихъ дочерей?

*

Близъ года, какъ они любили и молчали;
Но вздохъ одинъ въ любви все можешь вы-
ражашь —
И взоры Рыцаря ей вѣрность обѣщали;
Эльзиры помный взглядъ любовь давалъ чи-
пашь:
Безъ словъ они могли другъ друга понимашь,

---

*) Изъ Гонзальва Кордуанскаго.

Чета прелестная однажды, (день несчастный!)
 Къ свиданью припекла сквозь тысячи преградъ,
 Къ скалъ, нависнувшей надъ бездною ужасной,
 Гдѣ воды бурныя, обрушась съ горъ, шумящъ:
 Но двухъ любовниковъ и дебри веселятъ!

*

Тамъ, въ вѣрности они клялись, рука съ рукою;
 Но грозный Мавровъ Царь увѣдомленъ о томъ,
 Свирѣцыхъ воиновъ приближившись съ полною
 Мечами всѣ пущи имъ заградилъ кругомъ:
 Прощенья нѣтъ! сей Царь съ любовью не знакомъ!

*

На дикій верхъ скалы, до облаковъ восходящей,
 Уже любовники помчались спрѣлой;
 За ними Царь во слѣдъ; Эльзирою дрожащей
 Уже достигнуть край стремнины роковой:
 Но пламенну любовь смерть не спрашитъ собой!

*

„Поспой, поспой! иль я швоею буду жершвой “ —

Царю вѣщаетъ дочь — „одинъ швой только
шагъ—
„И потчасъ я паду передъ побойо мершвой,
„Съ супругомъ вѣрнымъ симъ въ трепещу-
щихъ рукахъ:
„Намъ сладко умереть другъ друга при очахъ!“

*

Смушился, вздрогнулъ Царь, всё чувствуя въ
немъ подвились,
Но рашникъ дерзоспный, безжалоспный зло-
дѣй
Бѣжитъ къ нимъ—и увы! — они ужъ успре-
мились;
Токъ бурный поглотилъ ихъ въ ярости
своей:
Обнявшись, перешли они опъ жизни сей! *)

А. Норовъ.

~~~~~

*) Происшествіе здѣсь описанное есть справедливое и знаменито во всей Испаніи. Скала, съ которой низверглись сіи любовники, по сіе время называется: La Pena de los enamorados, и находится около Локсы близъ Аршидоны. *Прим. Перев.*

О Ж И Д А Н І Е.

(Изъ Шиллера.)

Не заскрыпѣлиль вороша?
 Не зазвенѣль ли запоръ?
 Нѣтъ, шо вѣсперъ, другъ Эроша,
 Шепчетъ и колышетъ боръ.

Пріятный кровь зеленый, разцвѣшай,
 Ты примешъ въ тѣнь блестящую красою,
 Въшвисный сводъ гусый распроспирай,
 Одѣвъ ее прохладной пеленою!
 Зефировъ рой, полпися и порхай,
 Въ ланишы вѣй, кружись надъ головою,
 Неси ко мнѣ ея дыханье въ грошъ,
 Гдѣ спрасшная любовь въ объянья ждѣтъ.

Тише! что шамъ опдаеця,
 Робкой ступаетъ ногой?
 Нѣтъ, проснулся и несетя
 Быстрой филинь, стражь ночной.

Погасни, день, за цѣпью дальнихъ горъ,
 Спустися, ночь, къ сему уединенью,
 Раскинь вокругъ пурпуровый свой флёръ,
 И насъ обвей таинственной сѣнью!
 Воспорговъ врагъ нескромный солнца взоръ;
 Свидѣтели прошивны наслажденью;

Влюбленные друзья одной луны,
 Мерцающей средь общей пишины.

Не прошепсаль ли гласъ нѣжный,
 Будто Зефиръ вдалекѣ?

Нѣтъ, то лебедь бѣлоснѣжный
 Тихо выспся по рѣкѣ.

Мнѣ льепся въ слухъ гармоніи попокъ,
 Съ журчаньемъ ключъ дробишся, и склоняешъ
 Главу, зарей лобзаемый цвѣпокъ,
 И нѣгу все живущее вкушаешъ;
 И рѣзвишся съ лозою вѣтерокъ,
 И персикъ млѣть въ воспоргахъ призываешъ;
 Душистая рѣка эфиръ росишъ,
 И воздухъ жаръ съ горящихъ пьешъ лавишъ.

Въ роцѣ не слышноль шептанье?
 Шумъ не раздалсяль шаговъ?
 Нѣтъ, то древа препенанье
 Ошъ паденія плодовъ.

Смерть сладкая шуманишъ взоры дня,
 Блѣднѣешъ свѣшъ лазурный небосклона,
 И ловяшъ жаръ послѣдняго огня
 Средь сумрака цвѣшы, раскрывши лоно,
 И мѣсяцъ вспаль, въ волнахъ соединя
 Сребро лучей. Вселенная спокойна.
 Всѣ прелести безъ пояса въ сей часъ
 Предспали мнѣ во мракѣ обнажась.

Льняной покровъ шамъ мелькаетъ,
 Что-то сребрился во шамъ?
 Нѣтъ, то бѣлый столпъ сверкаетъ
 Вдоль по тисовой сѣнѣ.

Фаншазіи плѣнительной игрой
 Почто, душа, стремишься обольщаться?
 Напрасно длань простерта! нѣтъ драгой!
 И жаромъ грудь не преспаетъ сѣдашься.
 Любезную яви! съ моей рукой
 Нѣжнѣйшіе пусть персты соединятся;
 Пусть прикоснусь къ одеждѣ красоты—
 И льется жизнь въ прелестныя мечты.

И шихо, какъ съ неба слетаетъ
 Желанный свиданія часъ,
 Мечтавшего будить, лобзаетъ,
 Незримо надъ другомъ носясь.

И. Покровский.

МЕЧТАТЕЛЬ.

Среди безпечныхъ дѣшскихъ лѣшъ
 Я долго жилъ въ уединенѣ;
 Отцовскій домъ былъ весь мой свѣтъ
 И книги—все увеселенѣ!

Тогда я спутницей избралъ,
Тебя, Фаншазія злая,
И міръ подлунный забывалъ,
Міры волшебны пролетая.

*

Кристаллы строилъ я дворцы
И разрушалъ очарованья;
Съ злодѣевъ я срывалъ вѣнцы
И добрыхъ облегчалъ спрданья.

*

Рукою сильной распоргалъ
Я власъ волшебника лихова
И юныхъ дѣвъ освобождалъ
Изъ плѣна шаякаго и злова.

*

Я жилъ, какъ рыцарь и пѣвецъ,
Награды сладкой ожидая,
И вошь лавровый мнѣ вѣнецъ
Сплела красавица молодая.

*

Съ улыбкой вѣжной на устахъ
Она предъ рыцаря предстала;
Небеснымъ пламенемъ въ очахъ
Какъ добрый Геній возсіяла.

*

И рыцарь всѣхъ и все забылъ.
 Проспите, замки, приключенья!
 Онъ ею жилъ, ей счастливъ былъ,
 Онъ видѣлъ въ ней красу шворенья!— —

*

Но ахъ! и юность протекла,
 И съ ней мечты уединенья;
 Она съ собою унесла
 Прелесный даръ воображенья.

*

Увялъ прекрасный мой вѣнецъ,
 Разрушились волшебны зданья,
 Разбита лира, спитъ пѣвецъ,
 Упалъ покровъ очарованья.

*

Сокрылась дѣва-красота,
 Предметъ и думъ и пѣнопѣнья!
 Гдѣжь путь въ оспрадныя мѣста?
 Гдѣ храмъ небесна вдохновенья?

*

Кто спящій Геній возбудишь,
 Мечты въ душѣ возобновляя?
 Уже ли вѣкъ не прилетишь
 Ко мнѣ Фанпазія благая?

*

Явися мнѣ; явись хоть разъ,
 Земнаго образъ совершенства
 И услади мнѣ скорби часъ.
 Подобьемъ райскаго блаженства.

В. К--овъ.

СТАНСЫ КЪ ДРУГУ.

(изъ деревни.)

Въ спокойномъ семъ уединенъи,
 Подъ пѣнью яворовъ густыхъ,
 Я провождаю дни въ весельи,
 Забошь, печалей чуждъ мірскихъ.

*

Довольный жребіемъ, въ покоѣ,
 Я жизнью наслаждашься спаль;
 Мечты исчезли: я узналъ,
 Что счастье въ тишинѣ прямое.

*

Безвѣсень я, но счастливъ шумъ;
 Природа здѣсь меня лелѣишь:
 Вокругъ плоды янтарны зрѣють
 И розы алыя цвѣшуть.

*

Пускай шумишь въ поляхъ ненастье,
 Я думаю: оно пройдетъ;
 И радуга мнѣ отдаешь
 Мое спокойствіе и счастье.

*

Смотри: тамъ яростный ручей,
 Кипишь, утесы опѣняешь;
 Но здѣсь, у хижины моей—
 Смирясь—онъ тихо протекаетъ.

*

Вопль жизни нашей, мой Поэтъ,
 Удачное изображенье;
 Ахъ! въ свѣтѣ—только шумъ живешь;
 Спокойствіе — въ уединеньи!

Веприкѣ на Псалѣ 1818.

В. Т.

~~~~~

КУРИЦА и ЛЯГУШКА.

Басня.

„Сосѣдка!“—Курица Лягушка говорила—
 „Ты всѣхъ насъ крикомъ оглушила!
 Къ чему кудахтанье такое поднимаешь?
 Не ужь-шо для того, чпобъ эшимъ вѣспь
 подашь,

Что ты снесла яйцо?...Какая же смѣшная!
 Яйцо! ужь подлинно въ помѣ важность
 пребольшая,
 И споймѣ, чтобъ кричать...“ — Да, Курица
 въ отвѣтъ:

Снесла яйцо! въ помѣ важности и нѣтъ;

Но счастливой себя считаю,

Что я для тѣхъ полезно бываю,

Опѣ коихъ пищу получаю;

А ты, позволь спросишь,

Чѣмъ кваканье свое могла бы извинишь?

Силбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

~~~~~

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

1.

Н. М. Карамзина.

Въ цвѣтущихъ лѣтахъ онѣ намъ образ-
 цы оставилъ:

Писать и чувствовать искусство показалъ;

А въ лѣтахъ опыта опеченство прославилъ:

Дѣянiя Царей потомству передалъ.

2.

В. А. Жуковскаго.

Пѣвецъ природою и Небомъ вдохновенный

Величiе души съ талантомъ съединилъ!

Онѣ чувства новыя въ насъ лирой пробудилъ,

И далъ Поэзиі языкъ одушевленный.

Н. Е вѣ.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

*Натальное мое—изъ цблага шворишся;
А цблое — послбдняго боишся.*

В. Т.

2.

*Безъ перваго для насъ въ природѣ нѣтъ
красошъ;
Второе часто смершныхъ родъ
Виною, бѣдъ своихъ считаешъ, хошъ и ложно;
А цблаго въ пошту намъ Рускимъ ѣсть не
должно.*

И. Покровскій.

3.

*Невиноватаго всѣ первылѣ называютъ;
Вторылѣ согласіе коропко объявляютъ;
А цблое шеперь за рѣдкосошъ почишаютъ.*

Ө. К.

(Изъ помѣщенныхъ въ N° XII Шарадъ первая значишь: Ты-ква, а вторая: Я-бѣда.)

П Р О З А.

КАБИНЕТЪ БАБОЧЕКЪ.

(Окончаніе.)

На другой день рано по ушпру пришель я опять къ Фердинанду и занятіе его въ эпошъ разъ ужаснуло меня еще болѣе, чѣмъ наканунѣ.

„Кстапи любезный **** — кричалъ онъ мнѣ навспрѣчу, держа въ рукахъ черепъ, блестящій бѣлизною. „Вошъ, по-смошри хорошенько и скажи, найдешъ ли шушь хошъ что нибудь похожее на органъ смерпоубійства, о копоромъ шакъ много говорили и писали?“ — Я содрогнулся; дрожащею рукою взялъ черепъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что верхняя мозговая чаша совершенно исковеркана.

— Голова какой нибудь жершвы убійства или самага прешупника? — спросилъ я шрепещущимъ голосомъ.

„Съ колеса! Смошри, вошъ здѣсь вбишъ былъ гвоздь!“ ошвѣчалъ онъ мрачно и холодно.

— Я не знапокъ въ черепословіи — возразилъ я, принуждая себя казаться равнодушнымъ, хопя кровь спыла въ моихъ жилахъ—однако органъ смерпоубійсшва мнѣ показывали: здѣсь я не нахожу его. —

„Ну, пакъ слушай же конецъ моей испоріи!“ сказалъ Фердинандъ, завернувъ черепъ въ черное покрывало и посадя меня опяшь на софу.

„Когда Ульрика кончила свой разсказъ, я гошовъ былъ снова заключишь ее въ свои объятія, еслибъ послѣднія слова ея не привели мнѣ на память сужденій общесшва и предоспереженій холоднаго моего разсудка.

Однако я все еще оставался въ нерѣшимосши, что мнѣ думашъ объ Ульрикѣ. Ожидая опъ нея прежде какого нибудь искусно сплешеннаго романа, я услышалъ о такихъ обспоящельсшвахъ, копорья были весьма просшы и ешесшвенны, копорья шрудно было бы даже выдумашъ. Полагая навѣрное, что она спанешъ опдѣлывашъ извиненіями, пусшыми опговорками, пешпральными увѣреніями, я нашель совсемъ

пропивное: она сама признавалась, въ какую бездну повергло ее легкомысліе и въ поже время, безъ всякаго жеманства, опкрыла мнѣ, какимъ образомъ спасла себя отъ разврата. Впрочемъ изъ самаго разсказа ея можно было видѣть, какъ достигла она того образованія, которое обнаруживалось въ каждомъ ея словѣ. Припомъ она упоминала о такихъ движеніяхъ сердца, которыя познаются только опытносною; говорила съ такимъ благородствомъ, съ такою увѣренностію въ самой себѣ, съ такимъ чистосердечіемъ, что и самая тонкая кокетка не могла бы такимъ образомъ притворствовашь. Къ тому же на лицѣ ея не было замѣтно нимальшихъ слѣдовъ разврата: щеки ея горѣли румянцемъ здоровья и спыдливости. Все это прошиворѣчило моимъ ожиданіямъ, моему предубѣжденію и я оспавался въ совершенномъ недоумѣніи.

Однако, что бы не измѣнишь самому себѣ и не мучишь безъ причины Ульрику, я почель за лучшее скорѣе оспавишь ее. „Благодарю шебя, любезная Ульрика, за то, что я опять могу вѣришь

тебѣ, что я опять могу думать о тебѣ съ душевною опрадою! Скоро, можешь быть, завтра, надѣюсь съ побою опять видѣться.“—Съ сими словами поцѣловала я руку ея и ушелъ. Она нисколько меня не удерживала.

Долго бродилъ я по полю въ совершенномъ разспройспвѣ мыслей; ночь не могла меня успокоить.

„Но что тебѣ за нужда, спрашивала я на другой день самого себя, добродѣтельна или порочна Ульрика? Развѣ непременно нужно возобновить прежнюю связь, прежнюю склонность, копорую сама она называетъ безразсудствомъ?“—Мнѣ казалось, что какой-то внутренній голосъ во мнѣ самомъ смѣялся этому вопросу и—чтобъ не мучить себя длинными рассказами—едва наступилъ полдень, какъ я уже спучался у забора и Ульрика побѣжала опворить мнѣ калипку. Такимъ образомъ непреодолима судьба опять восшоржеспвовала надъ нами.

Уже прежняя довѣренность съ новою силою воспановилась между нами; не проходило дня, чтобъ я не видалъ Ульрики . . . . Но съ нѣкопорого времени

сестра моя съ сердечною заботливостію спала мнѣ дѣлать значительные намеки. При всей осторожности, съ которою она мнѣ говорила, я узналъ, что давно уже рѣшено во всеобщемъ мнѣніи, будто Ульрика съ шестнадцати лѣтъ не принадлежала уже къ числу порядочныхъ женщинъ, будто нѣсколько лѣтъ провела она у Барона, какъ явная его любовница, и наконецъ будто въ Спразбургѣ жила въ одномъ изъ подозрительныхъ домовъ.

„Какая мнѣ нужда до всего эшаго?“ сказалъ я опять въ огорченіи самому себѣ.— „Нѣтъ! моимъ имѣніемъ, моимъ сердцемъ, моимъ спокойствіемъ могу я располагать, какъ хочу, но не моею честью!“—

Такимъ образомъ произнесъ я опять приговоръ свой и предпринимая небольшое путешествіе, которое должно было продолжиться около осьми дней, воспользовался симъ случаемъ, что бы сказать Ульрикѣ, что опъѣзжаю совсемъ. При эшомъ извѣстіи не замѣтно было никакого сильнаго движенія на лицѣ ея; она просмилась со мною, какъ съ дру-

гомъ своей юности—по видимому безъ глубокой печали; благодарила за радостныя часы, копорые дружба моя ей доставляла и копорыхъ не надѣялась уже имѣшь когда либо въ своей жизни; впрочемъ не услышала я опъ нея ни одной жалобы, ни одного упрека—она даже не просила меня, чшобъ я оспался на нѣкопорое время и не забывалъ объ ней.

И это равнодушіе меня не успокоило. Прежде въ мрачныхъ мысляхъ своихъ полагалъ я навѣрное, что это прощаніе обнаружитъ наконецъ ея намѣреніе завлечь меня въ свои сѣпи; но обманувшись, я ожесточился еще больше—внутренно упрекалъ ее холодностію, безчувствіемъ.

Однако во всю дорогу мучило меня неперпѣніе скорѣе возвратиться назадъ. Тщешно хощлъ я испребить ее изъ своей памяти; образъ ея носился безпреспанно предо мною, и вдругъ мысль, что еспъ возможность убѣдиться въ истинѣ или несправедливости ея повѣспованія, какъ лучъ небесный проникла въ мою голову. Можетъ бытъ еще живъ попъ священникъ, говорилъ я самъ

себѣ, съ копорымъ она познакомила у Варонессы; если же умерь, то пусть назовешь мнѣ кого нибудь еще изъ тамошнихъ своихъ знакомыхъ. Не уже ли, думаль я, не найдешся человекъ, копорый бы увѣрилъ меня въ ея невинности или обличилъ бы ея преспуление?

Я не понималъ, какъ прежде эта мысль не пришла мнѣ въ голову, но шеперь она занимала меня всего болѣе и — къ чему шаишься? — надежда найши Ульрику совершенно невинною успила-ла свѣжими цвѣшами пушь собспвенной моей жизни.

Я ускорилъ окончаніемъ дѣлъ своихъ и къ вечеру пятаго дня возвратился въ Ф*. Вышедъ изъ повозки, шель я по длинной липовой аллеѣ къ дому сесстры моей, какъ вдругъ вижу издали Ульрику съ ея шешкою, жившею тогда вмѣспѣ съ нею. Онѣ шли, рука объ руку, мнѣ на вспрѣчу.

Я не могъ долго колебаться; минута рѣшила и я подошелъ къ нимъ. Чшобъ оправдашь внезапное свое возвращеніе, я сказалъ ей, будшо получилъ на дорогѣ письмо, копорое меня къ шому побудило. Ульрика ни мало, казалось, не усум-

нилась въ испинѣ словъ моихъ. Мы оспановились и будучи не одни, разговаривали довольно равнодушно, хопя вопросъ объ имени священника безпреспанно верпѣлся у меня на языкѣ. Я держаль Ульрикину руку въ своей и время опъ времени нѣжно пожималь ее. Вдругъ подоидишь къ намъ молодой, здоровой мужчина въ праурѣ. Не скидая шляпы и нисколько не наклоня головы своей передъ нами, пропѣснился онъ довольно невѣжливо между мною и Ульрикой, взялъ ее за руку и повель домой. Я мѣрилъ его глазами и гоповъ уже былъ сдѣлашь ему непріятность, какъ слова Ульрики: „мой женихъ уже при дни!“ заградили мнѣ успа. Она произнесла ихъ весьма тихо и бросила на меня взглядъ, въ кошоромъ увидѣль я небо и адъ.

Въ эту минушу, какъ будшо волны морскія нахлынули со всѣхъ споронъ и поглопили меня! Судьба моя рѣшилась: Не помня себя опъ огорченія, я сдѣлаль ей неловкой поклонъ и поспѣшилъ къ сеспрѣ своей. Однако не нашель никого дома: сеспра, ожидая меня не прежде

недѣли, уѣхала съ мужемъ въ деревню. Странное предчувствіе овладѣло мною, когда я во всемъ домѣ оспался одинъ. Слугѣ сказалъ я, что уславъ опъ доро- ги, скоро лягу въ постель; но едва только выщель онъ изъ комнапы, я бросил- ся къ окошку въ садъ; начало смеркашь- ся; вижу, что Ульрикино бѣлое плашье мѣлькаешъ между деревьями и лечу пря- мо къ забору. Посмотря въ щель и уви- дя Ульрику, я легонько поспучался. „Одна ли ты Ульрика?“ спросилъ я.—Одна, оп- вѣчала она боязливо, только пшешушка на верху.—Едва выговорила она эши слова, какъ я уже взлѣзь на виноград- ную рѣщешку и перепрыгнулъ черезъ за- боръ. „Ульрика! ты невѣспа?“—вскричалъ я съ жаромъ и, какъ съумасшедшій, крѣп- ко прижалъ ее къ груди своей.

—Да! почемужь и не шакъ? — опвѣ- чала она съ горешію; рассказала попомъ что эшопъ женихъ долгое время былъ первымъ маркеромъ у опца ея и уже давно за нее свашался; что онъ, по смер- ти какогo-то богатаго родшвенника въ Б *** получилъ шамъ въ наслѣдштво большой шракширь; что опецъ ея дол-

жень былъ этому родственнику значительную сумму, которую наследникъ съ него требоваль, угрожая пюрьюмою; что она рѣшилась наконецъ принести себя въ жертву за отца своего, хотя и знала, что будущій супругъ ея, по своей развратной жизни, грубому и злому нраву, такое живошное, какихъ мало.

Видно было, что каждое изъ сихъ признаній дорого стоило спѣсенному ея сердцу; наконецъ всѣ силы совершенно ее оставили.... Слезы градомъ капались по лицу ея. Я былъ въ опчаяннн и обвинялъ внутренно самаго себя. За пять дней предъ симъ могъ я еще спасти ее, но былъ такъ безчеловѣченъ, что съ холодноспію опшолкнулъ ее.

Все послѣдующее разскажу въ немногихъ словахъ. Ты пожиль на свѣшѣ, знаешь людей, знаешь, можетъ бышь, и шо, что сердце раздраженнаго, впадашаго въ опчаяннн чловѣка, открыто для всякой спраснн—гошова на удовлетвореннн и самой преспуниѣншей.

Часъ опъ часу спановилось шемнѣе. Наконецъ пала роса; мы вошли въ комнату Ульрики; шешка ея была уже въ

поспели. Мы сидѣли, держа другъ друга въ объятіяхъ, и жаловались на судьбу свою. Свѣча догорала, чуть проливая томный свѣтъ; будущее скривалось опъ насъ въ туманѣ; настала—роковая ми-нуша! Моя безразсудная спрашь, Уль-рикино слабое сопротивленіе, шаин-свенная ночь, пламень двухъ сердець, обольщающихъ себя мечпами той сво-боды, кошорою наслаждались въ дѣш-ствѣ.... Я оставилъ Ульрику не шакъ уже безвиненъ, какъ пришелъ къ ней.

Геллершъ сказалъ: шрепечи перваго мгновенія. Это сбилось и съ нами. Уль-рика не дѣлала мнѣ упрековъ; она вини-ла одну себя. При всемъ томъ пробуж-денная чувшвенность, Ульрикина лю-бовь ко мнѣ, презрѣніе къ ея жениху побудили насъ ко многимъ споль же пресшупнымъ свиданіямъ. Мы жили какъ-бѣ въ безпрерывномъ ослѣпленіи. Я забылъ все; не исполнялъ даже и по возвращеніи сесшры моей шребованій приличія и гощепріимства. Виноград-ная рѣшешка, служившая мальчику пу-шеводшешельницею къ невиннымъ заба-вамъ, водила шеперь взрослога на явное пресшупленіе

Однако при всей моей оспорожноспи—какъ ни скрываль я ночныя свои спранспвованія—кто нибудь вѣрояпно подсперегъ меня. Опець Ульрики приказаль ей перебраться изъ саду въ домъ. Эмилія схватила однажды меня за руку и показывая на заборъ, съ нѣжнымъ, умоляющимъ взоромъ, украдкою опъ своего мужа, сказала мнѣ горестно: „бращецъ!“

И я былъ такъ беспыденъ, что сыграль роль совершенно непорочнаго. Она молчала, но это молчаніе не показывало нималѣйшаго убѣжденія въ истинѣ словъ моихъ и возбудило во мнѣ такую досаду, что я съ дерзоспію объявилъ ей о скоромъ своемъ опъѣздѣ и о томъ, что чрезъ нѣсколько дней Ульрика выходишь за мужъ.

Сердце мое сильно билось, когда я вошелъ въ свою комнапу. Какъ? уѣхашъ и оставишь Ульрику на жерпву судьбы ея? Уѣхашъ, не выдавшись съ нею по крайней мѣрѣ еще однажды? Нѣшь! Я долженъ былъ ее увидѣшь, долженъ былъ предложишь ей все, чтобъ загладишь вину свою, еслибъ даже и самая жизнь моя была тому цѣною.

Послѣ многихъ неудачныхъ хитростей, я успѣлъ наконецъ доставить ей опть себя письмецо. Она общала мнѣ послѣднее свиданіе въ одномъ публичномъ, но съ давняго времени опущѣвшемъ саду.

Когда я сквозь обнаженныя вѣтви дѣревя увидѣлъ ее, идущую по шумящему осеннему хворосту, съ опущеннымъ на лицо покрываломъ, по все еще имѣлъ твердое намѣреніе не иначе распашься съ нею какъ обрученнымъ. Я считалъ себя довольно богатымъ, чѣтобъ спасти опть погибели ея опца. Но лишь только со всемъ жаромъ краснорѣчія объявилъ ей о семъ намѣреніи, какъ она съ ужасомъ опспушила назадъ, „Нѣтъ, Фердинандъ! Никогда, не соглашусь на пвое предложеніе. Доброе мое имя похищено легкомысліемъ моей юности—еще тогда, какъ я была совершенно невинна; и я люблю себя съ такимъ безкорыстіемъ, чѣто никакъ не могу рѣшиться опдать на жертву чести пвою и лишиться себя всего имущества. До той минуты, когда ты въ первый разъ пришелъ въ мою комнату, можешь быть я колебалась

бы еще; но теперь уже поздно! И съ побою была бы я несчастлива; ты также не имѣлъ бы и минушы покойствія. Злые языки не умолкли бы никогда; родственники твои оспались бы въ твоѣхъ мысляхъ, что я съ умысломъ тебя развращила; связь моя съ побою могла бы въ минушы огорченія внушить и тебѣ самому невольное подозрѣніе. Нѣтъ! я пришла сюда только для того, чтобы просишься съ побою. Ты будешь иногда вспоминать о подругѣ твоей дѣшшва, будешь думать о нашемъ послѣднемъ свиданіи и, какова бы ни была моя участь, я снесу ее безъ ропоша.“

Она оспалась непреклонна—не смотря на всѣ мои убѣжденія, не смотря на то, что я даже на колѣнахъ умолялъ ее, предспавлялъ ей возможность оправдать честь ея, по крайней мѣрѣ въ глазахъ родственниковъ и корешко знакомыхъ людей. Она сказала мнѣ весьма равнодушно имя священника, но въ то же время узналъ я, что имѣніе мое слишкомъ недоспапочно для уплаты долговъ опца ея. Разспроивъ свое соспоянне, онъ былъ еще въ послѣднее время шакъ

безсмысленъ, что ставилъ большія суммы въ лошерею и совершенно уже зависѣлъ отъ него, кшо прежде былъ его слугою.

Мы распались. Сердца наши обливались кровію. Тогда пришло мнѣ въ голову, что на упорство Ульрики имѣли также немалое вліяніе угрозы злобной пророчицы.

Печаль моя доходила до отчаянія и при всемъ томъ я долженъ былъ шаить ее. Я спѣшилъ оставить Ф***, какъ бы преслѣдуемый рукою мщенія. Мѣсяца черезъ четыре услышалъ я, что Ульрика, вышедши замужъ, переѣхала на жительство въ Б***.

Путешествіе, которое я въ качествѣ домового доктора Князя С... сдѣлалъ съ нимъ по Италіи и Швейцаріи, также непрерывныя занятія по прибытіи въ отечество, возвратили мнѣ опчасши прежнее спокойствіе. Жизнь перестала тяготить меня. Я почти совершенно оправился, но принялъ швердое намѣреніе никогда не жениться. Вдругъ однажды въ два часа ночи получаю чрезъ эшафету письмо незнакомой руки. Вотъ оно. “

Фердинандъ доспалъ изъ своего бумажника письмо. Я прочишалъ въ немъ слѣдующее:

„Сочиненія ваши давно уже заспа-
 „вили меня любишь въ васъ и уважать
 „человѣка, который, будучи напишанъ
 „духомъ древнихъ и образованъ обшир-
 „нымъ ученіемъ, съ пламенною ревно-
 „сшію ко благу своихъ собратій соеди-
 „няешь высочайшее понятіе о жизни.
 „По сему-по, въ полной надеждѣ на ва-
 „ше мужество и состраданіе, опважи-
 „ваюсь сообщить вамъ извѣстіе, копо-
 „рое, какъ полагаю я, хотя и приведетъ
 „васъ въ ужасъ, но безъ сомнѣнія заспа-
 „витъ послѣдшии къ спасенію одной
 „несчастной,—если впрочемъ это состо-
 „итъ въ вашей волѣ.“

„Эта несчастная—жена содержаще-
 „ля прапкпира подъ вывѣскою золопаго
 „орла, Ульрика ***; урожденная **** изъ
 „Ф***. Находясь здѣсь лекаремъ при шем-
 „ницахъ, я успѣлъ снискашь ея довѣрен-
 „ность и учась ея возбудила искрен-
 „нѣйшее состраданіе не только во мнѣ,
 „но и во всѣхъ жителяхъ нашего горо-
 „да. Изъ нѣкошорыхъ словъ ея долженъ

„Я заключилъ, что вы нѣкогда принимали
 „гораздо большее въ судьбѣ ея участіе,
 „нежели сколько она осмѣливается, въ
 „шомъ признаваться.“

„Послѣ самыхъ несносныхъ оскорб-
 „лений, претерпѣнныхъ ею въ замуж-
 „ствѣ одна минута изступленія сдѣла-
 „ла ее прошивъ воли пресупницею.
 „Она предана суду, какъ убійца своего
 „мужа; смертный приговоръ произне-
 „сенъ уже надъ нею, и если не явился
 „неожиданно какой нибудь Ангель для
 „ея спасенія, то ей оспаешся еще поль-
 „ко восемь дней влачить бѣдспвенную
 „жизнь, кошорая потеряла для нея всѣ
 „свои прелести .,“

„Теперь вы знаете все. Предоставляю
 „вамъ дѣлать, что вы признаете за луч-
 „шее. Во всякомъ случаѣ вы можете по-
 „ложиться на дѣяпелнѣйшее съ моей
 „спороны вспоможеніе, еспли только
 „оно будетъ не прошивно чеспи и обя-
 „занностямъ моимъ. Съ истиннымъ ува-
 „женіемъ и пр.“

Ужасно! вскричалъ я, прочитавъ
 письмо и какъ весь онѣмѣлый, выпу-
 сшилъ его изъ рукъ своихъ. Фердинандъ,

копорой между нѣмъ спояль неподвижно предъ поршрешомъ съ усшремленными на него глазами, обернулся ко мнѣ въ сильномъ движеніи.

„Ужасно! Не правда ли? — О! эша Ульрика, копорую я въ ребячеспвѣ шакъ часшо заключаль въ свои объашія и послѣ любилъ шакъ пламенно — копорая по словамъ пресшарѣлаго, при дверяхъ гроба спшоявшаго священника, была всегда Ангеломъ чшсшосердечія и благошравія; эша Ульрика, копорой единшвеннымъ развшрашшелемъ былъ я, въ объашіяхъ копорой самое пресшупленіе казалось мнѣ споль сладосшнымъ — не правда ли? Ты шакже плачешъ объ ней?“ Онъ бросился ко мнѣ на шею и слезы, давно небывалыя слезы, полились ручьями изъ глазъ его.

Успокоясь немного и собравъ силы, онъ продолжалъ:

„Ты можешъ предшпавишь себѣ, чшо письмо шюрешнаго лекаря, какъ ни ошпорожно и съ какимъ сердечнымъ учащіемъ ни было оно написано, наполнило ужасомъ всю мою душу. Но лишь шолько успѣлъ я немного придти въ

себя, какъ, не дожидаясь разсвѣта, послалъ за почповыми лошадьми и бросаясь въ повозку, поскакалъ въ Б***. Я не щадилъ ни просьбъ, ни денегъ, чшобъ ѣхать какъ можно скорѣе и едва приѣхалъ на мѣсто, какъ въ ту же минуту побѣжалъ къ шюремному лекарю.

Я нашель въ немъ уже пожилаго, сколько же благороднаго въ обращеніи, сколько и обогащеннаго свѣденіями человека. Окруженный супругою и прелестными дѣшми, казался онъ счастливъ—хотя на открытомъ челѣ его и примѣтна была нѣкошорая угрюмость, вѣрояшно отъ того, что онъ по своей должности принужденъ былъ посѣщать ежедневно бѣдныхъ, несчастныхъ больныхъ — даже опчаянныхъ и сумасшедшихъ.

Онъ пошчасъ повель меня въ свой кабинетъ и я замѣшилъ, что хотя онъ и ожидалъ меня, однакоже приѣздъ мой не мало удивилъ его. Прежде всего просилъ я его дать мнѣ поняшіе, какимъ образомъ Ульрица сдѣлалась пресупницею; и онъ разказалъ мнѣ самыя малѣйшія подробности сего происшествія.

Правда, что онъ, будучи обманушь Ульрикиною предосторожносною, ни мало не чувствоваль, какъ многія изъ словъ его глубоко опзывались въ душѣ моей. Я расскажу тебѣ только главнѣйшее.

Ульркинъ мужъ, наслышась въро-яшно злыхъ рѣчей о ея поведеніи, съ самаго начала ихъ брака спаль обращать-ся съ нею, какъ самый ревнивый и жестокосердый ширанъ.

Не удивительно, что молодая прак-ширица, красотою своею и пріятнымъ обращеніемъ, и въ Б*** привлекала къ себѣ всякаго; что впрочемъ дурная слава, копорую имѣла она въ своей опчизнѣ, мало по малу распроспранилась и въ новомъ мѣстѣ ея жительства; не уди-вительно и то, что не смотря на спро-госпъ ея поведенія, всякой оспанавли-вающейся у нихъ проѣзжій охотнѣе же-лалъ имѣть дѣло съ нею, чѣмъ съ гру-бымъ и необразованнымъ ея мужемъ, и что даже многіе позволяли себѣ нѣко-торыя вольности, хотя погдашній об-разъ ея жизни не подаваль никакого къ шому повода. Но мужъ, замѣчавшій каж-

дый шагъ ея, чрезвычайно досадовалъ на эпо и поступалъ съ нею, какъ съ послѣдней изъ своихъ служанокъ. По злобѣ своей и непомѣрной скупосши, осудилъ онъ ее опсправлять самыя низкія работы и подчинилъ совершенно своей матери, въ характерѣ копорой соединялись всѣ гнусности, свойственныя шарой, злой женщиной.

Можно вообразить, какъ ужасно было положеніе Ульрики, копорая нѣкогда въ замкѣ Баронессы наслаждалась самою пріятнѣйшею жизнью; но она все сносила съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. Даже слуги смотрѣли на нее съ состраданіемъ и охотно гошovy были облегчашь всѣ пруды ея.

Наконецъ она—разрѣшилась опъ бремени . . . . мѣсяцомъ ранѣе обыкновеннаго. Не смотри на меня — вскричала Фердинандъ съ ужаснымъ содроганіемъ. —*Моя вина* внесла мечъ надъ главою Ульрики.

Умолчу о всѣхъ мученіяхъ, претерпѣнныхъ ею съ того времени. Мужъ ея, копорый можетъ бышь многое, что дошло до его слуха, принаровилъ къ

этому общошпельсшву, который, можеть бышь, привель себѣ на памяшь и пошь вечерь, когда мы сощились съ нимъ вмѣспѣ, былъ такъ безчеловѣченъ, что не пощадиль ее даже въ болѣзненномъ ея положеніи. Ея спраданія споили жизни младенцу.

Когда Ульрика нѣсколько оправи- лась, ее сослали въ кухню и осудили на спрягну. Мужъ находиль тысячи слу- чаевъ осыпашъ ее, даже при служиле- ляхъ, ужаснѣйшими ругашельсшвами. Она нѣсколько разъ унижалась до того, что на колѣнахъ просила его о разводѣ; но онъ опвѣчалъ всегда: „пожалуй, сию же минушу развелся бы съ тобою, ког- да бы опецъ пвой былъ живъ и запла- шиль мнѣ весь долгъ; но теперь, за свои деньги, хочу я имѣшь по крайней мѣрѣ служанку, которая не смѣеть бѣжашъ опъ меня!“ И свекровь ея всякой разъ при эпомъ хохотала опъ радости, какъ адская Фурия.—Всѣ эти обстоятельсш- ва подшверждены предъ судомъ досто- вѣрными свидѣтелями.

Однажды вышла у ней со свекровью кака-шо ссора и послѣдняя позвала на

помощь къ себѣ своего сына. Этошь извергъ, раздраженный предъ шѣмъ однимъ изъ своихъ госшей, шакъ забылся, чпо ничего не слушая и не разбирая, ударилъ Ульрику по щекѣ, чего онъ прежде никогда не осмѣливался дѣлать. Послѣ шого обернулся онъ хладнокровно и хопѣлъ выдти вонъ; но Ульрика была уже внѣ себя.

„Прокляшая жизнь!“ вскричала она, пылая гнѣвомъ и бросила въ слѣдъ за нимъ большой кухонный ножъ, кошорый на шопъ разъ былъ въ рукахъ ея. Злой духъ направилъ ударъ; ножъ сквозь спину вонзился въ сердце. Черезъ нѣсколько часовъ мужъ ея испустилъ духъ.

Когда свершилось пресшупленіе, Ульрика, не говоря ни слова, сѣла спокойно и ожидала, пока полицейскіе служители придуть за нею. Она призналась во всемъ при первомъ допросѣ и не приводила ничего въ свое оправданіе, кромѣ шого, чпо она сдѣлала это въ безпамятствѣ и безъ намѣренія.

Сначала шакое неистовое смершубійство вооружало прошиву нея всякаго, но въ послѣдствіи, когда узнали по-

дробно всё обспояшельсшва, красота ея, кропосшь, благоразуміе и смиреніе передь сѹдъбою, возбуждали во всѣхъ сердечное учаспіе. Многие, хошя и щещино, искали средспвь облегчиль ея наказаніе; сама же она не сдѣлала ни одного шага къ спасенію своей жизни.

Въ приговорѣ опредѣлена была ей казнь мечемъ и пригвожденіе шѣла ея къ колесу. Эшошь приговоръ, не смошря на многія за нея просьбы важныхъ особъ, подписанъ былъ Государемъ, пошому чшо въ послѣднее время совершено было много подобныхъ пресшупленій, кошорыя опъ руки наказующаго правосудія пребовали ужаснаго примѣра.

День казни былъ назначенъ и шемница съ ушра до вечера наполнялась людьми, спекавшимися видѣшь прекрасную убійцу. Ей не возможно было иначе избавилься опъ пягоспныхъ взоровъ любопытсшва, какъ объявивъ себя больною, чшо при такихъ обспояшельсшвахъ было и не удивительшо. Такимъ образомъ познакомилась она съ шпоремъ нымъ лекаремъ: жершва, осужденная на

смерть правосудіемъ, должна умереть не иначе, какъ опъ меча его.

Человѣколюбивое обхожденіе лекаря—можешь бышь и его званіе, которое было также и моимъ—открыли для него сердце Ульрики. Она спросила его, какъ будто случайно, знаешь ли онъ своего товарища N, а потомъ хотѣла знать, можешь ли дойти до меня слухъ объ ея осужденіи?

Лекарь отвѣчалъ, что сіе легко случисься можешь. „Я бы не желала эшаго“—сказала она тогда спокойно.

Когда лекарь, сдѣлавшись внимательнѣе, хотѣлъ вывѣдать опъ нея пому причину, она отвѣчала только: „нѣтъ! я бы не желала эшаго—онъ былъ знакомъ со мною съ малолѣтства — теперь еще онъ не долженъ знать объ эшомъ, но я хотѣла бы писать къ нему—возмешь ли вы доставить ему письмо мое?“—Взявъ такимъ образомъ общаніе съ лекаря, она какъ будто облегчилась опъ ужасной тягости. „Благодарю васъ — примолвила она улыбаясь — теперь я умру спокойно.“

Я хотѣлъ поспѣшь взять же у него эше

письмо, однако оно еще не было ему отдано. Тогда заклиналъ я моего новаго друга—его участіе въ судьбѣ Ульрики въ короткое время связало насъ неразрывными узами — дашь мнѣ совѣтъ, какое бы средство употребилъ для спасенія Ульрики; увѣрялъ его, что я готовъ на все; просилъ—доставилъ мнѣ по крайней мѣрѣ свиданіе съ нею. Онъ общалъ послѣднее, но не прежде, какъ поговоря о томъ съ Ульрикою; о средствѣ же помочь ей послалъ онъ меня посоветоваться съ ея адвокатомъ, котораго искусство и усердіе извѣстны были всему городу.

Въ ту же минуту побѣжалъ я къ адвокату. Онъ былъ еще весьма молодой и живой до крайности человекъ: во всѣхъ рѣчахъ его и мѣлодвиженіяхъ видѣнь былъ огонь, готовый ежеминутно вспыхнуть; геній сверкалъ въ его впа-лыхъ глазахъ. Какъ скоро я сказалъ ему о причинѣ моего посѣщенія, онъ успремилъ на меня взглядъ свой и поблѣднѣлъ. Потомъ съ необыкновеннымъ жаромъ схватилъ мою руку, сжалъ ее сильно и сказалъ, потрясенный до глубины

души: „для родной сестры не могъ бы я сдѣлать болѣе того; что дѣлалъ для нея.—Я зналъ ее, когда она еще почиталась лучшею женщиною въ нашемъ городѣ—я спокоенъ—успокойтесь и вы—все напрасно!“

Я заклиналъ его написать еще просьбу, крапкую, но убѣдительную; однимъ словомъ, какую могло внушить ему соспрадапельное сердце; признался ему въ винѣ своей, копорую проницательный взглядъ его казался и безъ того угадывать; убѣждалъ его даже объявить мое признаніе—если только это къ чему нибудь послужить можетъ; вызвался самъ представить Королю это прошеніе. . . . .

„Все напрасно! все напрасно!—вскричалъ онъ снова — Король не можетъ и не захочетъ оказать помилованіе. Если бы онъ даже захопѣлъ—шеперъ уже поздно! Вчера уѣхалъ онъ опсюда для осмотра войскъ. И самый курьеръ не можетъ постѣть въ споль корошкое время туда и назадъ.“

При сихъ словахъ онъ не могъ удержать слезъ своихъ. Два незнакомца за-

ключили тогда другъ друга въ объятія и плакали, какъ братья о поперѣ милой сестры своей. Если я не ошибаюсь, то не одно состраданіе заставляло его приниматъ участіе въ Ульриксѣ.

Долженъ ли я описывать тебѣ, что было послѣ? Долженъ ли говорить, какъ я вымышлялъ и перялся въ вымыслахъ, какою бы хитростию освободишь ее изъ темницы? какъ въ безуміи своемъ, хотѣлъ подкупить сразу при всей невозможности сдѣлать это? какъ наконецъ — получилъ позволеніе просидѣть съ нею, хотя по непремѣнному ея желанію не иначе, какъ въ присушствіи лекаря? какъ она, уже болѣе небесное, нежели земное существо, въ душевномъ умиленіи называла меня другомъ своей юности и опіюняла каждый порывъ спроси моею безмятежнымъ взоромъ, смиреннымъ увѣщаніемъ? Долженъ ли я изобразить тебѣ всѣ ужасныя приготовления, кошорья кажутся и теперь еще у меня предъ глазами?

Я перенесъ все, что возможно перенести челоуѣку. Она шла на смерть за меня — долженъ ли я былъ въ послѣд-

Нью минушу скривашься опъ ея взо-
ровъ? Нѣтъ! я самъ, я самъ кошѣль ви-
дѣшь послѣднее мученіе невинной спра-
далицы!

Всѣ усилія лекаря опклонить меня
опъ сего намѣренія оспались щещны.
Видя мою рѣшимость онъ и адвокашъ,
кошорый не кошѣль успунилъ мнѣ въ
твердоспи душевной, взяли меня подъ
руки и повели на мѣспо казни. Мнѣ, какъ
чужеспранному докшору, подъ вымы-
шленнымъ предлогомъ одного гальвани-
ческаго опыша, легко было позволено
приблжиться къ эшафопу.

Медлѣнно было ея шещвіе къ роко-
вой машинѣ. Видѣ ея, спокойный, вели-
чавый, но чуждый всякаго теапральна-
го героизма, возбудилъ во всѣхъ при-
существующихъ громкіе порывы состра-
данія; почти всѣ проливали слезы. Взо-
шедъ на эшафопъ, она сложила руки и
неподвижно успремила взоры свои на
небо. Все земное казалось предъ нею из-
чезло. Ей завязали глаза. Ударъ меча пре-
крашилъ и жизнь ея и спраданія.....

Принужденная швердосшь моя изчез-
ла. Я поперялъ и память и чувшва.

Меня увезли въ каретѣ, которая была прежде для того приготовлена.

Тѣло Ульрики было погребено; шелько голову ея пригвоздили къ колесу—она недолго оспавалась на мѣстѣ казни. Посредство друзей моихъ и деньги, которыхъ я охотно далъ бы въ соперо болѣе, доставили ее въ мои руки. Вошь памъ лежишь она — единственная моя драгоценность! — — — — “

На слѣдующій день я опять пришелъ было посѣпить Фердинанда, но мнѣ сказали, что онъ въ ночь уѣхалъ. Черезъ полгода получилъ я извѣстие, что смерть прекратила его горести. Испорія его можешь служишь не для одного любопытства. Подобныя обстоятельство могутъ случиться со всякимъ: здѣсь найдешь онъ разительный для себя примѣръ.

Бугуль.

***

СМЪСЪ.

Каменѣющія озера въ Хираминѣ
въ Персіи *).

Это чудесное произведеніе природы состоить изъ нѣсколькихъ озеръ или необыкновенныхъ болошь, стоячія воды коихъ порѣшатся, части же ихъ соединяются между собою и каменѣють. Они производятъ весьма красивый, прозрачный камень, извѣстный подъ именемъ Юрицскаго мрамора, копорымъ уложены частію прекраснѣйшіе рвы въ Персіи и копорый составляетъ главнѣйшее украшеніе всѣхъ превосходнѣйшихъ зданій въ свѣтѣ. Болоша сіи находятся одно подлѣ другаго на пространствѣ около полумили. — Въ окружности сего мѣста земля издаетъ глухой звукъ, все сухо и приведено въ извѣстѣ; когда же подойдешь къ самымъ болошамъ, то видѣнь довольно значительный минеральный источникъ, изъ оныхъ выходяцій. Можно глазомъ слѣдовать за поспешнымъ возраспаніемъ сего окаменѣнія. Здѣсь вода свѣпла, далѣе она уже спановится гуще, попомъ совершенно черна, а

---

*) Изъ вшораго пушешествія *Morriera* въ Персію.

при концѣ ея превращенія имѣетъ видъ бѣлаго студня. Поверхность воды, въ состояніи окаменѣнія, походитъ на ледяную кору. Прежде, нежели окаменѣніе совершилось, камень, кинутый на поверхность, прошибаетъ оную и вода выскакиваетъ изъ подъ низу; но если превращеніе окончено, брошенный камень не производитъ уже никакого дѣйствія и даже можно ходить смѣло по поверхности, не боясь провалиться или омочить ногъ. Если сію окаменѣлость разложитъ, то весьма легко увидишь чудесную постепенность въ ошвердѣніи воды, и самый камень кажется составленнымъ изъ различныхъ, другъ на друга положенныхъ бумажныхъ листовъ. Безпрестанное стремленіе сей воды къ окаменѣнію такъ велико, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на поверхности дѣлаются пузыри, окаменѣлость принимаетъ видъ шарика, какъ будто бы какимъ волшебствомъ сей пузырь былъ внезапно превращенъ въ мраморъ. Каменные пузыри, которые составляютъ самые достопримѣчательныя части сего чрезвычайнаго окаменѣнія, содержатъ въ себѣ иногда частичцы земли, чрезъ которыя вода проходила. Сіе каменное вещество весьма легко распирается, прозрачно и часто покрыто жилами различныхъ цвѣтовъ, какъ по зеленого, краснаго и желтаго. Оно удобно распили-

ваеся на части чрезвычайной величины и принимаетъ удивительную полировку. Кромѣ *палошника* нѣтъ никакого другаго расщѣнія въ сихъ болошахъ, кошорыя безъ сомнѣнія соспавляютъ одно изъ чрезвычайнѣйшихъ чудесъ природы и заслуживаютъ особеннаго вниманія естествоиспытателей, шѣмъ болѣе, что до сего времени ни одинъ еще Европеецъ не имѣлъ случая осмотрѣть ихъ.

А.

*Способы узнавать чистоту и доброту желѣза *).*

Великія разности, представляемыя желѣзомъ въ его качествахъ и существенно-сти, могутъ быть различены въ нѣкоторыхъ случаяхъ простымъ (наружнымъ) видомъ сложенія чашей, зерна, наружности полюсь, окисленія поверхности; но поелику таковыя признаки часто бывають обманчивы, по должно, ешлы желаемся имѣть

---

*) Переводъ изъ *Sidérotechnie, ou l'art de traiter les minera de fer etc.* par Mr. Hassepratz.

надлежащее понятіе о желѣзѣ, испытать его. Такимъ образомъ поступаютъ всѣ торговые люди и внимательные управители, которые обыкновенно получаютъ различнаго рода желѣзо изъ разныхъ желѣзоковаленъ и разныхъ странъ.

Между практическими способами, употребляемыми къ познанію качества желѣза, считается пять такихъ, кои благоуспѣшно служить могутъ.

1.) *По наружному виду.* Если поверхность заржавѣла, и ржавчина мучниста и обильна, то значитъ свойство хладноломкаго желѣза; если она плоска и какъ бы липкая (гладкая), то знакъ мягкаго желѣза *); если же поверхность прециновата (*les arêtes gerçées*), то означаетъ красноломкое желѣзо; когда изломъ имѣетъ листоватость (*des lames*), то знаменуетъ хладноломкое желѣзо.

2.) *По испытанію въ холодѣ.* Если при косвенномъ ударѣ полосы, стибаніи, или складываніи ея, сверленіи, или бросаніи, она сокрушается, то сіе служитъ вѣрнымъ знакомъ, что такое желѣзо будетъ ломко; если же она, будучи сложена, или согнута, сохраняетъ данное ей положеніе и

---

*) Grignon, Analyse de Bergman, note VI, page 108.

форму, то знаменуешь ковкое (мягкое) желѣзо; но когда она выпрямляется, то доказываешь упругость (твердость).

3.) *По испытанію въ жару.* Если желѣзо не дается ковки во всѣхъ температурахъ; если прескается, крошится (порошится) при ковани въ жару—такое желѣзо есть цвѣпное (*fer de couleur*); если оно при томъ сокрушается при сгибани его, при крученіи и пробовани; то доказываетъ красноломкое желѣзо.

4.) *По отношенію къ кислотамъ.* Если она производятъ на немъ пятно сѣрое, то означаетъ углеватость, и такое желѣзо бываетъ твердое (жесткое), нѣсколько оспаленное (*aciégé*); если же оно пятно бѣлое, то значитъ мягкое желѣзо.

5.) *По закалкѣ.* Если желѣзо расклевывается при закаливаніи его въ водѣ, если получишь мѣлкое зерно, то *вброятно* *), что сіе желѣзо есть твердое и *стальватое* (*aciégеux*); но если независимо опытныхъ свойствъ, желѣзо оказывается твер-

---

*) Здѣсь употреблено слово *вброятно*, потому что *Воксельнъ* (*Vauquelin*) нашелъ такое же качество въ мышьяченномъ желѣзѣ (*fer arsenié*); слѣдовательно опытныхъ свойствъ недоспапочно къ опличію твердаго желѣза, но должно къ тому присоединить еще и нижеслѣдующія опъ переводчика.

до къ пилѣ, естли рѣжетъ стекло, царапаетъ другое желѣзо: по иѣшь сомнѣнія, чшобы оно не было твердо (жестко) и сплавато (асіеіеих).

Вообще желѣзо бываетъ добраго качества, когда оно гнется, сверлился, крушится, дается ковиѣ, и не теряетъ достоинства своего ни въ жару, ни въ холодѣ и ни въ какихъ подобныхъ измѣненіяхъ.

В. Любарскій.

Благотворенія.

Письмо къ Издателю.

Бѣдная и больная вдова флота Капитана 1 го ранга и Кавалера ордена Св. Георгія 4 класса *И . . . Д . . . Ш . . .* находится теперь въ самомъ горестномъ положеніи. Единственнае ея ушѣшеніе составляли два сына ея, копорые недавно выпущены изъ Морскаго Кадетскаго Корпуса во флотъ. Сія несчастная и почтенная женщина терпѣливо переносила съ ними бѣдность въ надеждѣ, что со временемъ будущъ они ей подпорою и успокоятъ ея старость. Нынѣ смерть похишила одного изъ нихъ и Гла

III... принуждена была войти въ новые долги на похороны своего сына.

Убѣдительнѣйше прошу васъ, М. Г., печатающъ сіи строки въ издаваемомъ вами журналѣ. Я увѣренъ, что въ числѣ читателей *Благодѣлительнаго* найдутся многія сострадаательныя особы, которыя побуждены Гжѣ *III*. уплатить ея долгъ, составляющій всего вообще около *шести сотъ* рублей. Истинно одни только несчастія принудили ее войти въ столь неполашный для нея долгъ. — Память о заслугахъ покойнаго мужа Гжи *III*. и всеобщее уваженіе къ ней заставляють меня просить васъ, чтобы имя ея не было объявлено. Она живетъ въ ..... Что будетъ собрано въ ея пользу, благоволише доставить въ Г. Главному Командиру .... Порты, или прямо къ ней по прилагаемому при семъ адресу *).

Имѣю честь быть и проч.

N. N.

7 *Юля* 1819.

~~~~~

*) Исполню съ удовольствіемъ. *Изд.*

Извѣстіе о продажѣ Нумисмати- ческаго кабинета.

Въ Песпѣ, что въ Венгріи, одинъ изъ Профессоровъ тамошняго Университета на-мѣренъ продать превосходный Нумисмати-ческий кабинетъ, заключающій въ себѣ мно-гія и весьма рѣдкія монеты. Любители Нумисматики могутъ получить подробнѣй-шее о семъ свѣденіе и видѣть каталогъ означеннаго кабинета въ книжной лавкѣ братьевъ Слѣниныхъ, въ домѣ Кусовникова, что у Казанскаго моста.

И.

~~~~~

(15 Іюля.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮЛЬ. 1819. N° XIV.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗИМА.

КЪ Е. К. С.

Уныль, печалень видъ природы;
Раздался всюду въспровъ вой;
Небесны помрачились своды.
Волшебный жезль просшерши свой,
Зима все въ камень превращаешь,
Мятели, вьюги посылаешь;
Умолкнуль въ рощѣ соловей;
Древа опъ лисшьевъ обнажились;
Буграми снѣжными покрылись
Красы долинъ, луговъ, полей.

*

Лишь прелѣспи весны увяли,
И знойно лѣшо пришекло;

За нимъ дни осени настали.
 Ужасно вѣчноши жерло
 И ихъ не медля поглотило,
 Все снѣгомъ, инеемъ покрыло
 И опдало во власть зимы.
 При быстромъ, семъ временъ печеньи,
 Природы цѣлой измѣненьи,
 Не можемъ вѣчны быть и мы.

*

Такъ шочно, С. . . . , исчезающъ
 И нашей жизни времена.
 И наши лѣша прошекающъ,
 Какъ съ горъ бѣгущая волна.
 Давноль у Волгскихъ струй прохладныхъ,
 На мирныхъ берегахъ, опрадныхъ
 Часы я дѣтства провождалъ,
 Подъ кровомъ шишигы свяшья,
 Среди безпечноши злашья,
 Одишь лишь радости вкушалъ?

*

Какъ краткій, сладкій сонъ, промчались
 Сии благополучны дни;
 Воспоминанія остались
 О нихъ пріяшныя одни.
 Настала юность—машъ бореній,
 Опчаянья и восхищеній,
 Всѣхъ пылкихъ, яростныхъ спрасстей,
 Несбыточныхъ надеждъ, мечшаній

Всѣхъ чувственныхъ очарованій,
Раскаянія, слезъ, скорбей.

*

Лишь время юное промчалось,
И зрѣло мужество пришло;
Что прежде намъ добромъ казалось,
То нынѣ представляешь зло.
Просившись любви съ цвѣтами,
Тогда спремимся за чинами,
Богатствомъ, извѣстности жопимъ. —
Еще духъ бодръ и крѣпки силы;
Ошъ колыбели до могилы
На средней почкѣ мы стоимъ.

*

Но скоро здравье ослабѣетъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и самый духъ;
Кровь пылка въ жилахъ охладѣетъ;
Пришупяшся и зорь и слухъ.
Какъ кроетъ снѣгъ холмовъ вершины,
Покажущся на насъ сѣдины.
Какъ вихрь стигаепъ дерева,
Такъ шаростію изнуренны
Являшся наши преклоненны
И спань, и выя, и глава.

*

Какъ роци оставляютъ пщицы,
Почувшвовавши зимній хладъ,

Сполпясь во многія спаницы,
 Полещь ко югу свой спремяшь:
 Такъ дѣвы юныя, прекрасны
 Просшрушь къ инымъ взоръ сладоспрасп-
 ный,

Опъ нашихъ бѣгая морщинъ;
 Къ другимъ въ обьяшія помчашся,
 На вѣкъ со спарцами проспяшся;
 Намъ—гробъ останется одинъ.

*

И такъ всеобща разрушенья
 И нашъ составъ не избѣжишь;
 Жизнь наша шѣмъ же измѣненьямъ,
 Какимъ природа, подлежишь.
 Смершь—обща участь, шо неложно;
 Какимъ же образомъ возможно
 Ушѣшишься въ сей долъ намъ? —
 Опъ люша, гибельна мороза
 Увянула въ долинь роза,
 Опадавъ листы свои вѣшрамъ;

*

Но шолько снова возвращишся
 Къ намъ живошворная весна,
 Опяшь опъ корня возродишся,
 Вшорично разцвѣшетъ она.
 Когда сужденья мудрыхъ правы
 И вѣры испинны ушавы,
 Воскреснемъ нѣкогда и мы;

Возванные трубой громовой,
 Возстанемъ къ жизни вѣчной, новой,
 Могильной свободяся шмы.

*

Блаженъ, кто Божески велѣнья
 Отъ дѣтства свято сердцемъ чшишь;
 Отвергнувши спрасей внушенья,
 Одно добро другимъ шворишь;
 Слабѣйшаго не пришьсняешь;
 Куска изъ рукъ не вырываетъ
 У вдовъ и плачущихъ сиротъ;
 При сшонѣ бѣдныхъ не ликуешь;
 Душею подло не торгуешь;
 Народной крови не сосѣтъ!

*

Кто пакъ живешь, шотъ не боишься
 Косы при видѣ роковой;
 Безъ страха онъ во гробъ ложится,
 Срѣшая шамъ—единъ покой.
 Какъ пушникъ, зноемъ упомленный,
 Колючимъ перномъ изъязвленный,
 Прешедши горы и лѣса,
 Узрѣвъ шалашъ свой. . . . поспѣшаетъ:
 Такъ шочно онъ во гробъ спупаетъ,
 Ему смерть—шагъ на небеса!

Вятка.

В. Копыловъ.

ВАСНИ *).

1. Портретъ Лъвицы.

Левъ Царь звѣрей

Списать поршреть, со Лъвицы дочери своей,
Маршышкѣ заказаль. И вошь она шрудилсь,

Суешилсь,

И такъ и сякъ предъ Лъвицею вершилсь:

То бровки проведешъ,

То вдругъ опяшь сопрешъ,

Отскочишь, присѣдаешъ,

То краски подбираешъ,

Иль сморщасъ, кисть мѣняешъ...

Ну, словомъ, ей хлонопъ,

Какъ говорилсь, полонъ рошъ!

И Лъвица ужъ шерпѣніе шеряешъ...

Но вошь гошовъ поршреть.

Приходитъ Левъ, за нимъ же въ слѣдъ

Судьи цѣнитъ шворенье.

Есть сходство шущъ,

Судиль Верблюдь:

Пропущено одно лишь украшенъе,

Горба не достаетъ!—Роговъ! Олень сказалъ.—

Не правда! Слонь прерваль:

*) Васия сія и послѣдующая напечатаны были въ *Духѣ Журналовѣ* 1816 года; нынѣ сдѣланы въ обѣихъ небольшихъ, но весьма нужныхъ поправки. *Прим. Сот.*

Нѣшь только хоботу, а впрочемъ все пре-
красно!—

Напрасно

Толкуете вы такъ,
Осель примолвилъ: все пустякъ!

А вѣрно согласитесь сами,

Что Львица нѣсколько обижена ушами ....

Ихъ надо бы длиннѣй пушишь!—

Тебѣль судить

И свой выказывать умишко?

Сказалъ насмѣшливо Зайчишко:

Напротивъ никакой ошибки нѣтъ въ ухахъ!

Ошибка вся въ однихъ глазахъ,

И Львица бы погда была еще милѣе,

Когдабъ глаза провешть косѣ!—

Не надо вовсе глазъ! добавилъ Крошъ:

Царевна не уродъ!

2. Оселъ во лъвиной кожѣ.

Во лъвину кожу нарядился

Осель и Льва задумалъ представлять!

(Посвойски, на ослину спашь.)

Но какъ бы ни было, предъ нимъ и Барсъ
смирился,

Ослу поклонъ!

А онъ

И пуще возгордился!

И рыло къ верху—, прочь!“ кричишь:

„Дорогу мнѣ, дорогу! я сердись!

Я Левъ, а не Осель!“—А! а! Лиса сказала,
Кошорая за нимъ давно ужь замѣчала —

Не страшень же твой гнѣвъ!
Льву надобности нѣтъ хвалишься,
И что онъ Левъ
Кричать! Ну долголь ошибишься?—
И наглеца открыла всѣмъ.

Окончилось тѣмъ,
Что кожу львиную съ Осла содрали,
И опъ себя съ насмѣшками прогнали.

*

И вы я думаю Львовъ едакихъ видали?

Сибирскѣ.

А. Маздорфѣ.

~~~~~

ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ И РОЗА.

Идиллія.

Въ прохладѣ лавровыхъ древесъ
Миршилъ нашель покровъ опъ зноя;
Вблизи опъ роци пѣла Хлоя—
Зефиръ слова къ нему принесъ:

*

„Въ рукъ моей держу я цвѣтъ;
Какъ онъ, дышу для сладострасшья—

И съ розою пѣнадцатъ лѣтъ
Несу тебѣ богъ дѣвъ и счастья! “

*

„Грудь зыблешся.....съ моихъ очей
Зефиръ въ луга уносишь слёзу:
Младой Миршилъ, ты въ роцѣ сей
Найдешъ пѣнадцатъ лѣтъ и розу.“

*

„Мои шаги чуть зелень гнушъ,
Я сплю одна въ тѣни берёзы:
Пустынный вѣтръ, не прогай пушъ
Съ пѣнадцатъю годами розы!“

*

Миршилъ въ воспоргѣ къ ней спѣшитъ;—
Она бѣгомъ.....онъ догоняетъ,
Онъ про любовь ей вслѣдъ швердишь,
Мящется Хлоя и желаетъ,
Но первый поцѣлуй любви
Цвѣшочку молча довѣряетъ,
Цвѣшочкомъ въ юношу бросаешь—
И огонь горишь въ ея крови!
Миршилъ близъ ней... она стыдилась—
Но вскорѣ и другой цвѣшокъ
Миршилъ похишилъ—и лужокъ...
Приди, Зефиръ, печаль сокрылась,
Приди, шамъ роза разпустилась.

Норовъ.

~~~~~

КЪ ПОРТРЕТУ

*пригожей дѣвушки, держащей
собачку.*

Образъ эпошъ всѣхъ милѣ,
Я плѣнишься имъ гошовъ;
Можноль выразишь вѣрнѣ
Поспоянство и любовь?

Т.

ЧТО ЕСТЬ АМУРЪ?

(Къ Юліи.)

Амуръ, богъ радостей, владыко мой дитя;
Но онъ же, Юлія, судьбою всѣхъ владѣеть;
Прекрасенъ, милъ какъ ты—онъ думаетъ
какъ я.

Лишь дѣлашь болѣе онъ смѣетъ.

1819. Веприкѣ на Пслѣ.

Т.

ШАРАДЫ.

I.

Соединеніе слогъ *первый* значить мой;
 Моею часшю *второй*
 Рѣку извѣстную въ Россіи называютъ;
 А *цѣлылѣ* пшичку означаютъ,
 Которой перышки, какъ радуга, блистаютъ.

И. П.

2.

Часшь *первая* моя союзъ
 И въ прозѣ и въ стихахъ полезный;
Вторая часшь—напшпокъ всѣмъ любезный;
 Подьячимъ и Купцамъ, судьямъ, пишомцамъ
 Музъ
 И даже *цѣлому*—когда оно въ паденьѣ,
 Лишась всего—приходишь въ изсшупленье.

В. Т.

~~~~~

(Изъ помѣщенныхъ въ N^c XIII Шарадъ первая значить: *Вино-эрадѣ*, вторая *Око-рокѣ*, а шрешія *Прав-да*.)

~~~~~

П Р О З А.

СТИХИ и СОБАКА.

(истинное происшествіе.)

Въ одинъ прекрасной весенній вечеръ добродушный Ленинъ прогуливался по саду съ своимъ сыномъ, молодымъ человѣкомъ, недавно возвращившимся изъ Университета. Разговоръ ихъ одушевлялся пѣмъ обиліемъ предметовъ, шюю свѣжестію мыслей и чувствованій, коими сполько богаты люди, бывшіе долгое время въ разлукѣ: все служило поводомъ къ тысячѣ взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

„Знаешь ли, любезный Федоръ, сказалъ спарикъ, оспановясь у перассы, копорая правильными, крупными усшупами склонялась къ водамъ свѣшлаго, широкаго пруда: знаешь ли кому обязанъ ты жизни?“

— Безъ сомнѣнія вамъ, бапюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, невольно улыбаясь. —

„Ты конечно не ошибся и мнѣ должно бы выразишься поясъе; однакожь, еслибъ я не любилъ и не писалъ стиховъ, по мнѣ, можешь быть, никогда не удалось бы женишься; а еслибъ не имѣлъ я вѣрнаго *Баязета*, по оплакивалъ бы понынѣ поперю сына, себя, единственное мое утѣшеніе.“

— Последнее понимаю: вы говорите о поей большой Американской собацѣ, копорой чучела въ вашемъ кабинетѣ, и копорая, какъ я слыхалъ въ ребячешивѣ, спасла меня опъ смерти. Но какуюжь имѣешь эпо связь съ вашею склонностию къ Поззіи? —

„Ты удивляешься? сядемъ; я расскажу тебѣ важнѣйшее приключеніе моей жизни. Въ швой лѣша можно имѣшь полное право на опцовскую довѣренность.“

Они сѣли подъ гусшою липою.

„Смерть родителей (такъ началъ Ленинъ) рано сдѣлала меня сиротою и прежде времени принудила оспавишь службу. Приѣхавъ сюда въ деревню, я, какъ водится, долженъ былъ познакомиться съ моими сосѣдами, въ шомъ

числѣ съ однимъ дальнимъ нашимъ род-
 ственникомъ Двинскимъ. Двинскій спра-
 ведливо почишался въ округѣ за чеспнаго,
 примѣрнаго дворянина, но былъ человекъ
 слишкомъ крупнаго нрава: жестокъ,
 упрямъ, швердъ въ своихъ правилахъ и—
 предразсудкахъ. Старшая дочь его Марья—
 а онъ имѣлъ двухъ — сколько же бли-
 спала красошою, сколько привлекала
 душевными своими качеспвами. Ею не
 могли нахвалишься всѣ знакомые, вся
 деревня. Это была покойная швоя
 мать.“ — Тупш Ленинъ невольно вздох-
 нуль.—„Родшво, продолжалъ онъ, ско-
 ро сдѣлало меня коропкимъ въ домѣ и
 дало случай болѣе удостовѣриться въ
 ея доспоинспвахъ. Я полюбилъ прекра-
 сную, добрую Марью; она равно не могла
 скрышь опъ меня сердечной своей при-
 вязанности. Но по мѣрѣ шого, какъ вза-
 имная склонность наша возраспала,
 опецъ ея спановился ко мнѣ примѣп-
 но холоднѣе, сдѣлался даже суровымъ
 въ обращеніи со мною. Собшвенная не-
 оспорожность моя—слѣдспвіе пылкой
 любви и молодости — была шому при-
 чиною. Ему не нравилось вопервыхъ

свободное мое съ Марьею обращеніе, во вшорыхъ шо, что я, заняшый единственно ею, не съ такимъ уже любопытствомъ и вниманіемъ, какъ прежде, слушалъ рассказы его о Турецкихъ походахъ и наспавленія въ хозяйствѣ. Но всего болѣе досаждали ему — и онъ былъ совершенно правъ — смѣлыя сужденія мои о нѣкопорыхъ высокихъ предметахъ. Прилипчивая язва новой Философіи съ невѣрояшнымъ спремленіемъ разливалась въ шо время по Европѣ и кружила головы всѣмъ, ошъ мала до велика. Къ спыду моему долженъ признаться, я читалъ шога эши пагубныя правила, и даже любилъ ихъ обнаруживать: мудрено ли? бышъ умнымъ, значило шога бышъ волнодумцемъ.“

„Теперь любезный Федоръ, тебѣ не спрудно угадашь, какъ принялъ спарикъ предложеніе мое о бракѣ съ его дочерью? Къ рѣшишельному ошказу недовольно было причинъ, о копорыхъ я уже намекнулъ тебѣ — ему казалось преспушною самая любовь моя. „Безбожникъ! „Франкъ-масонъ! кричалъ онъ въ запаль- „живосши, да могъ ли ты безъ ужаса и

„Подумаешь женишься на родственницѣ
„въ пяшомъ колѣнѣ?“ — После такихъ
привѣтствій мнѣ опказано опъ дому, а
Марья, которая сдѣлалась также оп-
ступницею въ глазахъ раздраженнаго
опца, заключена въ своей комнапѣ до
тѣхъ поръ, покуда не исправится, т. е.
покуда не переспанешь любить меня.“

„Положеніе мое было самое незавид-
ное. Я увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ
надеждъ на благополучіе, къ которому,
казалось, былъ уже сполько близокъ; не
могъ даже прибѣгнуть и къ послѣднему
средству опчаянныхъ любовниковъ —
увезши заключенную, потому что спа-
рикъ, который не безъ причины того
опасался, взялъ всѣ предосторожности,
былъ неусыпнымъ аргусомъ. Мнѣ оста-
валось одно утѣшеніе—повѣрять жало-
бы мои безмолвію окрестныхъ лѣсовъ,
или изливать ихъ въ элегіяхъ и роман-
сахъ, къ которымъ, любивши всегда
Поэзію, я почувствовалъ тогда особен-
ное расположеніе. Но лучшимъ для ме-
ня удовольствіемъ было бродить иног-
да по ночамъ около дома Двинскаго.
Повѣришь ли? Я проводилъ по нѣскольку

сряду часовъ, смопря изъ за ближняго куспарника на окна Марьиной комнашы, и мнѣ дѣлалось ошъ того какъ будшо легче. Но когда мелькавшій въ нихъ огонь погасаль, когда кругомъ спановилось все пише и пише — поска моя возобновлялась; я живѣе чувспвоваль въ сіи минушы, чшо лучъ надежды погась для меня совершенно.“

Около эшаго времени приѣхаль въ нашу Губернію одинъ весьма умный и любезный молодой человекъ. Всѣ полюбили ловкаго, веселаго Евгенія. Я, бывая иногда въ городѣ, шакже съ нимъ познакомился. Одинаковая склонность къ Поэзіи сблизила насъ еще болѣе—имя Евгенія гремѣло уже шогда въ *Собесѣдникѣ*.—Онъ искренно обрадовался, вспрѣшивши въ провинціи человекъ, кошорой понималь его наспоющимъ образомъ, съ кошорымъ могъ онъ раздѣлять удовольспвія любимаго заняпія: мы сдѣлались друзьями: я во всемъ ему опкрылся. Чувспвишельный Евгенийъ приняль во мнѣ живѣйшее участіе. Онъ видѣль, чшо несчастная спрасшь моя могла имѣть худыя слѣдспвія, зналь, чшо я обрѣкъ

себя вѣчному одиночеству, въ случаѣ если жестокая судьба не допуститъ меня соединиться съ Марьею, и попому рѣшился, во что бы то ни стало, пособить моему горю.“

„Онъ былъ уже знакомъ съ Двинскимъ, но сдѣлавшись моимъ другомъ, старался познакомиться короче; началъ чаще ѣздить къ нему въ деревню, прилѣжно слушать рассказы его о Минихѣ, Биронѣ, Волынскомъ, о происшествіяхъ, сопровождавшихъ вспуленіе на престолъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ, которыхъ старикъ былъ очевидцемъ; припворился старшимъ любителемъ сельскаго хозяйства, врагомъ городской жизни, и сколько наконецъ ему понравился, что Двинскій не чаялъ въ немъ души, не могъ имъ довольно нахвалиться. Разумѣется, что благоразумный Евгенийъ всячески старался скрывать отъ него дружескую связь свою со мною.“

„Успѣхи Евгенія открыли мнѣ возможность писать къ Марѣ и даже получать иногда ея отвѣты: конечно, большое утѣшеніе; но одна только надежда

на соединеніе съ нею могла спасти меня отъ опчаянія, а я не имѣлъ никакой; самъ Евгенийъ перялъ оную, испытавъ напрасныя покушенія похищить Марью; склонилъ же Двинскаго добровольно за меня ее выдать-нельзя было и подумать.“

„Великодушный другъ мой рѣшился наконецъ испытать послѣднее средство. Ты удивишься, любезный Федоръ, узнавъ въ чемъ оно состояло? Не чувствуя никакой особенной склонности къ меньшей дочери Двинскаго, которая во всемъ уступала сестрѣ своей, онъ началъ къ ней свататься. Спарикъ обрадовался случаю породниться съ человѣкомъ, который сдѣлался для него почти необходимымъ; но ему хотѣлось сбыть съ рукъ старшую дочь. „Женись лучше на „Марьѣ, говорилъ онъ; она и умнѣе и „пригожѣе Софьи.“ — Евгению однакожь было не трудно отдѣлаться отъ такого предложенія: извѣстная всѣмъ любовь Марьи ко мнѣ служила ему доспашочною отговоркою, и спарикъ долженъ былъ согласиться. Евгенийъ вскорѣ приступилъ къ нему съ новою просьбою: онъ требовалъ, что бы свадебный обрядъ

совершенно былъ какъ можно скорѣе и проще. „Мнѣ всегда казались излишними подобныя церемоніи, говорилъ онъ Двинскому; онѣ влекутъ за собою только пересуды и напрасныя издержки. Къ чему эти шаферы, эта пышная свита почешныхъ дамъ и кавалеровъ? Нѣтъ, любезный бабюшка, я не хочу, что бы свадьба моя была позорищемъ для зѣвакъ и предметомъ толковъ для пустошелей. Мы обвѣнчаемся опнѣюдь не въ городѣ, а въ ближнемъ селѣ, и при томъ такъ тихо, что сосѣди наши узнаюшь о томъ не прежде, какъ развѣ на другой день. Съ моей стороны будетъ въ церквѣ одинъ мой родспвенникъ, котораго на дняхъ сюда ожидаю, а Софья пусть возьмешъ съ собою сеспру: на этотъ разъ, кажешся, можно позволить ей выѣхашъ“—Двинскій нѣсколько прошиворѣчилъ; но по слѣпой привязанности своей къ Евгенію, по привычкѣ находить сужденія его здоровыми и основательными, опяшь увидѣлъ себя принужденнымъ съ нимъ согласиться. Мысль, что уступая просьбѣ нареченнаго своего зятя, избавишся онъ лиш-

нихъ издержекъ, мысль сколько пріятная для насъ спариковъ, также весьма много участвовала въ его согласіи.“

Евгеній поспѣшилъ ко мнѣ съ этою новостью. „Другъ мой! сказалъ онъ, крѣпко сжимая мнѣ руку, ты кажешься думаль, что одно только извѣстное тебѣ правило мое: слѣдовать въ выборѣ супруги болѣе совѣсту разсудка, нежели голосу сердца, внушило мнѣ намѣреніе жениться на Софѣ; нѣтъ, я хопѣлъ при этомъ случаѣ испытать послѣднее средство соединить себя съ твоею любезною. Цѣль моя почти достигнута.“ Тогда онъ объяснилъ мнѣ планъ свой, кошорый состоялъ въ томъ, что бы я пользуясь выѣздомъ Марьи въ церковь, или увезъ ее, или, что еще лучше, шуть же съ ней обвѣнчался.—Мы съ жаромъ обняли другъ друга. Я плакалъ отъ благодарности, Евгеній—отъ удовольствія, кошорое чувствуюшь при исполненіи добраго дѣла, соединеннаго съ пожертвованіемъ собою. Вошь, сынъ мой, каковы были друзья въ наше время! если ты найдешь подобнаго—я спокойно закрою глаза мои! Конечно, крошкая бла-

говоспишанная Софья, для всякаго честнаго челоуѣка могла бытъ доброю женою, но достоинства Евгенія давали ему право надѣяться лучшей паршїи; къ шому же смѣлымъ посшупкомъ своимъ онъ рисковалъ лишиться богатаго за нею приданаго, кошорое было для него необходимо.“

„Родшвенникъ Евгенія, ожидаемый на свадьбу, скоро приѣхалъ и принялъ дѣяшельное учаспїе въ нашемъ заговорѣ. Мы распорядились какъ нельзя лучше. Намъ удалось подговорить слугъ, склонить на свою спорону священника, и я, почши въ одно время съ великодушнымъ другомъ моимъ былъ обвѣнчанъ на Марьѣ.“

„По окончанїи обряда, мы всѣ четверо сѣли въ одну карешу. Рѣшившись явиться къ Двинскому, я надѣялся выплакать у него благословенїе; но грозное прокляшїе загремѣло надъ нашими головами, когда мы съ Марьею, вслѣдъ за Евгенїемъ и Софьею, упали къ ногамъ его. Раздраженный шарикъ не кошѣлъ ни слушать насъ, ни даже видѣшь и всѣхъ ошь себя выгналъ. Евгеній спушя

нѣкоторое время, получилъ однакожь прощеніе; а я, поперявъ на оное всякую надежду, уѣхалъ въ Москву.“

„Тамъ провели мы при года; но ни швое, сынъ мой, рожденіе, ни блаженство взаимной любви, ни удовольствія жизни сполитной, не могли усыпишь пайной обоихъ насъ груспи: гнѣвъ родипельскій оправлялъ наше благополучіе.“

„Наконецъ машь швоя упросила меня возврашиться въ деревню. Мысль, что она будетъ на родинѣ, не вдалькѣ опъ опца своего, льспила чувспвишельному сердцу ея нѣкоторымъ ушѣщеніемъ. Я желалъ увидѣться съ Евгениемъ и мы приѣхали сюда.“

„Теперь, любезный Федоръ, шы выходишь на сцену, начинаешь играшь важную роль въ моей повѣспи, и приближаешь развязку.“

„Терраса была обыкновеннымъ мѣспомъ, гдѣ я съ швоею маперью любилъ проводить лѣшніе вечера—однажды, любуясь карпиною заходящаго солнца, мы сидѣли здѣсь, подъ эпою самую липою. Ты бѣгалъ около насъ, и срывалъ цвѣ-

почки; вѣрный *Баязетъ*, кошораго купилъ я въ Москвѣ у одного Англичанина, лежалъ у ногъ моихъ. Ахъ! и шеперь еще сердце обливаешся кровію, когда вспомню, какъ ты, преслѣдуя летящаго жука, побѣжалъ внизъ по усшуну, упалъ и скапился въ воду! Мать швоя вскрикнула и лишилась чувствъ, я всплеснулъ руками и, оцепенѣлый опъ ужаса, оспался неподвиженъ; еще нѣсколько минушь медленности, и ты погибъ бы навѣрно; но умный *Баязетъ*, вспревоженный нашимъ смяшеніемъ, по какому-шо непоняшному побужденію, спремглавъ бросаешся въ воду, мгновено выносишь шебя на берегъ.“

„Слухъ о чудесномъ швоемъ спасеніи распроспранился въ окрешности. Сосѣди не могли шому довольно надивишься. Они шолпою сѣзжались къ намъ для подробныхъ распросовъ о семъ происшесшвіи и непришворныхъ изьявленій своего учасшія. Добрый, предусмошришельный Евгенийъ распказалъ случай сей Двинскому, скривъ однакожь подлинныя имена родишелей спасеннаго диняши: въ присушесшвіи шарика за-

прещено было даже упоминашь объ насъ. Дѣдъ швой глубоко былъ пронуть, слушающая повѣствованіе. „О! видно эти люди угодны Богу!“ сказалъ онъ съ чувствомъ.—Такъ узнайте же, подхвапиль Евгений, что сіи, небомъ благословенные родители, суть опверженныя вами ваши дѣпши! — Это неожиданное извѣстіе совершенно поразило Двинскаго, произвело надъ нимъ желаемое дѣйствіе. „Ахъ! если уже Богъ сполько къ нимъ милоспивъ, воскликнулъ онъ послѣ минутнаго выразишельнаго молчанія—то могу ли долѣе оспаваться жестокииъ?“ — Онъ опвернулся къ окну, что бы скрышь свои слезы и шопъ же часъ послалъ за нами.“

„Мы не приѣхали, а прилетѣли; бросились къ ногамъ его, и обильный испочникъ взаимныхъ слезъ преврапился для всѣхъ насъ въ испочникъ забвенія прошедшаго. Какой день! я никогда не былъ сполько весель, сполько счастливъ! Безъ примиренія съ опцемъ Марьи, безъ его благословенія, благополучіе наше было бы несовершенно.“

„Вошь, любезный Федоръ, объясненіе

темнаго для себя моего вопроса, или лучше скажешь, исторія моей женишьбы и своего спасенія. Ты кспати можешь изъ нея научишься, что приобрѣшеніе испиннаго друга, есть приобрѣшеніе неоцѣннаго сокровища, и что благословеніе родительское необходимо для счастья супружества.

В. Панаевъ.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ и ГЕРОЙ.

(Изъ Amusemens philosophiques et litteraires de deux amis.)

Нѣсколько дней шому назадъ разговаривая съ шобою, любезный другъ, о шѣхъ людяхъ, копорыхъ памяшь dospойно всѣми уважается, я примѣшилъ ясно изумленіе швое, когда великаго человека предпочель я герою. Можешь бышь я и обманываюсь. Но шакъ какъ заблужденія наши перяють свою силу, когда подвергаются спрогому разбору и суду, и шакъ какъ одинъ шолько здра-

вый умъ въ правѣ утверждать наши мнѣнія, по и рѣшился я послать къ тебѣ мысли мои о преимуществѣ великаго человека предъ героемъ.

Я согласенъ, что первоначальное названіе героя дано было тому, который воинское искусство соединялъ въ себѣ съ достоинствами нравственными и политическими, который бѣдствія, случающіеся во время войны, переносилъ съ примѣрнымъ спокойствіемъ, а опасности встрѣчалъ съ мужествомъ и твердостью. Все сіе было поводомъ называть героя не только великимъ человекомъ, но даже существомъ выше человека, существомъ достойнымъ раздѣлять съ Богами почтеніе смертныхъ. Таковы были въ древнія времена Гераклъ, Тезей, Язонъ и многіе другіе.

Нынѣ же напрошивъ того въ героя не ищемъ мы строго добродѣтелей, принадлежащихъ единственно великимъ людямъ, а называемъ героемъ того, который умѣетъ только выигрывать сраженія. И пакъ, по моему мнѣнію, герой имѣетъ въ высшей степени способности военныя и обладаетъ всѣми досто-

инспвами воинспвенными. Но достоинспва сіи или *добродѣтели*, какъ сказалъ Руссо *), *въ очахъ мудраго сѣуть нистоиное какъ счастливья злодѣянїя.*

Героя опредѣлишь можно такимъ образомъ: онъ непоколебимъ при вспрѣчающихся препяспвїяхъ, неуспрашимъ въ опасноспяхъ и храбрь въ сраженїяхъ. Свойспва сіи однако зависяшь болѣе опъ сложенїя пѣлеснаго и расположенїя нѣкопорыхъ органовъ, нежели опъ благородспва души. Замѣчашельно, что вообще люди болѣе или менѣе бываюшь неуспрашими по мѣрѣ шого, какъ способность духа болѣе или менѣе имѣешъ свойспва предвидѣшь опасность. — Герой прошивуборспвуешъ величайшимъ препяспвїямъ, пренебрегаешъ величайшими опасноспиями — и для него все равно, опъ чего бы онья ни происходили и какой бы имъ ни былъ конецъ; но великій человекъ заслуживаешъ имя великаго шогда шолько, когда дѣянїя его не сопряжены съ собспвенною корыспїю,

---

*) Ода Счастїе.

когда не честполюбіе и не слава управ-
вляешъ имъ, а единспвенно польза его
опечесшва.

Всякой день именовемъ героя вѣнча-
юшъ воиновъ гордыхъ, вспылчивыхъ, не-
укрошимыхъ, подобныхъ Ахиллесу, опи-
санному Гораціемъ *), воиновъ, копорые
неуспрашимоспю своею сдѣлались ужа-
сомъ для непріяшеля. — Назовешъ ли ты
ихъ великими людьми? Нѣтъ. Попому,
что Герою даешя названіе по подвигамъ
военнымъ, а великому человѣку по дѣя-
ніямъ великодушнымъ, добродѣшель-
нымъ.—Положимъ однако, что шѣ и дру-
гіе основаны на добродѣтели; но при-
чина, побуждающая дѣйспвовашъ перва-
го, можешъ иногда бышъ сопряжена съ
преспуленіями—и онъ все сохранишъ
имя героя; напротивъ того великій че-
ловѣкъ переспаешъ бышъ великимъ,
коль скоро преспуна причина его дѣя-
ній, какъ бы они впрочемъ ни полезны
были для опечесшва. Цицеронъ узнаешъ
о заговорѣ, собираешъ Сенашъ, всходитшъ

---

*) De Arte Poet.

на каведру, успрашаеть гражданъ и спасаешь опечество: но при всемъ помъ, кажешся, онъ болѣе занимается славою *), нежели опасностію, угрожающею Риму, на которую единспвенно долженъ онъ былъ успремить всѣ свои мысли. Онъ пребуешь награды: и вѣрно бы не опказали ему въ оной, еслибъ и не пребо-
валь ее. Римъ и попомство не неблагодарны: они знають цѣну его подвига—и Оратору позволяешся увѣнчать самого себя. Какъ бы шо ни было, однако не всѣ охотно называють его великимъ человекомъ, ибо великій человекъ долженъ бытъ совершенно безкорыспенъ—Филиппъ, Царь Македонскій, угрожаеть Аѳинянамъ. Демосѳенъ, сильными своими

---

*) Хотя многіе писатели спарались оправдывашь Цицерона: однако онъ самъ во всѣхъ своихъ швореніяхъ безпреспанно повшорлетъ, что Римъ обязанъ собспвенно ему своимъ спасеніемъ. Нѣтъ ни одной страницы, гдѣ бы не виденъ былъ сочинитель слѣдующаго стиха, обращеннаго въ смѣхъ Ювеналомъ:

О Fortunatam, natam me Consule Romam!

рѣчами возбуждаешъ ихъ прошивъ него, и рѣчи его не наполнены пусшымъ вишійспвомъ. Онъ раздражаешъ войско прошиву врага опечеспва, забываетъ самаго себя и думаетъ полько объ опасности Греціи. Филиппъ обращаетъ весь свой гнѣвъ на Орапора, и сей усугубляетъ ярость прошивъ Филиппа. И хотя Демосеенъ не сполько былъ счастливъ въ семь случаѣ какъ Цицеронъ, но его подвигъ былъ гораздо безкорыстнѣ Римскаго Орапора. Чшо бы лишпшь Демосеена имени великаго человека, безъ сомнѣнїя скажешь ты, чшо онъ убѣгая Херонейскаго сраженїя, избралъ себѣ безопасное мѣсто на каедрѣ. Но не извѣсно ли однако, чшо Царь, котораго онъ раздражилъ прошивъ себя, оцѣнилъ уже его голову, и чшо въ собранїи народа, къ которому произносилъ онъ рѣчи, много было измѣнниковъ на жалованьи непрїателя.

Сколько исчислишь могу я героевъ, кои не были ни граждане, ни патриоты! Они храбро защищали опечеспво свое, не пошому чшо оно было ихъ опечеспво, но единспвенно пошому, чшо

оно доставляло имъ случай насыпипшь ихъ честполубіе.

Честполубіе и любовь къ испинной сла-
вѣ сушь двѣ спраспи весьма между со-
бою различныя. Первая естъ пища ге-
роя, а послѣдняя великаго человѣка. Че-
стполубіе естъ нѣкопорый родъ скупос-
спи, или ненасыпимая алчность къ по-
чеспямъ, наградамъ, возвышеніямъ; лю-
бовь же къ испинной славѣ естъ лю-
бовь добродѣтели. Кшо любишь добро-
дѣтель, шопъ уже добродѣтеленъ; а упо-
шребляя ее въ пользу ближнихъ прешво-
ряется весь, шакъ сказашь, въ самую
добродѣтель. Честполубіе напрошивъ по-
го естъ непреодолимое желаніе наслаж-
дашься, и сіе желаніе умножается по
мѣрѣ удовлетворенія, перераждается въ
неисповспво при малѣйшемъ опказѣ
или неисполненіи желаемаго и уничто-
жается шолько вмѣстѣ съ шѣмъ серд-
цемъ, кшорое имъ было раздираемо.
Честполубіе не шершишь соперника или
равнаго себѣ; и пошому сколько видѣ-
ли мы героевъ, кшорые бы въ одно и
шо же время охошно раздѣляли съ дру-
гими имя героя? Но шопъ, кшо любишь

испипнную славу, желаетъ, что бы всѣ люди были споль же добродѣпельны, какъ онъ самъ: и чѣмъ болѣе находишь онъ соперниковъ, тѣмъ болѣе считаешь себя счаспливымъ и награжденнымъ. Чесполобець вспунается за пользу своего опечесшва, попому что находишь въ помъ свою пользу: добродѣпельный же чловѣкъ жерпвуешь собспвенными своими выгодами для пользы опечесшва. Герой нуженъ тогда сполько, когда опечесшво въ опасности: великій же чловѣкъ всегда для него необходимъ. Еспьли предположеніе общаго и вѣчнаго мира когда нибудь сбудется, еспьли мечты Аббата Сент-Пьера приведены будупъ въ дѣйспвіе, то что будещъ тогда герой? Тогда чесполобіе его заспавипъ, можещъ бышь, сдѣлашься великимъ чловѣкомъ!

Не говорю уже о тѣхъ людяхъ, копорые продающъ свои способности и не нависпъ къ сосѣдямъ въ то время, какъ опечесшво ихъ наслаждается миромъ. Не назовещъ ли спы и ихъ героями? Не думаещъ ли спы, что и они напуспспвуются любовію къ испипнной славѣ?

Великій человекъ, ни мало не жалуюсь на участь, понуждающую его къ военнымъ дѣйствіямъ, спарается щадить кровь своихъ согражданъ, не щадя собственной своей. Кодръ, Царь Аѳинскій, нарочно переодѣвается въ крестьянскую одежду и не бывъ узнавъ непріятелями, погибаетъ отъ ихъ рукъ. Смерть его была побѣдою надъ врагами и спасеніемъ опечесшва.

Я не оприцаю однако, что бы герой не могъ быть вмѣстѣ и великимъ человекомъ. Тысячу подобныхъ примѣровъ могу я тебѣ представить. Но какой воинъ или Царь, соединявшій въ себѣ оба сіи достоинства, не былъ намъ извѣстенъ подъ именемъ только великаго человека? Проидемъ времена Ариспидовъ и Августовъ, а взглянемъ на Генриха IV. Сей Король дѣлалъ чудеса храбрости: побѣды при Иври и Купра, завоеваніе собственнаго своего Королевства и многіе другіе отличные военные подвиги конечно дають ему полное право на званіе героя; но спросите каждаго Француза, что онъ думаетъ о Генрихѣ IV? Онъ скажетъ, что Генрихъ былъ лучший

изъ Королей, опецъ опечесства, другъ подданныхъ.—Имя Александра Македонскаго даешъ намъ поняшiе о завоевашель, о воинѣ неуспрашимомъ, Царѣ честполюбивомъ и героѣ; обожаемое имя Генриха IV прiяшно для сердца и разливаешъ какую-шо сладоспъ въ душѣ, подобную шой, кошпорую мы внушпенно чувспвуемъ, когда сдѣлаемъ какое нибудь добро.

Тшпъ соединялъ въ себѣ доспоинспво героя и великаго человекъ. Но по чему Тшпъ извѣспень намъ болѣе по милосердiю и благошворенiямъ, нежели по своимъ побѣдамъ? Почему каждый изъ насъ забываешъ, что онъ былъ герой, а помнишь шолько, что онъ былъ великiй человекъ? Эшо пошому, что свойспва душевныя всегда имѣюшъ преимущесспво предъ дарами счаспiя и природы; по шому, что слава, приобрѣшаемая оружiемъ, еспъ слава, шакъ сказапъ, похищаема у случая; а слава, основанная на добродѣшели, еспъ истинная слава. Мы знаемъ, что Траянъ былъ Государь великодушный, кропкiй, правосудный, былъ украшенiемъ и честпю рода чело-

вѣческаго, а не помнимъ, что онъ былъ также и герой; не помнимъ, какія онъ оказалъ услуги въ царствованіе Тиша и Веспасіана. Мы менѣе говоримъ о его побѣдахъ надъ Даками, Армянами, Парвами, Иберіанами, Персами и надъ многими другими народами, чѣмъ о милосердіи его и добродѣтеляхъ, побудившихъ цѣлую Имперію обождать его. Мы забываемъ о низкомъ его рожденіи и видимъ только въ немъ душу благородную, великую; и наконецъ видимъ въ немъ, какъ сказалъ одинъ изъ знаменитыхъ писателей *), такого *человѣка, который заставляетъ почитать въ себѣ природу человѣческую и способенъ представлять природу божественную.*

Кто не знаетъ, что Маркъ-Аврелій былъ Царь Философъ? что онъ сдѣлалъ подвласный ему народъ счастливымъ? Но знаютъ ли всѣ вообще, что слава и имя Римлянъ были бы совершенно уничтожены народами сѣвера, еслибъ сей великій человѣкъ не успранилъ варваровъ опъ предѣловъ Рима и не внесъ бы

---

*) Montesquieu. Causes de la grand. et de la decad. de l'Emp. Rom.

пламени войны къ Парянямъ, копорыхъ побѣдилъ?

Словомъ сказаешь, для одного Государя, желающаго бытъ извѣстнымъ подъ ничтожнымъ именемъ завоевателя, сколько найдется такихъ людей, копорыхъ честолюбие побудитъ домогаться почестей, уважаемыхъ свѣтомъ, и названія героя. Правда, блескъ славы и побѣды ослѣпляетъ насъ, и мы не обращаемъ вниманія на добрыя и полезныя дѣла, копорыя однако же достойны всего нашего вниманія: но замѣшь, любезный другъ, что мечта дѣйствуетъ только на современниковъ нашихъ, а время открываетъ истинныя таланты и добродѣтели.

Карль XII, гроза сѣвера, сынъ Александра Македонскаго, искавшій опаснейшей единственно изъ суешной славы, надѣлалъ болѣе шуму въ Европѣ, нежели ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I, копорый былъ однако столько же храбръ, какъ и Король Шведскій, а дарованія имѣлъ гораздо большія. Смерть прекратила ихъ взаимныя приязнанія, за копорыя они ссорились; время разсѣяло призракъ и

нопомспво судишь шеперь о дѣлахъ ихъ хладнокровно и справедливо. Карль XII естъ герой! Мы удивляемъя дарованіямъ его и замѣчаемъ всѣ его неисповые и безразсудные поступки. ПЕТРЪ I. естъ великій человекъ! Мы забываемъ его слабости и уважаемъ душевно благошворительныя его дѣянія. Пріятно вспоминашь, какіе подъялъ онъ пруды для наученія и просвѣщенія своихъ подданныхъ, и всему свѣпу извѣспно, какимъ образомъ извлекъ онъ ихъ изъ невѣжества. Онъ начерталъ законы и самъ первый повиновался имъ: далъ правила и самъ былъ первымъ образцомъ оныхъ. Великъ введеніемъ искусствъ, копорыя изобрѣшалъ шворческой его духъ, но еще болѣе заслужилъ имя великаго, когда ввелъ науки и художества, копорымъ научился у сосѣдей своихъ. Для сего слагаешь онъ съ себя на время санъ царскій, и въ видѣ частнаго человека пушешествуетъ по разнымъ спранамъ Европы. Труды самыя шягоспнѣйшіе, самыя, повидимому, унишительнѣйшіе для шѣхъ, кои не одушевлены любовію къ испинной славѣ, для него ничего не

значашь. Повсюду приобретаешь онъ новыя познанія, постигаешь шайны многихъ искусствъ и ремеслъ, и влечешь ихъ, шакъ сказаешь, насильно съ собою въ Россію. Побѣжденъ ли онъ соперникомъ своимъ? Эшо поражение научаешь его побѣждать въ свою очередь самаго учишеля и извлекаешь полезныя наставленія для своихъ подданныхъ, подобно Римлянамъ, копорые изучася военному искусству у Пирра, научились побѣждать его самаго. — Почему же съ шайнымъ удовольствіемъ попомснво вычисляешь малѣйшіе пруды великихъ людей и спрого судишь дѣла героевъ? Пошому, что первые благодѣшельнѣе для человѣчества, нежели послѣдніе; пошому, что человѣчество почишаешь добродѣтели первыхъ, а дарованіямъ послѣднихъ шолько что удивляешся.

Ешшли разобрать спрого дѣла Кромвеля, сего необыкновеннаго злодѣя, шо и онъ почешься можешь героемъ, пошому что хитроспю, лицемѣриемъ и жеспокоспю доспигъ шого сана, кошорый многіе герои получили силою и мужеспвомъ. Говорятъ, что онъ имѣлъ

всѣ дарованія, свойственныя великимъ людямъ, но употреблялъ ихъ во зло. Думаютъ такимъ образомъ не зная ни Кромвеля, ни того, что есть истинно великій человекъ: ибо сей извергъ не имѣлъ ни одной добродѣтели, а одаренъ былъ нѣкошорыми способностями, служившими ему для пресупленій. И такъ помѣсимъ его въ число счастливыхъ злодѣевъ: онъ не заслуживаетъ имени героя и унижитъ имя великаго человека.

Герой не всегда бываетъ непоколебимъ противъ переменъ и непоспоянства счастья; великій человекъ всегда выше всѣхъ обстоятельствъ. Оба сіи достоинства сходны между собою въ томъ, что одинъ геройскій подвигъ война не сдѣлаетъ его героемъ, и одинъ добродѣтельный поступокъ не возведетъ обыкновеннаго человека на степень великаго. Сципіонъ показалъ себя героемъ въ сраженіи при Замѣ; великимъ человекомъ въ Карфагенѣ, когда возвратилъ прекрасную пльницу Целшиберскому Князю, съ кошорымъ она была обручена. Если бы Сципіонъ во всю жизнь свою только сіе и сдѣлалъ, то можетъ спа-

тѣся, попомство запруднилось бы назвашь его и героемъ и великимъ человекомъ, ибо подобныя дѣянiя должны продолжашься до конца жизни. Герой поперявшiй одинъ только разъ швердоспъ духа, и великiй человекъ, уклонясь на шагъ съ пуши добродѣтели, шеряють навсегда свое достоинство. Одно поспыдное дѣло запмипъ прошедшую ихъ славу: они падушъ и никогда болѣе не возспанушь. Александръ Македонскiй сдѣлалъ шакже подвигъ, достоинный великаго человекъ, когда съ примѣрнымъ великодушiемъ принялъ сѣмейство Дарiя; но убiйство Клиша лишило его сего названiя, и онъ оспался только что героемъ. Труднѣе поддержать свою славу, чѣмъ мгновенно ее заслужить.

Въ заключенiе скажу тебѣ, любезный другъ, что снисхожденiе, кропоспъ, человеклюбiе, смиренiе, патрiотизмъ сушь добродѣтели великаго человекъ: гордоспъ, самолюбiе, опважноспъ, а часшо и самая дерзоспъ, сушь свойства героя.

14 Юля 1819.

Съ Фран. Ал—рѣ Зы—нб.

т т т т т т т

СМЪСЪ.

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ и писемъ отъ Корреспондентовъ къ Издателю.

Германія.

Въ 46 номерѣ издаваемаго въ Вѣнѣ сначала нынѣшняго года Журнала: *Conversationsblatt*, помѣщено было извѣстіе о появленіи въ свѣтъ Стихопвореній *М. В. Милонова*, съ прибавленіемъ къ тому замѣчанія, что оныя, какъ слышно, переводятся на Нѣмецкій языкъ. И дѣйствительно въ слѣдъ за шѣмъ въ издаваемомъ тамъ же Журналѣ *Sammler* (№ 72) появился слѣдующій опытъ перевода стиховъ *Г. Милонова*, кошорый мы сообщаемъ нашей публикѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ для сличенія:

Das Fallen der Blätter. *)

(Elegie, aus dem russischen)

*Zerstreuet von des Herbstes Schauer
Lag welk der Bäume Laub umher;*

---

*) ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ.

Элегія.

Разсыпанъ осени рукою
Лежалъ поблекшій листъ кусовъ;
Зимы предшеча, страхъ съ шоскою

Des Winters Bothe, bange Trauer,
 Vertrieb der stummen Sanger Heer.
 Der Krafte Rest gebrauchend, schleicht
 Gefoltert von der Schmerzen Qual,
 Verwundet und von Gram gebleichet,
 Ein Jungling hier zum letzten Mahl.

„O Hain! in deinem oden Trauern
 „Seh' ich mein klagenwerth Geschick!
 „In jedes Blattchens Niederschauern
 „Seh' ich den Tod vor meinem Blick.
 „O Aeskulap! ich hor, mit Grauen,
 „Hor' deiner Stimme ernsten Schall:
 „Der du durchschleichst die oden Auer,
 „Du wandelst hier zum letzten Mahl!
 „Dein Lenz, o Jungling wird entfliehen,
 „Eh' sich entfarbt der Wiesen Zier,
 „Eh' noch die Blumen all' verbluhen!—
 „Und offen steht das Grab vor mir!
 „Es heulet rings mit hohler Klage
 „Der Herbstwind auf des Feldes Raum—

Умолкшихъ прогоняя пѣвцовъ;
 Мѣсца сія опустошенны
 Спрадалецъ юный проходилъ;
 Ихъ видъ, во дни его блаженны,
 Очамъ его пріясень былъ.
 Твое, о роща, опустѣнье
 Мнѣ предвѣщаетъ жребій мой,
 И, каждаго лиспа въ паденьѣ,
 Я вижу смерть передъ собой!
 О Эпидавра прорицатель!
 Ужасный швой мнѣ вяшенъ гласъ:

„Ach! meines Frühlings gold'ne Tage
 „Entschwebten wie ein leichter Traum!
 „Ja, wehe nieder, Laub! o wehe!
 „Dasz morgen, bey der Frühe Strahl,
 „Der Mutter Thränenblick nicht sehe
 „Des Sohnes schtilles Todtenmahl!
 „Und wann, mit aufgelöstem Haare,
 „Das ihre Lilienbrust umfließt,
 „Die Freundin meiner Jugendjahre
 „Mit Thränen meine Gruft begrüßt:
 „Dann in der Herbstes ödem Döster.
 „Wenn nun der Tag vollbracht den Lauf,
 „Mit leichtem Rauschen und Geflister
 „Weckt meinen stillen Schatten auf!“—

Er sprach's und wankte fort im Schweigen;

Zurück sein Fusz ihn nicht mehr trug;
 Das letzte Blatt entrauscht den Zweigen,
 Des Junglings letzte Stunde schlug.

„Долинъ опцвѣвшихъ созерцатель!
 Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ;
 Твоя весна скорѣй промчидся,
 Чѣмъ пожелшѣешь лиспъ въ поляхъ
 И съ сшебля сельный цвѣшъ свалился“—
 И гробъ опверзши въ моихъ очахъ!
 Осенни вѣшры возшумѣли
 И дышашъ хладомъ средъ полей,
 Какъ призракъ легкій улешѣли
 Злапые дни весны моей!
 Вались, валися лиспъ мгновенный,

Da ruht er unter jenen Eichen!
 Doch sieht man zu dem Todtenmahl
 Die Freundin nie mit Thränen schleichen;
 Nur dasz im stillen Abendstrahl
 Der Hirt, der von der Flur zur Hütte
 Mit seiner Heerde ruhig kehrt,
 Durch das Gerassel seiner Tritte
 Des Grabes tiefen Frieden stört.

Milonow.

И скорбной мащери моей,
 Мой завпра гробъ уединенный,
 Сокрой опъ слезныхъ пы очей!
 Когдажъ къ нему съ тоскою, съ слезами,
 И съ распущенными придетъ
 Вокругъ лилейныхъ плечъ власами,
 Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
 Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
 Какъ спанетъ помрачашься день,
 Тогда буди пы легкимъ шумомъ
 Мою ушѣщенную пѣвн! —
 Сказаль—и въ пушь свой устремилъ,
 Назадъ уже не приходилъ;
 Послѣдній съ древа листъ сронилъ,
 Послѣдній часъ его пробилъ.
 Близъ дуба юноши могила;
 Но съ скорбію въ душѣ своей,
 Подруга къ ней не приходила;
 Лишь пастырь, гостъ нагихъ полей,
 Порой вечерній зарницы,
 Гоня стада свои съ луговъ,
 Глубокій миръ его гробницы
 Тревожитъ дорогомъ шаговъ.

Въ 34 номерѣ издаваемаго тамъ же *Моднаго Журнала* находилъсь довольно искусно выгравированное изображеніе воздвигнутаго въ Казани памятника воинамъ, убитымъ при осадѣ ея въ 1552 году, съ описаніемъ онаго и съ присовокупленіемъ историческаго извѣстія, почерпнутаго изъ *Исторіи Н. М. Карамзина*. — Какъ сей, такъ и помянутый выше *Журналъ Conversationsblatt* содержитъ довольно часто извѣстія изъ Россіи, касательно *Лишперашуры, Наукъ, Художествъ и Театра*.

Англія.

На нынѣшній годъ издаются въ Лондонѣ ежедневно восемь *утреннихъ* газетъ, читаемыхъ какъ въ самой столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. *Четыре* изъ нихъ состоятъ на жалованьи и въ услугахъ *Министровъ*; *три*, не имѣя ни твердыхъ правилъ, ни особеннаго духа, колеблются между истиннымъ и ложнымъ—какъ случится; *одна* полагается быть независимою и именно: *the Morning Chronicle*.—Шестъ газетъ выходятъ каждый вечеръ въ извѣстный часъ, когда отправляется почта, и рассылаются преимущественно въ провинціи. *Двѣ* изъ нихъ преданы *Министрамъ*, *три* клонятся къ прошивной сторонѣ и *одна* пишется незави-

симо и въ общественомъ поанѣ. Мы разумѣемъ здѣсь the Statesman.—Семь газетъ выходящъ по вечерамъ черезъ день; изъ нихъ пять пишушъ въ духѣ Министровъ, прочія довольно равнодушны и безприсраспны.— По разнымъ днямъ въ недѣлѣ раздаются еще семь газетъ, но онѣ или въ услугахъ Министровъ или не дѣлають никакого различія: въ послѣднемъ случаѣ ни сила, ни особый образъ сужденія не опличають ихъ.— Кромѣ сихъ газетъ, кои наперерывъ стараются обратитъ на себя вниманіе, раздаются по воскресеньямъ не менѣе двадцати вѣдомостей, изъ коихъ цѣлая половина на сторонѣ Министровъ, а три или четыре надѣвають разныя маски; прочія же: Champion, издаваемый нынѣ съ отличнымъ стараніемъ Г. Тельваллемъ (Thelwall) the Constitution Г. Ловалля (Lovell) the Independent Whig Г. Уайта (White), the Examiner Г. Гонта (Hunt) the British Gazette Г. Вулера (Wooler) и the News Г. Филипса (Philipps) съ совершеннымъ знаніемъ своего дѣла, съ швердостію и силою, защищають истину и свободу.

Въ сіе исчисленіе Лондонскихъ полиписческихъ вѣдомостей не вошли еще еженедѣльные изданія Гг. Коббета, Вулера, Шервина и издашеля Горгоны.

Кромѣ лисшкоть, издаваемыхъ въ спо-

лицъ, выходящъ еще 119 газетъ въ разныхъ городахъ Англіи и Княжества Валлійскаго еженедѣльно и при выдающся по два раза въ недѣлю.—Въ Шотландіи выходящъ 5 при два раза въ недѣлю, 5 два раза и 17 однажды.—Въ Ирландіи — 6 вѣдомостей ежедневно, 11 при два, 18 два раза и 9 однажды въ недѣлю.— На островахъ Джерсеѣ, Гернесѣ и Менѣ издающся однажды въ недѣлю семь газетъ.

Все это составишь 423 различныя газеты, которыя изъ недѣли въ недѣлю распространяющся по всей Великобританіи, ищущъ читателей—и находятъ ихъ. Можно смѣло положить, что изъ сей массы *двѣ седмицъ* часши преданы нынѣшнему Министрству добровольно или состоятъ на его жалованьи; *три седмицъ* не пристающъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ; остальные же *двѣ седмицъ* суть постоянные друзья свободы. Это весьма утѣшительно для истиннаго Британца, ибо во время Писша было иначе. Тогда можно было цѣлая *шесть седмицъ* причислишь къ первымъ двумъ классамъ и не болѣе *одной седмицей* къ послѣднему; отъ шого-то и происходило въ томъ періодѣ вредное вразсужденіи публичныхъ дѣлъ ослѣпленіе.—Издашели газетъ перваго и опчасши втораго разряда, пользующся разными выгодами и

покровительствомъ правительствѣ, а также и защитою особъ, опредѣленныхъ при различныхъ вѣдѣхъ правленія. Въ Лондонѣ имъ однимъ предославлено право печатать судебныя публикаціи, извѣстія и пр. Въ провинціяхъ позволяють имъ равнымъ образомъ помѣщать начальственныхъ, церковныхъ и судебныхъ объявленія, или дославляють личное покровительство фамиліи того, кому принадлежитъ газета. — Издатели газетъ послѣдняго изъ упомянутыхъ классовъ взаимно того наслаждаются одобреніемъ большой части народа и потому имѣють обширнѣйшій кругъ читателей. Честно полагають они главнѣйшею наградою. — Къ свободномыслящимъ газетамъ, издающимся въ Англіи, кромѣ Лондона, принадлежатъ: the Bury Post, Bristol Gazette, Bristol Mercury, Brighton Herald, Birmingham Argus, Carlisle Journal, Chester Guardian, Coventry Herald, Exeter Alfred, Hull Rokingham, Kentish Chronicle, Litchfield Mercury, Liverpool Mercury, Manchester Observer, Newcastle Chronicle, Norfolk Chronicle—Nottingham Review, Oxford Herald Salopian Journal, Sheffield Iris, Stamford News, Taunton Courier, Courier, Worcester Herald York Herald. — Далѣе также Bath Herald, Gloucester Journal, Schrewsbury Chronicle, Exeter Gazette, Derby Mercury, Windsor Express, Colchester Gazette, Hampshire Telegraph, Hull Advertiser, Manchester Chro-

nicle, Chester Chronicle, Sussex Advertiser и Cambrian.

Между Шотландскими газетами заслуживающъ въ семъ отношеніи быть упомянуты: the Scotsman, Montrose Review, Glasgow Western Star, Edinburgh Chronicle, Edinburgh Reflector и Aberdeen Journal.

Въ Ирландскихъ вѣдомостяхъ духъ вольности и свободы гораздо еще примѣннѣе, нежели въ самыхъ Великобританскихъ. Однако же и въ Ирландіи Министры имѣютъ своихъ приверженцевъ, противъ рабскихъ мнѣній коихъ съ особенною силою возстаютъ Dublin fremans Journal, Dublin Evening Post, Belfast Register и Cork Advertiser.

Въ одномъ изъ послѣднихъ собраній вспомогапельнаго Библейскаго Общества въ Шропширѣ (Shropshire) Архидіаконъ *Корбетт* (Corbett) въ говоренной имъ рѣчи дѣлалъ между прочимъ сравненіе между извѣстнымъ *Ериктоном* и живущимъ еще Бришанскимъ духовнымъ *Салцелел* *Леел* (Lee) касательнo необыкновенной ихъ памяти и способности изучать языкамъ. Это заслуживаетъ быть доведено до свѣденія нашихъ читатель.

Г. *Лее* сынъ бѣдныхъ родителей, учился читать, писать и Ариѳметикѣ въ деревенской школѣ. Когда исполнилось ему 12 лѣтъ, взяли его изъ школы и отдали учиться

ся къ столяру. У сего послѣдняго, въ свободное отъ работы время, выучился онъ одинъ самъ собою Латинскому, Греческому, Еврейскому, Халдейскому, Сирійскому и Самаританскому языкамъ. Эти *шесть* языковъ въ печеніи *шести* лѣтъ зналъ онъ совершенно. Переставъ учиться ремеслу и вступивъ въ рядъ ученыхъ, выучился онъ Нѣмецкому, Французскому, Испаліанскому, Арабскому, Персидскому, Египтскому, Коптскому, Малайскому, Бенгальскому, Индѣйскому и Санскритскому языкамъ, всего *семнадцати* языкамъ въ *четырнадцать* лѣтъ.

Сѣверная Америка.

Что бы предсавить съ какою чудесною скоростію процѣтающъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, почерпнувшихъ изъ новѣйшаго сочиненія Г. *Джона Паллера*, копорый въ 1817 году съ особеннымъ безпристрастіемъ осматривалъ сѣверную часть соединенныхъ областей и описалъ все, что видѣлъ съ истинною Бришанскою важностію *). Мы возьмемъ однакоже только са-

---

*) Въ его Journal of travels in the United States of North - America. London. 1818.

мое замѣчательнѣйшее, какъ напримѣръ почти невѣроятное разширеніе городовъ *Лексингтона* и *Цинциннати*. (Lexington, Cincinnati.)

Лексингтонъ, главный городъ области *Кентуки* (Kentucky) при устьѣ рѣки того же имени впадающей въ *Огіо*, имѣлъ въ 1811 году только 3500 жителей; въ 1817 же году болѣе, нежели въ 1000 домахъ (коихъ строеніе безпрерывно продолжается) 6000 жителей, Магазиновъ и мѣлочныхъ лавокъ, наполненныхъ всѣми удобствами и потребностями жизни, безчисленное множество. Тамъ находящаяся теперь при Пресвитеріанскія, одна Бишофская, одна Каполическая и одна Методистская церковь. Недавно построена новая Коллегія для многихъ Профессоровъ и воспитанниковъ. Сверхъ сего вышшаго училища, находятся тамъ многія низшія школы, также одна Ланкасперская. Мѣсто, на которомъ теперь возвышается и день ото дня украшается городъ, было въ 1773 году чистое поле съ нѣсколькими охотничьими хижинами. Земля вокругъ чрезвычайно плодородна, а виды самые прелестныя. Въ разстояніи четырехъ или пяти миль отъ города можно еще покупать землю отъ 40 до 50 долларовъ за акръ.

Еще поразительнѣе взгляды на городъ *Цинциннати*, находящійся въ странѣ, которая не задолго еще предъ симъ была пусты-

нею и убъжищемъ — природныхъ жителей Америки. *Цинциннати* есть чудо западнаго міра, говоритъ *Палмеръ*, нашъ описатель, и по всей вѣроятности въ продолженіе немногихъ лѣтъ будешь однимъ изъ величайшихъ городовъ Америки. Дома въ немъ построены опмѣнно чисто и красиво какъ снаружи, такъ и внутри. Число домовъ и публичныхъ зданій простирается до 1400; жителей считаютъ до 8000 и по однихъ бѣлыхъ. Болѣе четырехъ сотъ домовъ построены изъ песчаныхъ камней и кирпичей; нѣкоторыя изъ нихъ въ при эшажа и благородной архитектуры. Публичныя зданія всѣ выстроены такъ массивно и въ столь хорошемъ стилѣ, что могли бы служить украшеніемъ и Европейскимъ городамъ. На главныхъ улицахъ мѣста для строенія (ихъ называютъ здѣсь *городскія лоты*: town-lots) чрезвычайно дороги. За футъ (считая по длинѣ передовой стороны будущаго дома, обращенной къ улицѣ) платятъ 200 долларовъ. Земля вблизи города продается по 200 долларовъ за акръ. Безчисленные ремесла и рукодѣлія производятся безостановочно, а торговля по *Огіо* съ *Питсбургомъ* и *Новымъ Орлеаномъ*, также во внутренности земли сухимъ путемъ непрерывно увеличивается. Какъ въ домовыхъ уборахъ, такъ и въ платьѣ вездѣ царствуетъ Евро-

пейская опряшность. — Еженедѣльно выходяшь въ *Цинциннати* двѣ газеты и каждой расходится болѣе 1500 экс. Четыре раза въ недѣлю бываетъ шоргъ, гдѣ радуешься и удивляешься изобилію и богатству счастливейшей въ свѣшѣ земли.

Главный праздникъ въ *Цинциннати* есть годовое шоржество Американской независимости. Оно празднуется обыкновенно во всѣхъ церквахъ съ воинскою пышностью; во всѣхъ сѣмействахъ обѣдами, балами, обществеными увеселеніями. — Что прежде говорили и писали о вредномъ вліяніи шамшняго климата на здоровье, шо, кажешся, было справедливо шолько до шѣхъ поръ, пока страна сія не была еще довольно населена; шеперь же она можешъ почешся одною изъ самыхъ здоровѣйшихъ земель. Цвѣшъ лица и живость обшашателей доказываютъ неоспоримость сего положенія.

На островѣ *Исландіи* въ печеніи 1817 года родилось 1317 дѣшей, въ шомъ числѣ 688 мужскаго и 629 женскаго пола. Между ними было—кшо бы ожидалъ эшаго опъ смиренныхъ, *холодныхъ* Исландцевъ? — 187 *незаконнорожденныхъ*! Число умершихъ проширалось до 918. Между сими послѣдними 86 человекъ лишились жизни опъ чрезвы-

чайныхъ случаевъ, какъ шо: засышаны снѣж-
ными лавинами, погибли въ морскихъ вол-
нахъ и ш. п. а 14 человекъ умерли ошъ
голода!

ттиттитт

Извѣстія о новыхъ Рускихъ кни- гахъ.

1819.

19. *Черты Екатерины Великія. Павломъ Сулароковымъ, Поетнымъ Членомъ Виленскаго Университета. Санкт-петербургъ. Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія въ 8 кч. XIV и 370 стран.*

Истинному патріоту всегда пріятно читать о шѣхъ славныхъ людяхъ, которые принесли пользу любезному отечеству; малѣйшее происшествіе, самая незначущая черта характера ихъ любопытна для Историки. А кто болѣе ЕКАТЕРИНЫ II имѣеть права на вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ? Кто проложилъ намъ пути къ славѣ, кою мы теперь наслаждаемся? Сочинитель сей книги изданіемъ анекдотовъ

изъ частной и общественной ея жизни сдѣлалъ большую услугу всѣмъ тѣмъ, копорымъ священная память Великой Монархини. Многие изъ нихъ *) до сихъ поръ не были еще извѣстны. Книга сія напечатана чешкими литерерами, на хорошей бумагѣ и довольно исправно. Сочинитель, кажется, совсемъ не думалъ о слогѣ, кошорый тяжель, необработанъ и наполненъ ошибками и неправильностями. Даже и дедикація написана очень дурно. Жалѣю, что сія любопытная книга обезображена такимъ слогомъ! П. П.

Прим. Изд. Благ. Соглашаюсь совершенно съ мнѣніемъ Г. П. П. Вошъ небольшіе образчики слога изъ этой книги, очень плохо написанной, но впрочемъ весьма любопытной и занимательной:

„Кшо вдаешся въ шакую опасность? — Тридцати трехлѣтняя, прелестная женщина.—Куда направляешъ нуть?—Въ многолюдную столицу.—За чѣмъ?—Досстигнушь предѣла мученій, престола.—Въ какое время?— При шемношѣ ночи.—Кшо ея охранишели?— Одинъ возникей.“ (спр. 33.)

„Смѣхъ, шумъ громогласіе другихъ не замѣшивали ея мысли.“ (спр. 85.)

„Поѣжише имъ (депутатамъ) отъ про-

*) Кшо? анекдоты или люди? *Прим. Изд. Благ.*

тихъ государствъ) наконецъ Москву, рукою Французскаго Апшилы сокрушенную, и изъ бцеровъ своихъ разрушеній, пепелища въ три года краше прежняго возблиспавшую, они изумящся. На что имъ нужны столѣшя, на шо намъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ доспа-точно.—У нихъ обдуманность, холодное пер-пѣнне, постепенныя средства, у насъ же мановеніе волшебства. Они шествуютъ пи-хо въ предмету, мы скажемъ на потовыхъ къ успѣху.“ (спран. 212 и 213.) Нельзя удержашься ошъ смѣху! И.

20. *Россійская Грамматика, сочиен-ная Императорскою Россійскою Академіею. Изданіе третіе. С. П. б. въ шип. Имп. Рос. Акад. въ 8 ку IV и 373 спр.*

Издашель Сына Отечества Н. И. Грегъ въ 29 № своего Журнала говоритъ, что онъ намѣренъ въ подробности разсмотрѣть сіе важное твореніе, показать его отличительныя свойства и (нѣкоторые) недостатки. Намѣреніе самое похвальное. Г. Грегъ, сколько извѣшно мнѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавалъ правила Рускаго языка и самъ давно уже занимается составленіемъ Руской Грамматики; слѣдователь-

но можешь основашельно и справедливо судить о семъ предметѣ. Желательна для общей пользы, что бы и всѣ наши ученые, занимающіеся съ нѣкотораго времени насшоящимъ образомъ преподаваніемъ Рускаго языка (особенно взрослымъ и образованнымъ иноспранцамъ) сообщали Публикѣ замѣчанія свои по сей части и ошкрытія въ Руской Грамматицѣ. Такія замѣчанія и соспавленныя вновѣ Грамматическія правила, равнымъ образомъ объясненія Рускихъ подобнозначащихъ словъ (synonymes) съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщаются будущь въ *Благонамѣренномъ*. И.

21. *О запоѣ и легеніи онаго. Въ наставленіе каждому, съ прибавленіемъ подробнаго изъясненія для невратей о способѣ легенія сей болѣзни. Сочиненіе Доктора К. Бриль Крамера. Москва, 1819, въ Универс. шип. въ 12 ю долю, 197 спран.*

Драгоценная книжка! — продается здѣсь въ С. П. бургѣ, въ книжной лавкѣ у Адмиралшейства, въ домѣ Щербакова подь № 107 и въ Москвѣ у Книгопродавца Якова Нѣмова по двадцати рублей,

Въ обершочкѣ, безъ переплѣша!
Кому же покупать ее придетъ охота?

Платишь двѣ красенькихъ! Ужасная цѣна!
 Не лучше ли два ведра взять пѣннаго вина?

И.

22. *Исторія Минералогіи, или краткое изображение основанія, приращенія и усовершенствованія оной Науки, особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе; съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшихъ системъ по всѣмъ частямъ всеобщей Минералогіи. Сочиненіе Ординарнаго Профессора Естественной Исторіи, Статскаго Совѣтника, разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ Обществъ Члена и Кавалера Андрея Теряева. С. П. б. въ Медицинской шип. въ 8 ку, XIX и 224 стран.*

Смопр. объявленіе о сей книгѣ *Сѣверной Почты* № 54 и *Сына Отечества* № 28.

23! *Сочиненія и переводы въ стихахъ Н. Ивангина—Писарева. Съ эпиграфомъ:*

Billig verehret die Nachwelt des Dichters Aschenkrug, von altem Epheu umschlungen, den die Musen sich geweiht haben, die Welt, Un-

schuld und Tugend zu lehren. Sein Rhum lebt noch gleich jugendlich, wenn die Trophée des Eroberers im Staube modert ... Zwar diese Grösse zu erreichen hat die Natur Wenigen vergönnt, ihr nachzueifern ist rühmliches Bestreben. Der einsame Spaziergang und jede meiner einsamen Stunden sey ihm geweiht! *Gessner.*

Москва. Въ шип. Селивановскаго , въ 8 ку, 331 спран.

Большая часть сихъ стихотвореній была уже напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* разныхъ годовъ; нѣкоторыя выправлены, другія остались попрежнему. Въ нихъ видѣнъ талантъ Автора, но также и неспѣшность, съ которою онъ пишетъ и множество *заказныхъ* стиховъ. Не повреждая достоинства сочиненій его, можно бы выбросить большую часть длинныхъ надписей, эпиграфій и прочихъ мѣлочей. Совѣшую Г. *Писареву* не употреблять во зло своихъ дарованій; безпрерывныя *замѣтанія* на поляхъ *наскучаютъ* почто такъ, какъ и *безпрестанный звонъ золотыхъ кубковъ*. П. П.

Прим. Изд. Благ. Ни *заказныхъ* стиховъ, ни *замѣтаній на поляхъ* въ этой книжкѣ я не нашель, а помѣщены въ ней послѣ нѣкоторыхъ піесъ *сель*, въ помѣ числѣ *четыре* довольно длинныхъ, примѣчаній *Сочинителя*, которые однако, по мнѣнію моему,

почти всѣ необходимы . Есть еще внизу страницъ 5 или 6 замѣчаній, но онѣ такъ малы, что *наскучать* не могутъ. Версификація у Г. *Ивантина* — *Писарева* очень не дурна: это даетъ поводъ заключать, что онъ не столько *спѣшитъ* писать стихи, сколько *старается* исправлять ихъ. Мнѣ очень понравились многія изъ духовныхъ его стихотвореній, также изъ надписей и эпиграммъ, но всего болѣе *Рудинки*. Сія довольно большая піеса, въ которой сочинитель воспоминаетъ о счастливыхъ дняхъ своего дѣтства, написана очень плавно и съ прямымъ чувствомъ. Басни же его кажутся мнѣ очень слабы. И.

24. *Освобожденный Іерусалимъ, Героическая Поэма Торквата Тасса. Переводъ С. Москотильникова. Часть первая. Москва, въ тип. Августа Семена, въ большую 8 ку, VI и 294 стран.*

Книга сія нанечашана очень красиво. Къ первой части приложенъ портретъ Тасса, весьма искусно выгравированный Г. *Флоровымъ* и еще одна картинка, на которой изображенъ Архангелъ Гавріиль, возвѣщающій Годофреду повелѣніе Божіе идти съ

войскомъ къ освобожденію Солима. Въ прошедшемъ 1818 году, вышелъ здѣсь въ С. П. бургѣ переводъ первой же части *Освобожденнаго Іерусалима А. С. Шишкова*. Онъ переводилъ съ подлинника, а Г. Москотильниковъ съ Французскаго преложенія Г. Лебрюна и не прежде рѣшился издать переводъ свой, какъ свѣривъ оный съ Италіянскимъ оригиналомъ и исправивъ найденныя имъ, *хотя и не во многихъ мѣстахъ, отступленія*. Такъ говоришь онъ въ своемъ предувѣдомленіи. — Постараемся на досугѣ сравнить оба сіи перевода, и тогда скажемъ, можешь бышь, о томъ и о другомъ наше мнѣніе. И.

25. *Жилблазъ де Сантиллана. Согиненіе Лесажа. Часть первая*. С. П. б. въ Морской типографіи, въ 18 ю долю листа, VIII и 351 стран.

Книжка сія напечатана красиво и исправно. При оной приложенъ портретъ Лесажа и еще одна довольно хорошо выгравированная каршинка. — Считаю нужнымъ повторить здѣсь, что *Жилблазъ* есть самый *лучшій* и *полезнѣйшій* изъ всѣхъ романовъ, и что прежній или *старинный* переводъ онаго не возможно читать теперь съ удовольствіемъ, не только лишператорамъ,

но даже и обыкновеннымъ людямъ. О до-
стоинствѣ новаго перевода просвѣщенные
читатели могутъ судить по двумъ отрыв-
камъ, напечатаннымъ уже въ *Благонамѣ-
ренномъ*. (См. Февраль мѣсяць сего Журнала
1818 и II N^o нынѣшняго 1819 года.) — Под-
писка на новый переводъ *Жилблаза* прини-
мается здѣсь въ С. П. бургѣ у самого пе-
реводчика и у Издателя *Благонамѣрен-
наго*. Цѣна за всѣ 8 частей съ гравирован-
ными каршинками въ С. П. бургѣ двадцать
пять, а съ пересылкою въ другіе города
тридцать рублей. — И.

Отъ Издателя Сибирскаго Вѣст- ника.

Первая часть *Сибирскаго Вѣстника* на
1819 й годъ, или пятая сначала сего из-
данія, напечатана и раздается подписавшимъ-
ся. Въ ней содержатся слѣдующія статьи:
I. Описание народовъ, кочующихъ въ верху
рѣки Енисея. II. Обзоръ Монголіи: 1) О
нынѣшнемъ состояніи Монголіи. 2) О вѣрѣ
и нравственности Монголовъ. III. Объ измѣ-
реніи высотъ барометромъ, съ принадле-
жащими къ оному формулами, таблицами
и гравированнымъ изображеніемъ измѣрен-

ныхъ высоту земнаго шара, гдѣ показаны многія Сибирскія высоты.

Вторая или шестая часть находится въ печати. Она будетъ содержать: 1) Обзоръ Монголіи (окончаніе). 2) О гражданскомъ образованіи и законодательствѣ у Монгольскихъ народовъ. 3) О словесности Монголовъ и успѣхахъ разума. Къ сему послѣднему отдѣленію принадлежатъ два гравированные вида: наружности и внутренности Бурятскихъ кумирней и два изображенія: музыкальныхъ орудій, употребляемыхъ при идолослуженіи въ кумирняхъ, и Монгольскихъ буквъ, сравниваемыхъ съ другими. II. Извѣстіе о спранспвующемъ ботаникѣ Г. *Кашкаровѣ*. III. Наспавленіе и письма отъ Профессоровъ *Палласа* и *Фалька* къ Спуденту *Кашкарову*. Примѣчанія, служащія къ ихъ поясненію.

Подписка на *Сибирскій Вѣстникъ* сего 1819 года принимается въ С. *Петербурѣ* у Издашеля Г. И. *Спасскаго*, живущаго у Владимірской церкви, въ домѣ жены чиновника 5 класса *Катки* подъ № 763, въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; въ *Москвѣ*: въ Газетной Московскаго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ: *Ширяева* и *Глазунова*. Цѣна здѣсь въ С. П. бургѣ 22 руб. 50 коп. а съ пересылкою въ другіе города 25 рублей.

Желающіе имѣть первыя 4 часпи *Сибирскаго Вѣстника*, вышедшія въ прошедшемъ 1818 году, благоволяшъ относиться къ самому Издашелю. Въ оныхъ помѣщены: I. Каршина Сибирц. II. Новѣйшія пушешествія — а) по Сибири: 1) на Тигирецкія бѣлки, или горы, вѣчнымъ снѣгомъ покрышыя. 2) по Алтайскимъ южнымъ горамъ.—б) По сопредѣльнымъ съ Сибирью мѣстамъ: 1) въ Китай, въ 1620 году. 2) Въ городъ Бухару въ 1794 и обратно въ 1795 году. 3) Въ городъ Ташкентъ и обратно въ 1800 году. III. Древности Сибири: 1) О древнихъ Сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ. 2) О курганахъ или древнихъ могилахъ. 3) О древнихъ развалинахъ. IV. Описаніе народовъ, кочующихъ въ верху рѣки Енисея. V. Смѣсь. 1) воспоминаніе о Тобольскѣ и его окрестностяхъ. 2) Нѣчто о Рускихъ въ Сибири старожилахъ. 3) Несчастный. 4) Сибирскій кедръ. 5) Примѣръ великодушія и челоуѣколюбія. Къ онымъ спашьямъ принадлежашъ гравированныя: портретъ *Ермака*, чешыре Сибирскіе вида; 22 изображенія различныхъ памятниконъ древности и двѣ карты—одна похода *Ермака*, другая Киргизь-Кайсацкой степи, кошорыя всѣ переплешены въ особыхъ чешырехъ шепрадяхъ. Цѣна полному изданію за 1818 годъ ошашся пока еще прежняя, а именно: здѣсь въ

Некрологія.

Управляющій Экспедиціею о Государственныхъ доходахъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *) *Корнилій Антоновичъ Лубьяновичъ*, скончался, къ общему сожалѣнію, скоропоспѣжно на 63 или на 64 году своей жизни 5 го ч. сего мѣсяца въ небольшой деревенькѣ своей въ Новоладожскомъ Уѣздѣ, а 12 ч. тѣло его предано землѣ, согласно желанію его, при Церкви Сошеспвія Св. Духа, что на *большой Охтѣ*.

Онъ былъ челоѣкъ необыкновенный, *государственный* и, смѣло можно сказать, *единственный* по частіи шакъ называемаго *казеннаго управленія*, ш. е. по частіи Государственнаго Казначея. Вышшее начальство уважая рѣдкія его способности и долговременную опышность, всегда было признательно къ отличныиъ его заслугамъ, требовало отъ него въ важныхъ и запруднительныхъ случаяхъ совѣшовъ и всегда имъ слѣдовало; подчиненные его, изъ копорыхъ многіе образованіемъ своимъ по службѣ наиболее обязаны ему и давно уже занимающъ съ честію значительныя мѣста, почишали и любили его какъ отца; друзья находили

---

*) Св. Анны 1 го класса и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4 й степени.

въ немъ истиннаго друга, съ которымъ можно было и пріятно провести время и посовѣтоваться о дѣлѣ и говорить открыто о всѣхъ своихъ нуждахъ; бѣдные, особенно вдовы и сироты, имѣли въ немъ благодѣтеля и покровителя. Чуждъ вовсе гордости и тщеславія, простъ въ обхожденіи и въ домашней жизни, дружелюбивъ и ласковъ ко всѣмъ, онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, и всякой, кто его зналъ, не могъ не любить и не уважать его. Никому въ жизнь свою не сдѣлалъ онъ зла и нерѣдко, очень нерѣдко *платилъ добромъ за зло*.

И великіе люди имѣюшь свои слабости! *Корнелій Антоновичъ* былъ вспыльчивъ. — Почтенный мужъ! проси, что не скрываю единственной твоей слабости: ты самъ часто сознавался въ оной и любилъ, что бы говорили правду. — Но разсудокъ его всегда одерживалъ побѣду надъ его вспыльчивостію. Это было пламя, которое мгновенно вспыхивало и мгновенно же потухало, не причинивъ никакого вреда. Не рѣдко случалось, что онъ во время спора, защищая со всею жаромъ свое мнѣніе и не слушая въ запальчивости возраженій или объясненій своего соперника — вдругъ осанавливался и подумавъ немного, признавался, что онъ ошибся. Черта свойственная однимъ только истинно великимъ людямъ! Впрочемъ вспыльчи-

ность его примѣнно уменьшалась съ лѣтами. Несмотря на свой горячій нравъ онъ былъ столь великодушенъ, что прощалъ непростишительныя оскорбленія неблагодарнымъ, копорые давно бы погибли безъ его благодѣяній—и, какъ истинный христіанинъ, продолжалъ дѣлать имъ добро.

Отецъ *Корнелія Антоновича* былъ небогатый гражданинъ Черниговской Губерніи города *Нѣжина*. Обучившись тамъ Руской грамматкѣ и выучивъ по тогдашнему обыкновенію наизусть весь *Псалтирь* и *Часовникъ* *), вступилъ онъ въ Кіевскую Академію, гдѣ пробылъ около осьми лѣтъ и кончилъ тамъ курсъ Философіи. Чувствуя особенную склонность къ Медицинѣ, хотѣлъ онъ посвятить себя почтенному званію врача и былъ нѣсколько времени ученикомъ въ одной изъ *Пешербургскихъ* апшекъ; но увидя тамъ нѣкопорыя злоупотребленія, опредѣлился въ Сенатъ копискомъ, а оттуда въ 1780 году переведенъ съ чиномъ подканцеляриста въ Экспедицію о Государственнхъ доходахъ, при самомъ ея учрежденіи. Кто бы могъ подумать, что изъ бѣднаго аптекарскаго ученика, изъ *подканцеляриста* выдешъ *государ-*

---

*) Когда я училъ Псалтирь—сказалъ онъ однажды разговаривая со мною—„въ то время совсемъ не понималъ его; но какъ спалъ понимаю и знаю, уже его наизусть, то это ко многому мнѣ пригодилось.“

ственный человекъ? Но когда сдѣлали его канцеляристомъ, *п. е. по вытѣклоу*, по этому канцеляристу, или по вытѣку, сталъ обрабатывать дѣла несравненно скорѣе и лучше всѣхъ Сполочначальниковъ и Совѣтниковъ, которые, несмотря на свое старшинство и опытность, начали въ послѣдствіи совѣщаваться съ нимъ по дѣламъ, пользовались его замѣчаніями, даже поправками. Онъ имѣлъ острый, бѣглый и самый основательный умъ, что весьма рѣдко бываетъ въ одномъ и томъ же человекѣ. Лучшія лѣта жизни своей провелъ онъ въ трудной, скучной работѣ; работалъ не только за себя, но и за другихъ и часно просиживалъ за дѣломъ сряду цѣлые дни и ночи. При всѣхъ своихъ многотрудныхъ занятіяхъ находилъ онъ время для чтенія, и читалъ преимущественно политическія, философическія и богословскія книги. Долго жилъ въ нуждѣ и уже будучи женатъ, не рѣдко имѣлъ недоспашокъ въ самыхъ необходимыхъ для жизни потребностяхъ. Наконецъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ Богъ вознаградилъ настоящіе и прежніе труды его: добрые начальники обратили Монаршее вниманіе на заслуги сего достойнаго мужа, и онъ занявъ принадлежавшее ему по всей справедливости мѣсто Управляющаго Экспедиціею о Государственныхъ доходахъ, получалъ въ семь звѣ-

нѣи значительныя денежныя награды и по-
себѣя, былъ совершенно доволенъ своимъ со-
спояніемъ, жилъ спокойно, умѣренно и по-
могалъ еще многимъ.

По смерти его осшалась нѣжно люби-
мая имъ супруга, которая въ первыя лѣта
ихъ брака терпѣливо переносила съ нимъ
бѣдность и кошору, при старости ея и
болѣзни, всемѣрно старался онъ успокоить.
За отличныя свои заслуги получалъ онъ еще
при жизни 5000 р. пенсіона, который въ
случаѣ его смерти велѣно было обратиться
въ производство вдовѣ его. Г. Министръ
Финансовъ Его Высокопревосходительство
Дмитрій Александровичъ Гурьевъ исходатай-
ствовалъ ей нынѣ сверхъ сего пенсіона еще
5000 р., кои производились покойному въ жа-
лованье по званію Управляющаго Экспедиціею
о Государственныхъ доходахъ. Препровождая
къ Гжѣ *Лубьяновичевой*, списокъ съ Высочай-
шаго по сему предмету Указа отъ 19 ч. ны-
нѣшняго мѣсяца, заключилъ онъ письмо свое
къ ней слѣдующими словами: *гистросердечно*
раздѣляю горестъ Вашего Превосходитель-
ства о потерѣ, столь вамъ драгоцѣнной,
чувствуя всю великость оной и лишась самъ
въ вашемъ супругѣ поттеннаго и много ува-
жаемаго сотрудника по службѣ.

Хвала и сердечная благодарность поч-
тенному Министру, умѣющему цѣнить до-

споинства своихъ подчиненныхъ и награждать приличнымъ образомъ ихъ заслуги!

И.

~~~~~

(31 Июля.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АВГУСТЪ 1819. N° XV.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СИЛА ПѢСНОПѢНІЯ.

(Подражаніе Шиллеру.)

Рѣка свирѣлая стремится
Съ ужаснымъ грохотомъ изъ скалъ;
Клокочешъ, пѣнишся, дробишся —
И препешъ путника объялъ.
Сшоипъ онъ изумленъ и внемлешъ,
Въ священномъ ужасѣ, вѣспрамъ;
Напрасно взоромъ все объемлешъ:
Начала нѣшъ сѣдымъ валамъ.

Равно сокрытъ источникъ пѣсень,
Равно величеспвенъ, чудесень.

*

Не та ли выспренняя сила,
Какъ молнія небесныхъ странъ,

Слѣшѣвъ внезапно, оживила
 Чудесный, древній испуканъ?
 Не сей ли пламень пробуждаетъ
 Въ струнахъ уснувшій лирный гласъ,
 Поэта движетъ, увлекаетъ
 Необоримо на Парнассъ?

Не то ли духъ живошворящій,
 Незримый, но вездѣ парящій?

*

Возмогутъ ли рожденны къ плѣнью,
 Игра страстей, какъ бури чолнъ,
 Пропивитъся одушевленью,
 Которымъ Пѣснопѣвецъ полнъ?
 Онъ сердцемъ смершнаго играетъ;
 Приложитъ персы ко струнамъ —
 И душу въ шарпартъ погружаетъ
 Или возноситъ къ облакамъ.

И гласъ его игривъ иль важенъ,
 Всегда возвышенъ и опваженъ.

*

Не всели покорно самовласпной
 Рукъ невидимой Судьбы?
 Наперсникъ Феба сладкогласной,
 Не всѣ ли мы швои рабы?
 Ты мирный гражданинъ вселенной,
 Желанный гость въ спранѣ чужой!
 Коснешься лиры оживленной —
 И радости спѣшатъ толпой,

И солнце истины сіяетъ,
И лжи личина низпадаетъ.

*

Когда Орфеи собирались
Въ лѣсахъ Любовь и Марса пѣшь,
То львы и тигры усмирялись
И боръ пересшаваль шумѣшь.
Творецъ безсмертной Иліады
Перстами по струнамъ лещаль —
И шумны умолкали грады,
Какъ въ поншѣ умолкаетъ валъ.
Средь моря Аріонъ играешъ
И на дельфинѣ выплываетъ.

*

Пѣвца божественнымъ внушеньямъ
Покорные, какъ на крылахъ,
Летимъ къ превыспреннимъ селеньямъ
И шамъ, въ лазурныхъ небесахъ,
Разторгнувши земнаго ковы,
Не раболѣпствуя спрашьямъ,
Но облачась въ одежды новы,
Подобимся благимъ Духамъ,
И въ области очарованій,
Не чувствуемъ своихъ спраданій.

*

Какъ послѣ долгія разлуки,
Сынъ къ нѣжной матери спѣшишь,

Его взлелѣявшія руки
 Слезами радости кропишь:
 Такъ, отлученный суепою,
 Игналище мірскихъ заботъ,
 Прельщенный счастья мечшою,
 На звуки лирные печешь,
 Минушою считаешь годы
 На лонѣ матери - природы.

*

Твой храмъ, Поэзія святая,
 Незыблемъ, свыше осѣнёнъ
 Безсмертна вѣчно-молодая
 Фанпазія—безсмертенъ онъ.
 Когда ось міра сокрушишь,
 Когда померкнешь Феба ликъ;
 Онъ не падешъ, не истребитъся,
 Его не смолкнетъ славы кликъ.
 И надъ развалинами міра
 Гремѣшь не перестанешъ лира!

Павелъ Терзевъ.

~~~~~

КЪ РАДОСТИ.

Тыль, Радость, прелестная
 Богиня, спускаешься,
 Эротами, Смѣхами,
 Крылашой Веселостью

Въ эфиръ несомая?
 Ты!—Взоры горящiе,
 Уста, вѣчно - юною
 Улыбкой цвѣщущiе,
 И перси волнуемы
 Тебя обнаружили
 Младую красавицу,
 Упѣху вселенныя,
 Отпраду всѣхъ возрастовъ. —
 Едва появилась,
 Заботы и горести
 Сокрылись, разсѣялись
 Въ дали ошуманенной;
 Едва прикоснулася
 Перстами небесными,
 Рукою лилейною
 Къ челу омраченному —
 Чело прояснилось,
 Кровь легче помчалася,
 И сердце пылающимъ
 Восшоргомъ наполнилось.

Примижь, дщерь безсмершная,
 Слезу благодарности,
 За нѣжностъ, любовь швою!
 Прими! Еще въ дѣшствѣ я
 Тобою лелѣянъ былъ;
 И ты, какъ волшебница,
 Повсюду плыла за мной,
 Носясь по поднебесью,
 Разсыпавши локоны

По плечамъ съ небрежноспью,
 Дыхая амврозіей
 Изъ устъ привлекательныхъ.
 Повсюду въ природѣ я
 Вездѣ находилъ себя:
 И въ лугѣ муравчашомъ
 За бабочкой бѣгая,
 И возлѣ испочника,
 Плескаяся струйками,
 И липѣ въ осѣненіи,
 Пишаясь прохладою.

Но дѣшество пріятное,
 Какъ призракъ, умчалосѣ;
 Меня вѣроломное
 Навѣки покинуло:
 Лишь ты, о красавица,
 Ты, радость небесная,
 Подруга надежная!
 Меня не покинула,
 И пылкаго юношу
 Съ любовію прежнею
 Покоишь въ объятіяхъ,
 И легче касашочки,
 За мною порхаешь ты.
 Увы! безъ тебя бы я
 Завялъ на восходѣ дней;
 Безъ милой сопушницы,
 Какъ роза безъ дождика,
 Засохнувъ, исчезнулъ бы.
 Съ побоюжь, любезная,

И дней на закашъ я
Лишь буду блаженствоватьъ;
Съ тобой и зима моя
Усыплется розами.

И. Покровскій.

~~~~~

РОМАНСЪ.

(изъ Поэмы: *Иснель и Аслега.*)

Аслега, другъ преступной, но прекрасной!
Увидѣться съ побою я спѣшилъ;
Я бросилъ мечъ—и лапы положилъ—
Но ахъ! забыть тобой Иснель несчастной.
Прощай—иду . . . въ чужихъ странахъ пер-
пѣть,
Любить тебя, любить и умереть.

*

Вкушай иной любви наслажденья,
Въ веселіи живи, забудь о мнѣ;
Пусть буду я поминаться въ пишинѣ—
Ты совѣси не чувствуй угрызенья!
Невѣрна ты—во мнѣ измѣны нѣтъ,
И жребій мой любить и умереть!

*

Но счастье дано ли преступленью? . . .
Безпечная! спрашисъ любви молодой:

Она какъ ледъ невѣрной—подъ собой
 Пучину бѣдъ скрываетъ и мученья.
 Прощай . . . спѣшу . . . надежды боль нѣшь —
 Мнѣ суждено: любишь и умереть!

Т.

ПРОЩАНЬЕ .

Проспите, милые досуги
 Разгульной юности моей,
 Любви и радости подруги,
 Проспите! вяну въ упро дней!
 Не мнѣ спезею пошпенной,
 Въ ночь молчаливую, пищкомъ,
 Младую дѣву подъ плащомъ
 Вести въ альковъ уединенной.
 Бѣжишь измѣнница любовь!
 Свѣшильникъ дней моихъ блѣднѣешь,
 Ея дыханье не согрѣешь
 Мою хладѣющую кровь.
 Слѣды печалей, изнуренья
 Примѣшишь въ спраждащемъ ова.
 Не смѣйпесь, дѣвы наслажденья:
 И ваша скроепся весна,
 И вамъ плѣняшь не долго взоры
 Младую пышной красошой.
 Зачпожь въ болѣзни роковой
 Я слышу горкіе укору?
 Я прежде бодръ и весель былъ.

Зачѣмъ печальнаго бѣжише?
 Подруги милыя! вздохните:
 Онъ сколько могъ любви служилъ.

Е — ъ Б...скій.

~~~~~

СУДЬБА ЦВѢТОВЪ.

Юный цвѣтъ весенній
 Прежде всѣхъ родясь,
 Въ благовонной сѣни
 Тихо распусшася—
 Всѣхъ манишь собою,
 Восхищаетъ всѣхъ.
 И Зефиръ съ шолпою
 Въшренныхъ Ушѣхъ,
 Съ милыми друзьями,
 Къ первенцу спѣшитъ,
 Рѣзвился . . . . лешитъ,
 И шумя крылами,
 Шепчетъ: я люблю.
 И съ цвѣткомъ играетъ
 И цвѣтку вздыхаетъ
 Про любовь свою—
 И цвѣпокъ лелѣетъ . . . .
 Но лишъ новый цвѣтъ
 Въ полѣ разцвѣпешъ,
 Только заалѣетъ—
 Молодой божокъ

Милой свой цвѣшокъ
 Скоро забываетъ,
 Скоро ошлемаешь
 Къ новому цвѣшку
 И несешь ему
 Вътреникъ пригожій
 Тѣ же ласки вновь,
 Ту же и любовь...
 Посщоянство — поже.

Т.

РАДОСТЬ ЛЮБОВНИКА.

Я счастливъ! О восторгъ! О Нина! ты при-
 зналась
 Что гнѣвъ твой на меня всегда прищвор-
 ный былъ,
 Что гнѣвомъ ты любовь ко мнѣ прикрышь
 спаралась,
 Когда швердила мнѣ: не будешь вѣчно миль!...
 Но что не дѣлаешь терпѣнье,
 Покорность, время, угожденье?...
 Я вопреки тебѣ любя,
 Все, все сносишь, душа спрадала...
 И наконецъ ты мнѣ сказала:
 Люблю тебя!

*

Люблю! — на грудь мою склонилась головою,
 Ты вздохомъ сладостнымъ мой вздохъ пред-
 упреля!

Душа швая съ моей сліялася душою,
 Когда ты на меня умильно поглядя,
 Свои уста къ моимъ прижала,
 Румянцемъ пламеннымъ сгарала,
 Сама не помнила себя,
 И ложный страхъ и гнѣвъ забыла,
 И тихо, тихо говорила:
                                 Люблю тебя!

*

Ахъ! для чего досель ты опъ меня таилась?
 Безжалостна была къ спраданиямъ любви!...
 „Какъ миль желанный другъ, а если по-
                                 корилась,
 Упихнешь буря чувствъ...проспынешь огонь
                                 въ крови...“

Нѣшь, нѣшь! напрасно, другъ мой нѣжной!
 Какъ живь любовью безнадежной?
 На то ли сердце, чшобъ любя
 Всегда лишь знать шеску напасти?...
 О! молвимъ во взаимной спраси:
                                 Люблю тебя!

*

Не завсегда любви сопуществуюшь лишь
                                 грозы,
 Не вѣчно скорбь — удѣль чувствительныхъ
                                 сердецъ!
 Есть опышь...разцвѣшуть на тернахъ аы
                                 розы:

Изъ нихъ за каждый вздохъ гошповишся въ-
нець

Пройдушь бѣды! съ побою радость!

Узнаешь упоеній сладость!

Утѣхой горе истребя,

Забудешь слезы и мученья,

Слова услышишь утѣшенья:

Люблю тебя!

*

Люблю! . . . скажи еще! . . . мой другъ! шверди
стократно:

Люблю! люблю! люблю! . . . Скажи сто ты-
сячь разъ!

Скажи чрезъ десять лѣтъ — и вѣрь — равно
пріятно

Услышу и тогда любви отраднѣй гласъ!—

И цѣлый вѣкъ не позабуду!

И вѣкъ равно я страстенъ буду.

Однажды сердце полюбя,

До гроба разлюбишь невольно!

Ахъ! вѣкъ не повторишь довольно:

Люблю тебя!

Н. Сушковъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Софѣ Дмитріевнѣ Пономаревой.

Въ своемъ альбомѣ ты желала
 Мои стихи имѣшь.
 Боюсь, боюсь, что бы не спала
 Теперь о томъ жалѣшь.
 Въ очаровашельныя кущи
 Любезныхъ Пѣриды
 И въ прежни дни мои цвѣшущи
 Тропинку находишь
 Мнѣ стоило труда большого:
 Чего же ожидаешь
 Ошь близорукаго, сѣдаго?
 Въ волшебный мѣръ лешаешь
 Семейныя заботы
 Меня лишили всей охоты;
 А безъ мечтанія стихи—граненый ледь!
 Я взялся за перо, признаюсь напередъ,
 Изъ одного повиновенья,
 Не чая сдѣлашь шѣмъ большого угожденья,
 И вѣрно всякъ
 Со мною согласишься,
 Что пошь иль геній иль проспакъ,
 Кто вздумаетъ хвалишься,
 Что угодилъ тебѣ своимъ перомъ.
 Таланшы многихъ Музь имѣя,
 А въ рѣзвосты бывъ сходна со мошылкомъ,

Премудрость именемъ, шы почно шакъ, какъ
Фея,
 Играешь общеспвомъ, друзей швоихъ умомъ.—
 Бошь все, чпо могъ, дивясь шебъ, вписашь
въ альбомъ.

И. Кованько.

~~~~~

ЛОГОГРИФЪ.

Послушайте, друзья, вы въ трехъ слогахъ
моихъ

Найдете въ мигъ

На поприщъ любви извѣснаго героя,
 Кошорымъ ввергнуша была въ погибель
Троя (1),

Словцо печальное боспонныхъ игроковъ (2),
 Прикрасу головы (3), оружье Козаковъ (4),

Трехъ сеспръ, могущихъ во мгновенье

Разрушить радость и мученье (5),

Персидскаго Царя (6), Египтянь божешво (7),

То вещешво,

Которое изъ водъ всечасно вылепашь (8),

Чшо съ кучею почти одно же означаешь (9);

А цѣлое мое, скажу пещерь я вамъ,

Склоняешь къ гореспнымъ мечшамъ

И аромашы льпешь по окреспнымъ мѣшамъ.

И. Покровскій.

~~~~~

Ш А Р А Д Ы .

1.

Часть первая шого порочнаго являетъ,
 Который всякаго обманешъ, проведешъ;
 Втораяжь къ именама въ пособіе идешъ;
 А цѣлое мое всѣмъ адомъ управляетъ.

М. С.

2.

Когда любовію въ насъ сердце запылало,
 То первое необходимо намъ;
 Второго въ кушанье идешъ у насъ не мало;
 А съ цѣлымъ солнца жаръ не беспокоитъ
 дамъ.

И. П.

3.

Когда я о себѣ съ пріятелемъ сужу,
 То часто первое швержу;
 Второго же я самъ какъ можно избѣгаю
 И ошъ него другихъ всегда ошерегаю;
 Когдажь по имени меня шы назовешъ,
 Тогда и цѣлое найдешъ.

Я... К.... овъ.

~~~~~

(Изъ помѣщенныхъ въ № XIV Шарадъ первая значить: И-волга, а вторая И-ерокъ.)

~~~~~

П Р О З А.

МУЖЕСТВО, ЛЮБОВЬ и ПРИРОДА.

(Повѣсть Имбера.)

Лордъ *Мирвей* принадлежалъ къ числу жерпвъ чесполюбiя и мспишельности извѣснаго *Кромвеля*, коего непроницаемая полипика умѣла покоришь себѣ Англичань. Тому, кто предспавишь голову Лорда, обѣщано было большое награждение. *Мирвей* находился тогда по полипическимъ порученiямъ въ одномъ изъ иносспранныхъ государспвъ. Узнавъ о своемъ приговорѣ, рѣшился онъ спасишь бѣгспвомъ; но вскорѣ получилъ другое извѣспие, которое еще болѣе его успрашило. Это было извѣспие о кончинѣ сесспры его, спарой женщины, у коемой осспавиль онъ нѣжно любимую дочь свою, именовемъ *Жюльетту*. Родиспельская любовь засспавила его позабышь собспвенную опасность и опсправившись въ Лондонъ. Перемѣнивъ свое

имя, званіе и одежду, благополучно достигъ онъ столицы и нашель жилище своей дочери, не подвергнувъ себя ни малѣйшему подозрѣнію. Жюльешпа была внѣ себя отъ радости, увидя отца своего; но мысль объ опасности, копорой онъ подвергался, вскорѣ погрузила ее въ глубочайшую печаль; надлежало подумать о средствѣ, какъ бы скрыть его возвращеніе отъ Кромвеля, коего поисковъ весьма шрудно было избѣгнушь. Узкое подземелье, находившееся подъ домомъ Лорда, всегда мрачное и освѣщаемое одною только лампадою, послужило убѣжищемъ сему несчастному старцу. Жюльешпа сама приготавливала ему пищу и что бы не навлечь на себя подозрѣнія, ходила къ нему только ночью.

Чишашели безъ сомнѣнія сожалѣють уже о Жюльешпѣ, хопя знаютъ одну только половину ея несчастій. Сердце ея, разперзанное участіемъ отца, съ нѣкошораго уже времени принадлежало одному молодому Англичанину, по имени *Термонду*. Мирвей не почишаль его недостойнымъ руки своей дочери; но какъ скоро узналь, что отецъ молодого

Лорда, принявъ сторону Кромвеля, по запретилъ дочери своей, пипать сїю любовь, сдѣлавшуюся въ глазахъ его преступною. Сіе запрещеніе вмѣсто того, что бы совершенно разрушилъ ихъ связь, укрѣпило оную еще болѣе: ибо покойная тетка Жюльетты и сестра Мирвея, пронушая ихъ усиленными просьбами, соединила уже ихъ тайнымъ бракомъ. Въ такомъ-то положеніи находилась Жюльетта при возвращеніи отца своего, который строго запретилъ ей кому либо сказывать о прибытіи его въ неблагодарное опечесство. Дочь съ клятвою обѣщала сіе исполнить; но сколь трудно и прискорбно было ей сохранять сіе молчаніе? Что скажетъ она Термонду, соединявшему права любовника съ правами супруга и почивавшему жилище Жюльетты своимъ собственнымъ? Осмѣлилась ли она нарушить повиновеніе къ отцу, который спрэданіями своими сдѣлался ей еще болѣе драгоценнымъ? Ей оставался только одинъ способъ, которымъ она и воспользовалась. Она написала къ Термонду, что оставаясь одна въ своемъ домѣ, въ ожиданіи приѣзда одной

старой родственницы и не смѣя объявить ей о своемъ замужствѣ, принуждена лишилась удовольствія, видѣть его у себя. Въ замѣну сего назначила она ему ежедневное свиданіе въ домѣ его сеспры, копорая одна только знала ихъ тайный бракъ.

Будучи опъ природы слабаго сложения и еще болѣе изнеможенная печалію, посвящала она всѣ дни супругу, а ночи опцу. Несчастнѣй Мирвей не безъ причины спрашился совершеннаго ослабления ея здоровья, хошя и не зналъ, что она ни днемъ, ни ночью не имѣла покоя: но ея несчастія шѣмъ не ограничивались; напрошивъ, неожиданный случай еще увеличилъ оныя. По непредвидѣнной неоспорожности съ ея спороны Мирвей нашель въ ея бумагахъ письмо Термонда, писанное уже послѣ его запрещенія. Спрахъ бышь опкрытымъ побудиль его сдѣлашь дочери своей спрогій выговоръ за сію переписку.

Между шѣмъ, не имѣя ни въ Лондонѣ, ни при Дворѣ ни малѣйшаго извѣстія о Лордѣ Мирвѣ, не знали что о немъ и думашь. Кромвель, узнавъ опъ

своихъ приверженцовъ, что всѣ ихъ разысканія были тщетны, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ хитрости. Притворясь защитникомъ дочери, предложилъ, или лучше сказать, приказалъ онъ сей послѣдней, переѣхать во дворецъ къ одной знатной дамѣ; онъ утверждалъ, что не прилично молодой дѣвицѣ ея званія, жить одной въ своемъ домѣ и велѣлъ сказать ей, что на другой день приѣдушъ за нею и отвезушъ ее во дворецъ.

Легко можно вообразить, въ какое отчаяніе повержена была Жюльетта, получивъ сіе роковое приказаніе. Она уведомила о семъ отца своего и предложила ему спасись вмѣстѣ съ нею бѣгствомъ, предполагая, что никто не подозрѣвалъ его возвращенія. Лордъ на сіе согласился, и когда наступила полночь, спарикъ съ дочерью своею вышли, при кропкомъ сіяніи луны, изъ столицы Великобританіи.

Между тѣмъ Термондъ, услыша о повелѣніи, данномъ Жюльеттѣ и спрашась разлучиться съ нею навсегда, рѣшился идти къ ней въ шуге самую ночь.

Приближаясь къ дому, увидѣль онъ двухъ человѣкъ, удалявшихся поспѣшными шагами; онъ успрямился къ нимъ и пошчасъ узналъ Жюльетту, бѣгущую съ незнакомымъ ему человѣкомъ. Побуждаемый ревностію, остановилъ онъ старца и приказалъ ему защищаться; Мирвей, не взирая на преклонность лѣтъ своихъ сохранилъ еще мужество молодости, онъ обнажилъ шпагу и самъ напалъ на своего прошивника. Жюльетта, испуганная симъ зрѣлищемъ, бросилась между ими и воскликнувъ дрожащимъ голосомъ: „бапюшка!“ упала безъ чувствъ. Услышавъ сіе восклицаніе, Термондъ бросилъ шпагу къ ногамъ Мирвея, спарашагося привести въ чувство дочь свою, и несчастный супругъ присоединилъ свои попеченія къ усиліямъ нѣжнаго отца. Терзаясь угрызениями совѣсти, не имѣлъ онъ силы для оправданія. Не одна опасность Жюльетты и ея отца перзали сердце Термонда; но неоспорность его произвела еще гораздо большее несчастіе. Въ ту минушу, когда Мирвей хотѣлъ съ нимъ объяснить-

ся, подошла къ нимъ спрража, привлеченная шумомъ. Мирвей былъ попчасть узнанъ и схвачень; на другой же день хопѣли предспавишь его къ Кромвелю. Опчаяніе овладѣло Термондомъ, Жюльешшою, и опцѣмъ ея; но первый безъ сомнѣнія былъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ, ибо почишалъ себя виновникомъ сего гореспнаго происшеспвія. Никакая казнь не могла сравнишься съ упреками, опягощавшими его сердце. На другой день предупредиль онъ часъ, въ копорой Лордъ Мирвей долженспвоваль бышь предспавлень Кромвелю и, разсказаль ему подробно все и просиль со слезами даровашъ помилованіе несчастному своему шеспю.

Кромвель видя, что всѣ присущспвующіе чрезвычайно были пронупы симъ повѣспвованіемъ и спрашасъ упрековъ въ безчеловѣчіи, немедлѣнно проспиль Лорда. Со всѣхъ споронъ раздались похвалы его великодушію. Термондъ, внѣ себя опъ воспорга, поспѣшилъ увѣдомишь Лорда о дарованномъ ему прощениі; а сей, будучи пронупъ симъ опшшомъ его привязанности и мужеспва,

позабывъ все прошедшее, и благословилъ бракъ его съ Жюльешпою.

В. К — вить.

ВОСПОМИНАНІЯ О ТВЕРИ.

Сладкія минушы воспоминаній, сколько заключено въ васъ радостей жизни! Но воспоминаніе юности имѣеть особенную прелесть для сердца. Съ береговъ гордой Невы никуда мысль моя не спремилась съ такимъ восхищеніемъ, какъ на берега величественной Волги, гдѣ съ одной стороны скромная Тьмака, а съ другой быспрая Тверца сливаюшь спруи свои съ ея водами. Тамъ почувствовалъ я первое біеніе своего сердца; тамъ открылась передо мною картина нравственнаго бытія моего! И теперь еще, очарованный великолѣпною столицею, привязанный къ ней священнѣйшими и нѣжнѣйшими узами, невольно переносюсь въ тѣ мѣста, люблюсь ихъ красою, перебираю первыя въ себѣ впечатлѣнія, и забываю все, что Песербургъ имѣеть чудеснаго.

Мѣсположеніе Твери живописно. На обширной равнинѣ, гдѣ сосредоточиваются при рѣки, представляется путешественнику правильный и красивый городъ — не огромная куча камней, поражающая одинъ взоръ — но ровные ряды прищипныхъ домовъ, изъ коихъ каждой желаетъ имѣть своимъ жилищемъ. Опъ первыхъ разливовъ рѣкъ до послѣднихъ заморозовъ дѣяшельность проспаго народа шамъ удивительна. Подобно необозримому лѣсу видишь высокія мачшы судовъ, кои медлѣнно плывушь опъ низовыхъ спранъ, чшобъ повергнушь богашства свои жадному Пешербургу. Я часпо ходиль за городъ, и шамъ, вспрѣчая любезныхъ плаващелей, мысленно поздравляль ихъ съ счастливымъ прибышемъ. Но когда хопѣлось мнѣ посморѣть на блисавшую радость въ глазахъ сихъ шрудолюбивыхъ людей, я переходиль на Заволжскую часть города и оспанавливался подлѣ спѣны Опроча манасшыря. Тупъ я видѣль, какъ, со всшупленіемъ въ Тверцу, душа ихъ прояснялась надеждою. Каждое движеніе впередъ по устью Тверцы, по видимому,

цѣлыми милями приближаешь къ нимъ цѣль плаванія . По причинѣ мѣлководія Тверцы, они принуждены бывають зимовать на Волгѣ . Съ какимъ неперпѣніемъ кормчій побуждаетъ сопридниковъ своихъ дѣйствовать въ сію, благопріятную для нихъ, минушу ! Счастливыи пушъ ! кричалъ я вслѣдъ плавателямъ, и завидовалъ, что они увидяшь первую въ свѣтѣ столицу .

Нигдѣ , кажешся , нельзя провести лѣшняго времени съ такимъ удовольствіемъ , какъ въ Твери . Кпо живешь въ Городовой части, тому надобно только выйти на Милліонную улицу, копорая особенною красошою своихъ домовъ, правильностію площадей и пріятною проспективною превосходишь здѣшнюю Англинскую набережную: пусть онъ поидешь прямо къ Театру, оставишь за собою валь—и сельская природа, со всѣми своими прелестями, окроется передъ нимъ . Какая выгода прошивъ Пешербурга ! Онъ не задохнешся отъ пыли, не оглохнешъ отъ спугу, что бы на Кресповскомъ острову кружишься въ шѣсношѣ по одной дорогѣ, гдѣ еще боль-

ше пыли, нежели и въ самомъ городѣ. Съ лѣвой стороны, передъ его глазами, пропекаешь Волга; на самомъ берегу Воксаль—гдѣ небольшой садъ съ чиспыми бесѣдками; ниже, село Конспаншиновское, окруженное полями, на коихъ золошая жапва волнуется подобно озеру. Здѣсь сельскія нимфы веселыми своими пѣснями заспавяшъ забытъ городскую скуку. Любишь ли кто уединеніе, темныя аллеи? Я поведу его въ Тресвяпской садъ, на другой конецъ города. Можно ли сравнишь это мѣсто съ Лѣпнымъ садомъ? Тамъ не собираются для того, что бы только взглянуть на гуляющихъ; спросишь о новостяхъ исшекающаго дня, сдѣлашь заговоръ прошивъ новой піэсы, покажашъ новые сшпхи и невидашъ зелени. Тамъ не вспрѣнишь шумной толпы празднлюбцевъ, изыскивающихъ способы убивашъ шягоспное для нихъ время. Тамъ священное безмолвіе примешъ шебя въ свои объяпія. Задумчивосшь, подруга уединенія, будешъ скромною швоею сопущницею. Съ нею любилъ я бесѣдовашь въ минушы радости и въ минушы горести своего сердца.

ца. Какія священныя пайны ввѣрять я сей своей подругѣ! Часто встрѣчалъ я шамъ восходящее солнце, и въ нѣ дни радость не оплела оны души моей.

Но любимѣйшимъ мѣстомъ прогулокъ моихъ были окрестности Запѣмацкой части. Оспавляя вправѣ величественную Волгу, я проходилъ по маленькимъ пропинкамъ, прикрываемымъ по богашою жаввою, по высокою правою. Чѣмъ болѣе удалялся я оны города, нѣмъ душа моя спановилась яснѣе — и точни всегда, самъ того не примѣчая, выходилъ я къ Желшиковской роцѣ. Обращаясь къ городу, я видѣлъ, какъ передо мною, въ прелестнѣйшей долинѣ, между разсыянными кусточками, мелькали струи пихихъ водъ; вдали за полями, на берегу Тьмаки, яснѣлся Дѣвичій монастырь; съ правой стороны, изъ-за синихъ сосенъ дремлющей роци, свѣплѣлись золотыя главы Желшикова монастыря. Здѣсь обыкновенно привѣспивовалъ я возвращавшуюся весну, здѣсь укрывался я оны лѣшняго зноя, здѣсь провожалъ я улешавшую осень. Кто не любилъ въ нѣнѣ юности предаваться

крылапымъ мечпамъ? Чье воображеніе не спроило воздушныхъ замковъ? А въ уединенныхъ прогулкахъ мечпы бывающъ живѣе, и мы наслаждаемся ими съ особеннымъ чувствомъ. Очаровательныя мѣста! Можешь быть никогда я вась не увижу; можешь быть, никогда не примешь ты меня подъ сѣнь свою, Желшиковская роща; но воспоминаніе о тебѣ вездѣ послѣдуешь за мною вмѣстѣ съ воспоминаніемъ моей юности.

Какъ быспро прошекаешь время, когда дорожишь каждою его минушою! Въ сихъ незабвенныхъ прогулкахъ лѣшніе дни казались мнѣ короче зимнихъ. Я тогда заговлялъ себѣ удовольствія на цѣлую зиму. Каждое утро приводилъ я въ порядокъ впечатлѣнія прошедшаго дня, что бы сослѣвилъ для себя журналъ всѣхъ своихъ прогулокъ. Такимъ образомъ лѣшнія наслажденія нерѣдко вкушаль я и въ самую зиму, сидя спокойно въ маленькомъ своемъ кабинетѣ. Невозвратное время! Если бы какой нибудь благодушельный Геній могъ обратиться ко мнѣ полешъ швой: эшошь даръ я предпочель бы всѣмъ сокровищамъ

міра. Пусть Цицеронъ хвалишь почтенную спаросшь, а Карамзинъ зрѣлое мужество: я буду любить одну юность. Одна юность доставляетъ тебѣ удовольствія, о копорыхъ пріятно вспоминать намъ и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ дряхлой спаросши. Лучшія качества, какими только можешь быть украшена душа человѣческая, въ юности бывають чисты, истинны. Юноша добръ, сопрадашелень по одной нѣжности своей души; любить, избираетъ друга по одному приговору своего сердца: у него нѣтъ никакихъ видовъ; въ немъ нѣтъ никакого прищорства. Опышность поселяетъ въ умѣ нашемъ шу расщепливостъ при каждомъ чувствѣ, копорая унижаетъ человѣка. Юноша можешь обмануться, можешь даже сдѣлаться пресшупникомъ; но онъ первый обвинить себя, онъ въ состояніи пожертвовашъ жизнью своею, что бы загладить шакový пощупокъ. Опышность научила бы его средствамъ прикрыть чѣмъ нибудь свое пресшупление и казаться спокойнымъ. Чѣмъ заплашишь намъ опышность за тебѣ благодѣ-

пельныя мечпы, копорыя она разрушаешъ? Юноша почши не думаешъ о своемъ счастьи: онъ счастливъ, когда видишь все человѣчесиво въ какомъ нибудь радостномъ ожиданіи; онъ торжествуетъ, когда исполняются сіи ожиданія. Человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ всегда смотришь на выгоды, копорыя ему пригошовляются.

На берегахъ Волги встрѣшилъ я своего друга, незабвеннаго своего Агашона, шецерь уже похищеннаго опъ меня преждевременною смертію. Двѣ души, одна для другой образованныя, имѣють нужду только въ первой встрѣчѣ. Онѣ шушь же узнають одна другую: взаимное чувство влеченія ихъ сблизаетъ — и свяшой союзъ заключень. Время никогда не изгладитъ изъ моей памятишой радостной минушы, въ копорую душа моя вкусила это новое, чистое, небесное наслажденіе. Дружба продила новый свѣшь на всѣ предметы: для меня казались чище Волжскія сируй, капившіяся къ сиранамъ благословеннымъ, пріянише прохлада, разливаемая Желшиковскою рощею. Дружба опкрывала мнѣ

ушѣхи въ мѣстахъ далекихъ отъ моей родины. Здѣсь, въ шумной столицѣ, ея мы были счастливы. Но что земное счастье? Гдѣ мой Агафонъ? Напрасно шумятъ волны грознаго Урала, быстро прошекающаго мимо могилы моего друга... и шумъ морскихъ волнъ не пробудитъ его! Со мною оспалось одно воспоминаніе.

П. П.

~~~~~

СМЪСЪ.

Писмо къ Издателю Благонамбренаго.

Удачно переведенный стихъ и включенный въ принадлежащее намъ стихотвореніе называютъ *завоеваніемъ*; какое же имя дашь прозаическому сочиненію, слово въ слово почти переведенному и нами присвоенному, не знаю. Разрѣшите, сдѣлайте милость, мое недоумѣніе.

На сихъ дняхъ, въ 9 мѣ Н° *Вѣстника Европы* нынѣшняго года, удалось мнѣ прочесть спашью какого-то Гна *Дедв. Секта Пифагорейцевъ*. Какъ я удивился, М. Г. повстрѣчавъ въ ней спариннаго знаконца, *Младшаго Анахарсиса* Бартелеми.

Послѣ нѣсколькихъ спрокъ вспуленія, принадлежащихъ безпорно Г. Авшору упомянушой спашьи, мы читаемъ (спр. 28):

„Наблюдая ученіе Пифагора, видишь въ немъ необыкновеннаго чловѣка, обогатившаго согражданъ своихъ знаніями другихъ народовъ, сдѣлавшаго многія открытія въ наукахъ почныхъ и основавшаго секшу, которая произвела сполько мужей знаменитыхъ.“

Разкрываю LXX главу Анахарсиса и нахожу въ ней:

„... je voyais cet homme extraordinaire (Pythagore) enrichir sa nation des lumières des autres peuples, faire en géométrie des découvertes qui n'appartiennent qu'au génie et fonder cette école qui a produit tant de grands hommes.“

Здѣсь: faire en géométrie des découvertes qui n'appartiennent qu'au génie, замѣнено выраженіемъ: *сдѣлавшаго многія открытія въ наукахъ точныхъ*; все прочее принадлежитъ Французскому Автору.

Пропускаю послѣ сего спрокъ восемь, заимствованныхъ также изъ Анахарсиса, но нѣсколько отличны выраженныхъ. Далѣе до конца слѣдуетъ непрерывный переводъ, часто неудачный, какъ напримѣръ:

<p>(стр. 29.) „Желая привести духъ ихъ (учениковъ) въ совершенство, почиталъ онъ (Пиф.) нужнымъ снять съ челоуѣка брѣнную оболочку, сообщающую душѣ свойства свои.“</p>	<p>„Comme il voulait porter les ames à la perfection, il fallait les détacher de cette enveloppe mortelle... qui leur communique ses souillures.“</p>
---	---

Помилуйте! когда *souillure* значило *свойство*?

(стр. 31.) „Пифагоръ возвращается въ Италию...“ Въ подлинникъ: „au retour de ses voyages Pythagore fixa son séjour en Italie.“ — Возвращаются въ такое мѣсто, въ которомъ

прежде находились, а известно, что Пиэгоръ до своего путешествія, предпринимаго въ то время, когда Поликрапъ овладѣлъ Самосомъ; жилъ на семь островъ.

(стр. 33.) „Воину нельзя сидѣть у огня и земледѣльцу смотрѣть на плугъ, не вспоминая защиты отечества и прудолубія.“ „... le militaire ne peut être assis auprès de son feu, et le laboureur ne garder son boisseau sans se rappeler la défense et le précepte.“

Boisseau переведено словомъ: *плугъ*! Не довѣряя себѣ, прибѣгаю къ Французскому Академическому Словарю. *Boisseau* s. m. *sorte de mesure pour les choses solides*. Когда же твердыя вещи, какъ напр. хлѣбъ, измѣрялись *плугами*? Далѣе: *défense*, *запрещеніе*, переведено: *защита отечества*!! Возвратимся нѣсколько назадъ.

(стр. 32.) „Вмѣсто вась не раздражашь человека въ гнѣвѣ и убѣгашь праздности, онъ (Пиэ.) запрещаетъ воину ворошить огонь и земледѣльцу сидѣть на сохѣ.“ „...au lieu de m'exhorter à fuir l'oisiveté, à ne pas irriter un homme en colère, vous me defendez de m'asseoir sur un boisseau ou d'attiser le feu avec une épée.“

И такъ *запрещеніе* напоминало, если не ошибаюсь, не *защиту отечества*, а правило: *не раздражать человека во гнѣвѣ*.

(спр. 36.) „ Собирались (ученики Пие.) всегда почти во храмъ и занимались науками и нравственностію. Опытные объясняли теоріи собратамъ своимъ и возвышали умы къ созерцанію Природы, предлагая на разсужденіе вопросы. Пифагоръ проицашельный и глубокомысленный, выражавшій все однимъ словомъ, говорилъ однажды: что есть вселенная? *Порядокъ*. Что дружба? *Равенство*. Сии объясненія поражали умы. Греки послѣ первымъ словомъ замѣнили старое названіе вселенной.“

„ Elles (les conversations) se tenaient presque toujours dans un temple, et roulaient sur les sciences exactes et sur la morale. Des professeurs habiles en expliquaient les élémens et conduisaient les élèves à la plus haute théorie. Souvent ils leur proposaient pour sujet de méditation un principe fécond, une maxime lumineuse. Pythagore qui voyait tout d'un coup d'oeil, comme il exprimait tout d'un seul mot, leur disait un jour: Qu'est ce que l'univers? l'ordre. Qu'est ce que l'amitié? l'égalité. Ces définitions sublimes et neuves alors, attachaient et élevaient les esprits. La première eut un tel succès, qu'elle fut substituée aux anciens noms que les Grecs avaient jusqu'alors donnés à l'univers.“

Здѣсь Г. Переводчикъ - Авторъ иногда сокращаетъ подлинникъ, иногда даетъ ему другой смыслъ. Напр. къ чему онъ выпустилъ слово: *exactes, точныя* (науки)? *Нравственность* (чтобы приличнѣе кажется было перевести словомъ: *нравоученіе*) есть также наука, но не столь опредѣленная, какъ напр. Математика, Физика и другія, основанныя или на непремѣнныхъ законахъ разума, или на опытѣ. Въ нравоученіи и въ нѣкошорыхъ другихъ сужденіе часто руководствуется спраснями, предразсудками, навыкомъ и пр. и пр. Вотъ почему Баршелеми отдѣляетъ нравоученіе отъ наукъ точныхъ.

„Des professeurs habiles en expliquaient les élémens et conduisaient les élèves à la plus haute théorie.“ Извѣстна точность Баршелеми, который каждое свое слово подтверждаетъ свидѣтельствомъ древнихъ; но она не понравилась Г. Дядѣ. Въмѣсто искусныхъ наставниковъ (*des habiles professeurs*), преподающихъ воспитанникамъ первыя основанія точныхъ наукъ и нравоученія, онъ вводитъ какихъ-то *опытныхъ, объясняющихъ обратамъ своимъ теоріи!!* Въмѣсто: *conduisaient à la plus haute théorie*, онъ говоритъ: *возвышали умы къ созерцанію Природы!!*

Я догадываюсь почему онъ перевелъ послѣднія слова такимъ образомъ, и почему

слѣдующія выраженія: *Souvent ils leur proposaient pour sujet de méditations un principe fécond, une maxime lumineuse*, замѣнены словами: *предлагая на разсужденіе вопросы*. Сообщить ли вамъ мою догадку? Сіи выраженія (сознайшесь сами) трудны для перевода. Можно было бы напомнимъ Г. Деве. пословицу грубую, но шѣмъ не менѣе справедливую: *взялся за гужь, не говори: не дужь*; но какъ сопротивляться желанію прослыть Авторомъ, видѣшь свои шворенія напечатанными.

Увлечшись воспоргомъ, я было и забылъ замѣшить, что *proposer pour sujet de méditation . . .* ошнюдь не значить *предлагать на разсужденіе вопросы*. Но эшо такая бездѣлица.

„Pythagore qui voyait tout d'un coup d'oeil, comme il exprimait tout d'un seul mot“ п. е. Пифагоръ, который обнималъ все однимъ взоромъ и выражалъ все однимъ словомъ, переведено: *Пифагоръ проницательный и глубокомысленный, выразавшій все однимъ словомъ*. Эшо не шакъ-то вѣрно! За шо далѣе слово *disait* переведено шочь въ шочь: *говорилъ*. Здѣсь Руской Анахарсисъ рѣшилъ пожертвовашъ правильностію языка шочности. Иной бы на его мѣстѣ побоялся эшо сдѣлать; былъ бы оспановленъ нарѣчіемъ *однажды*, кошорое шребуешъ необходимо

прошедшаго совершеннаго времени; но . . .
храбрый талиб найдетъ, едѣ робкой потерѣяетъ!

Слово порядокъ, говоритъ Бартелеми, замѣнило прежнія названія вселенной. Въ Рускомъ вмѣсто множественнаго: *прежнія изванія*, поставлено единственное. Риторическая хитрость!

Я могъ бы вамъ служить премногими подобными выписками; но боюсь наскучить. Замѣчу мимоходомъ, что въ спашьѣ: *Секта Пифагорейцевъ* есть также неудачные пропуски, если сличать ее съ Анахарсисомъ, напр.

(стр. 34.) „Въ продолженіи трехъ лѣтъ вновь принятый членъ не пользовался ни особеннымъ уваженіемъ, ни вниманіемъ . . . “ (Въ Бартелеми нѣтъ: *ни особеннымъ*, онъ говоритъ: *никакимъ* и еще прибавляетъ: *il était comme dévoué au mépris*, его какъ бы презирали), „Ensuite, продолжаетъ Бартелеми, *condamné pendant cinq ans au silence*, il apprenait à dompter sa curiosité, à se détacher du monde à ne s'occuper que de Dieu seul. и. е. *Послѣ того, будущи обязанъ въ теченіе пяти лѣтъ сохранять молчаніе, онъ научался удерживать свое любопытство, ослаблять узы, привязывающіе его къ свѣту, помышлять только о Богѣ.* Эшаго у Г. Деве. нѣтъ. Сокращать такимъ образомъ время испытанія для Пифагорейцевъ, во моему мнѣнію, не надлежало. бы.

Что же во всей статьѣ о Пифагорейцахъ принадлежишь собственно Г. Девде? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ спрокъ вступленія, грубыхъ ошибокъ и пропусковъ. Въ подлинникѣ статья сія предложена въ видѣ разговора, на Рускомъ въ видѣ разсужденія: не знаю благодарить ли за шо Г. Переводчика? Въ разговорѣ искусномъ, каковымъ кажется можно назвать помѣщенный въ Анахарсисѣ, гораздо пріятнѣе излагается предметъ, о которомъ люди различно думаютъ.

Выдавашъ чужое сочиненіе за свое, по несчастію, у насъ не новостъ. Случалось мнѣ и прежде видѣть Блера, Валби и другихъ, замаскированныхъ въ Руской переводѣ; но похвально ли это? Чего хочешся Господамъ Переводчикамъ? Прослыть учеными? Правда, въ глазахъ невѣждъ они могутъ такими показаться; но въ глазахъ людей образованныхъ, сомнѣваюсь.

Помню, когда Дмипріевъ выдалъ прекрасную свою *Причудницу*. Онъ тогда поставилъ долгомъ сказать, что мысль для ней заимствована изъ Вольтеровой *Béguele*. Вотъ какъ поступали въ наше время! Не худо бы и нынѣ шо же дѣлать.

Ни что не ново подъ луною! Знаю. Мы по необходимости должны пользоваться по большой части мыслями другихъ; но по

крайней мѣрѣ не должны говоришь выраженіями другихъ. Позволишельно у сосѣда зажечь свою свѣчу; но не унесши ему принадлежащую, и съ подсвѣчникомъ!

Илецкая Защита.

Иракліевѣ.

~~~~~

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ и писемъ отъ Корреспондентовъ къ Издателю.

Франція.

Вышедшій въ началѣ нынѣшняго года *Королевскій Календарь* (Almanach royal) заключаетъ въ себѣ не менѣе 936 страницъ. За то найдешь въ немъ все, все что польхо придетъ въ голову шамъ искашь. Замѣшимъ, что намъ въ глаза бросишся.

Невѣроятно, какое множество ненужныхъ людей принадлежишь къ шакъ называемой *комнатѣ Короля*. Сосчитаемъ ихъ: 4 первыхъ камердинера, 12 камердинеровъ par quartier, 5 обыкновенные камердинера, 2 камердинера-дирульника, 2 камердинера уборщики комнатъ, 2 камердинера при часахъ, 6 комнатныхъ и 3 шуалешныхъ прислужника, 2 кабинетныхъ придверника, 13

комнатныхъ придверниковъ, 4 сѣнныхъ придверника, 6 плащеносцевъ и 2 оруженосца (porte arquebuse). Къ этому надобно прибавишь еще 8 дажей, и такимъ образомъ Король имѣеть для комнатной своей прислуги (кромѣ обыкновенныхъ слугъ) *шестдесятъ девять* челоѡвѣкъ.

У Оберъ - Гардеробмейстера завидная должность. Онъ подаеиъ въ торжественные дни Королю плащъ и заказываеиъ ему всѣ платья. Подъ нимъ состоишь цѣлая армія гардеробныхъ служителей, въ числѣ коихъ находишья и *завязывальщикъ галстука* (cravatier).

Оберъ-Каммергеръ подаеиъ Королю *сорочки* и уснупаеиъ сію честь только Принцамъ крови или узаконеннымъ Принцамъ. (Кому первому пришла странная мысль подачу рубашки признаиъ величайшею честью?) При миропомазаніи Короля (sacre) Оберъ-Каммергеръ имѣеиъ также высокую честь *надѣвать ему сапоги*. При торжественныхъ аудіенціяхъ стоишь онъ за креслами Короля; при другихъ церемоніяхъ ставишь ему *походный стулъ* (sieve pliant) позади королевскихъ кресель, а когда Король умираеиъ, то Оберъ-Каммергеръ погребаеиъ его—и вотъ *все*, въ чемъ состоишь его должность. За это получаеиъ онъ только *сто тысячъ франковъ* въ годъ жалованья.

Удивительно велико число благотѣтельныхъ заведеній въ Парижѣ. Сдѣлаемъ краткое онымъ обозрѣніе: 1) *Hôtel-Dieu* принимаетъ раненыхъ и больныхъ, исключая дѣшей, неизлѣчимыхъ, сумасшедшихъ, беременныхъ женщинъ и зараженныхъ любострастною болѣзнію. За больными смотрятъ здѣсь монахини монастыря Св. Августина. 2) *Госпиталь состраданія* (*Hôpital de la pitié*) основанъ на тѣхъ же правилахъ, какъ предыдущій, и ввѣренъ попеченію тѣхъ же монахинь. 3) *Госпиталь Христіанской любви* (*Charité*) имѣетъ основаніемъ тѣ же учрежденія и управляется Сестрами Ордена Св. Винченца де Паули. 4 и 5) *Госпитали предѣлствія Св. Антонія и Сочин*, за коими присматривающъ Сестры Св. Марфы. На томъ же основаніи 6) *Госпиталь Гжи Неккеръ* и 7) *Госпиталь Beaujon*. 8) *Дѣтскій госпиталь*, въ которомъ принимаются одни только больныя дѣти и за копорымъ имѣютъ присмотръ монахини Св. Тины. 9) *Госпиталь Св. Лудовика* посвященъ цѣленію хроническихъ, равно какъ и разныхъ наружныхъ болѣзней подъ надзоромъ монахинь Св. Августина. 10) *Госпиталь для одержимыхъ любострастными болѣзнями*. 11) *Домъ здравія* (*Maison de santé*). Здѣсь споятъ въ готовности бо постель для принятія зараженныхъ любострастными болѣзнями му-

щинъ, которые однако должны платить за то ежедневно известную сумму денегъ. 12) *Королевскій домиъ здравіа*, гдѣ за маловажную плату можно получить особую комнату, если не хочешь лежать въ общественнои залѣ, гдѣ платятъ еще менѣе. 13) *Больница какъ для беременныхъ, такъ и для разрѣшившихся уже отъ бремени женщинъ*. Она соединена съ училищемъ повивальнаго искусства. 14) *Домиъ найденнейшей* подѣ надзоромъ жалостливыхъ Сестръ. 15) Такъ называемая *Salpetrière*, куда принимаются бѣдныя, дряхлыя спарухи, а также и сумасшедшія. 16) *Bicêtre*, подобное заведеніе для мужчинъ. 17 и 18) *Госпитали для неизлѣчимыхъ*, одинъ для женщинъ, другой для мужчинъ, оба за присмотромъ жалостливыхъ Сестръ. 19) *Домиъ приближища* (*Maison de retraite*) для престарѣлыхъ чиновниковъ различныхъ госпиталей, равно какъ и для бѣдныхъ больныхъ обоиго пола, которые должны или дѣлать ежегодную плату или внести единойды на всегда известную сумму денегъ. 20) *Сиротскій домиъ*, подѣ покровительствомъ жалостливыхъ Сестръ. 21) *Институтъ Св. Перины*—такое же учрежденіе какъ и въ *Домиъ приближища*. Подѣ присмотромъ Сестръ мудрости (*Soeurs de la sagesse*). 22) *Hospice des menages* посвященъ бѣднымъ супругамъ, ко-

порые однако должны быть не моложе бо
 лѣшь. Онъ равнымъ образомъ состоить подъ
 надзоромъ жалосптивныхъ Сестръ. (Съ истин-
 нымъ удовольствіемъ видимъ мы здѣсь сколь
 много различныхъ роды монахинь, посвящаю-
 щихъ себя на служеніе спраждущему чело-
 вѣчеству). 23) *Госпиталь безвозмезднаго при-*
виванія оспы. 24) *Прядильня (Filature), гдѣ*
неимущія женщины получають работу. 25)
Двѣнадцать Канцеллярій, находящихся въ
различныхъ частяхъ города для поданія нуж-
дающимся помощи въ ихъ жилищахъ. 26)
Charenton домъ для сумасшедшихъ. 27) *Домъ*
для неизлеченныхъ раненыхъ. 28) *Ссудная кас-*
са для бѣдныхъ (mont de pieté). 29) *Завед-*
еніе для освобожденія и снабженія нужными
плѣнными. Оно было основано въ 1597 году
 Президентшею Ламуаньонъ, недавно вновь
 возстановлено и содержишься добровольными
 пожертвованіями. 30) *Филантропическое Об-*
щество, основанное въ 1780 году подъ осо-
беннымъ покровительствомъ Людовика XVI,
дѣйствуетъ разнымъ образомъ къ облегче-
нію спраждущаго челоуѣчества. Члены вно-
сятъ ежегодно не менѣе 30 франковъ. 31)
Asyle royal de la providence, убѣжище для бо-
болѣзненныхъ старцевъ обоого пола. 12 мѣсѣтъ
въ семь заведеніи совершенно свободны отъ
всякаго плашежа, прочія вносятъ ежегодно
самую умѣренную сумму.—Надобно признашь-

ся, что ежели Французы сдѣлали въ чужихъ земляхъ милліоны людей бѣдными и несчастными, то по крайней мѣрѣ въ Парижѣ спараются поправить это надъ нѣсколькими тысячами своихъ собратій.

Д.

~~~~~

Рускій Театрѣ.

*Убійца и Сирота, Мелодрамма въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Нѣмецкаго и представленная въ третій разѣ на большомъ театрѣ, 23 Іюля *).*

Сіа Мелодрамма написана первоначально Г. Фредерикомъ на Французскомъ языкѣ и представлена въ первый разѣ на театрѣ Port-St-Martin 27 Маія (н. с.) 1816 года подъ названемъ: *Долина рѣки или Сирота и Убійца*. Слѣва, предшествовавшая ея представленію была такъ велика, что по увѣренію Парижскихъ Журналовъ, въ театрѣ заготовлены были подвижныя аппеки для подкрѣпленія спсрадающихъ слабосіію нервовъ. У

*) Прошу извиненія у Сочинителя сей спашьи, что я нмогъ помѣстить оной въ предыдущей книжкѣ. *Изд.*

насъ при появленіи сей піесы въ бенефисъ Г. Карашыгина 9 Іюля, вѣроятно обошлось дѣло и безъ апшекъ; но шѣмъ не менѣе возбуждала она участіе *слабонервныхъ*. Одинъ изъ Парижскихъ Журналовъ говоритъ, что Сочинитель и въ заглавіи уже обнаружилъ швердое изученіе правилъ Мелодраммы: *Должна рѣки! Сирота и Убійца!* Половина работы окончена, какъ скоро найдены сіи одушевляющія слова. Нашъ переводъ сдѣланъ съ Нѣмецкаго: который нибудь изъ переводчиковъ разсудилъ за благо выкинуть первый шитиуль, и кажется къ лучшему! Въшъ содержаніе:

Восемь лѣтъ назадъ Скульпшоръ Морисъ нашель въ Орлеанскомъ лѣсу дшя, котораго злодѣи, умеривившіе его отца, оставили на произволь судьбы. Морисъ взялъ его къ себѣ. Ужась и горесъ при видѣ жесточайшаго убійства сдѣлали шакое впечатлѣніе надъ маленькимъ Викториномъ, что онъ лишился языка. Морисъ воспиталъ его и образовалъ изъ него хорошаго художника. — Отецъ Викторина, Графъ Люцевалъ, имѣлъ у себя стараго слугу Валеншина, юторый незадолго предъ шѣмъ временемъ опущень имъ былъ къ одной его родственницѣ. Валеншинъ, идучи обратно чрезъ Орлеанскій лѣсъ къ своему господину, находилъ его на дорогѣ, умерщвленнаго, покрышаго провавы-

ми ранами. Добрый слуга не могъ перенести сего неожиданнаго зрѣлища: онъ самъ обезпамятѣлъ отъ изумленія и ужаса. Однако сіе безпамятство не послужило доказательствомъ невинности: его схватываютъ и обвиняя въ пресупленіи, сажаютъ въ тюрьму. Случай позволяетъ ему освободиться изъ оной и бѣжать въ чужую землю. Спустия нѣсколько лѣтъ преспарѣлый, удрученный бѣдспвіями Валеншинъ, не думая быть узаннымъ, возвращается во Францію. Въ самое то время, какъ онъ пришелъ въ деревню, гдѣ живетъ Морисъ, празднуютъ тамъ прибытіе Графа Бигорса, который послѣ ревностной службы отечеству, возвратился въ свой замокъ, куда сопутствоваль ему также нѣкто Реймбо, одолжившій его въ нуждѣ значительною суммою денегъ. Графъ изъ признательности къ нему за сіе одолженіе намѣревается вознаградить его рукою сестры своей — Но ктожь этошь Рембо? Мошенникъ, какихъ мало, низкаго происхожденія, бывший другъ Графа Люцеваля — его убійца!

Первый человекъ, встрѣтившійся Валеншинъ въ деревнѣ, былъ Реймбо. Несчастный спранникъ, изнуренный нищетою и усмалостію проситъ милоспъни. Вскорѣ оба узнають другъ друга. Реймбо, скрывавшійся доселѣ отъ взоровъ Викторина, спра-

шился новаго свидѣтеля своего злодѣянiя. Онъ велишь схватишь Валентина и опдаешь въ руки правительства, какъ убійцу Графа Люцевала, избѣгшаго праведнаго наказанiя. Однако Викшоринъ, узнавъ шакже Валентина, объясняетъ знаками, что онъ не убійца, а вѣрный слуга отца его, и недопускаешь заключить его въ шюрму, шакъ что наконецъ Графъ Бигорсъ склоняется, взяшь спарика на свою отвѣтственность.

Между тѣмъ Реймбо, опасаясь ежеминутно встрѣшиться съ Викториномъ и быть узнаннымъ, вымышляетъ средства отъ него избавишься. Ему извѣстно, что на холмѣ, гдѣ воздвигнуть памятникъ Графу Люцевалу, сынъ его всякое утро и вечеръ приносить мольбы свои Богу. Бурный и шемный вечеръ благопрiяшствуетъ Реймбо къ новому злодѣянiю. Онъ подстергаетъ Викшорина и спалкиваетъ въ рѣку. Валентинъ, бывший не вдалекѣ, бросаешь въ воду и вышаскиваетъ юношу на берегъ. Къ счастью Викшоринъ только что былъ испуганъ и ушибенъ; вскорѣ онъ приходитъ въ чувство.

Сей неожиданный случай возбуждаешь новое подозрѣнiе въ брата Мориса, Марціалъ, который давно уже наблюдалъ за всѣми поступками Реймбо. Для удостовѣренiя Марціалъ сказываетъ сему послѣднему, что

Викторинъ находишься при смерти отъ испуга и похищенія. Радость обнаруживается злодѣя, но она исчезаетъ и обманъ открывается болѣвливостію садовника. Реймбо, въ бѣшенствѣ отъ сего испытанія, предпринимаетъ поспѣшное бѣгство. Но садовникъ желая загладить свою вину, съ помощію крестьянъ разрушаетъ мостъ, единственный выходъ изъ долины, попому что въ прошедшую бурную ночь разливъ воды зашопилъ всѣ прочія дороги. Реймбо ищетъ пайнаго убѣжища. Садовникъ разными неизвестными ему путями проводитъ его назадъ въ замокъ Графа Бигорса. Здѣсь должны открыться злодѣянія Реймбо, но онъ упорствуетъ въ признаніи и намѣревается бѣжать . . . Рѣшительная минута! Въ дверяхъ спалкивается онъ съ Викториномъ, копорой при видѣ его чувствуетъ трепетъ во всемъ тѣлѣ, и при сильныхъ конвульсіяхъ получаетъ употребленіе языка : *вотъ онъ, вотъ убійца отца моего!* восклицаетъ юноша. Реймбо рѣшается избѣжать позора чрезъ самоубійство, но его не допускаютъ, и отводятъ въ шемницу.

У насъ представленіе сей Мелодраммы беретъ верьхъ надъ многими другими—паншоминною игрою, декораціями, музыкою. И такъ все преимущество на споровѣ безсловесныхъ. Немногіе будутъ проповорѣчишь

миѣ, когда скажу, что и вся пѣса составлена для одного безсловеснаго лица и именно пошому, что нѣмые на театръ съ давняго времени возбуждаютъ особое участіе зрителей. Тѣмъ болѣе могло случиться это у насъ, пошому что сначала Гжа Колосова *), потомъ Лихущина украшали роль Викшорина превосходною своею игрою. Мы видѣли послѣднюю и радовались, что Публика уважила ея таланты громкимъ изъявленіемъ признапельности. Послѣдняя сцена, гдѣ Викшоринъ узнаешь убійцу отца своего, была разипельна.

Скажемъ мимоходомъ, что хопя Г. Толченоеъ съ большимъ спараніемъ представлялъ Реймбо, но, кажется, роль сія совершенно не въ его родѣ. Гдѣ ожидали мы слышать тихое и медлительное выраженіе злобы и коварства, шамъ отзывались въ ухахъ опголоски неумѣстнаго героизма. Ли-

*) Лѣтъ семнадцать или оснадцать шому назадъ, когда Гжа Колосова представляла *Дезертера* въ балетѣ (если не ошибаюсь) сего же имени, покойный другъ мой *Иванъ Петровиъ Пнинъ*, столь рано похищенный у Музы смертію, сдѣлалъ во время представления слѣдующій экспромптъ:

Языкъ Корнелія, Расина и Вольшера

Ничто предъ языкомъ нѣмага дезертера.

Прим. Изд.

це Реймбо съ перваго взгляда обнаруживало злодѣя, и тѣмъ очевиднѣе съ самаго начала было неблагоразуміе Графа Бигорса, который попался въ сѣпи такого человѣка. И такъ ужь одинъ Нѣмецкій Журналистъ увѣряетъ, что еслибъ въ сей піэсѣ Графъ былъ дальновиднѣе, то или вся плачевная драма не существовала бы, или была бы меньше однимъ актомъ.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ, также въ претій разъ, новый диверсисементъ Г. Огюста, подъ названіемъ: *Семикъ, или гулянье въ Марьиной роуѣ*. Нѣтъ ничего приятнѣе, какъ видѣть въ совершенствѣ что нибудь національное. Рускія пляски, хороводы и пѣсни, съ примѣсю паншоминной игры, составили прелестный спектакль. Необыкновенная живость и движеніе на сценѣ одушевляли и самыхъ зрителей, такъ что едва ли не приходило кому нибудь охоты участвовать въ играхъ. Впрочемъ эта продолжительная живость показалаь нѣкоторымъ ушомительною для глазъ.

Молодая Пѣвица Иванова, недавно еще начавшая свое поприще, заслужила уже любовь Публики. Голось ея чистъ и нѣженъ. Простонародная пѣсня: *душаль моя душинька* въ ея устахъ замѣняла намъ лучшую *бравуръ-арію*. Впрочемъ кажется весьма спра-

ведливо дошедшее до насъ замѣчаніе одной извѣстнѣйшей пѣвицы, что заставляя Гжу Иванову въ споль молодыхъ лѣтахъ пѣсть трудныя арии, значить похищать у себя удовольствіе слышать ихъ отъ нея со временемъ въ бѣльшемъ превосходствѣ.

Вл.

Краткія выписки, замѣтанія и анекдоты.

Броссетъ (Brossette), извѣстный своими комментаріями на Боало, писалъ однажды къ Ж. Б. Руссо: „По моему мнѣнію, послѣ Маро, три полько человекъ во Франціи имѣли совершенный успѣхъ въ эпиграммахъ, а именно: Боало, Расинъ и вы. Жаль полько, что Боало нѣсколько уже много, а Расинъ очень мало написалъ эпиграммъ, и что вы иеперь болѣе ихъ не пишете.“

Не давно еще показывали въ Мансѣ гробницу Вильгельма Дюбелле Ланжея (Dubellai Langey), бывшаго при Францискѣ I Вицереомъ въ Піемонтѣ и умершаго въ 1543 году. вмѣсто профеевъ и оружій, копорыми обыкновенно украшались въ то время надгробныя памяшники дворянъ, сдѣланы на семь

мавзолеѣ около его изображенія книги и бумаги. Полагають, что онъ возстановилъ во Франціи Словесность и былъ первый изъ знашныхъ людей, который осмѣлился шоржественно признашь себя липшерашоромъ. Послѣ него оспалось нѣсколько опривковъ изъ испоріи его времени.

Баронъ, славный Французскій Акшеръ утверждалъ, что если веселыя и даже забавныя рѣчи произнесены будущъ нѣжно и уныло, шо могутъ пронуть сердце слушапелей и извлечь изъ глазъ ихъ слезы. Въ доказательство сего дѣлалъ онъ удивительный опытъ надъ простонародною веселою пѣснею, которую Мольеръ помѣшилъ въ своемъ Мизантропѣ:

Si le Roi m'avait donné
 Paris, sa grand'ville,
 Et qu'il me fallût quitter
 L'amour de ma Mie;
 Je dirais au Roi Henri:
 Reprenez votre Paris;
 J'aime mieux ma Mie, au gué,
 J'aime mieux ma Mie.

Ж. Б. Руссо сказалъ о семъ великомъ Акшерѣ: „Баронъ придавалъ новую прелесшь красошамъ Расина, и скрывалъ недостатки Прадона.“

Баронъ слушая однажды славнѣйшаго Проповѣдника Массильона, сполько пораженъ былъ правильностію его *акціи* (action), что въ невольномъ воспоргѣ сказалъ бывшему шупъ съ нимъ другому Акперу: „вошь настоящій Орапоръ, а мы съ шобою только комедіанты!“

Ничѣмъ сполько не можно было разсердишь Аріоста, какъ прочитавъ передъ нимъ дурно стихи его. Однажды идучи мимо лавки горшечника, кошорый пѣлъ очень дурно спансъ изъ Роланда, Аріостъ, случившеюся на ту пору въ рукахъ его простью, разбилъ нѣсколько горшковъ, выспавленныхъ на продажу. „Что я вамъ сдѣлалъ, вскричалъ горшечникъ, что вы быше мои горшки?“—Я не разбилъ еще и полдюжины швоихъ дрянныхъ горшковъ, отвѣчалъ ему съ сердцемъ Аріостъ, а ты, бездѣльникъ! испортилъ у меня цѣлый спансъ, кошорому цѣны нѣшь.

Аріостъ былъ Губернапоромъ въ одной провинціи (la Garçagnac) близъ Апеннинскихъ горъ. Край эшотъ наполненъ былъ въ шо время мошенниками, шорговавшими запрещенными шоварами, и разбойниками, кошорые всѣхъ, кто ни попадался къ нимъ въ руки, грабили, убивали и пошомъ уходили

въ горы, самое безопасное для нихъ убѣжище. Жилище Губернатора находилось погда въ укрѣпленномъ замкѣ. Аріостъ, болѣе Поэтъ, нежели воинъ, былъ однажды столь неоспороженъ, что вышелъ въ халатѣ изъ замка прогуляясь, задумался по обыкновенію, ошошелъ довольно далеко и очутился посреди шайки разбойниковъ. Они было принялись уже за него по свойски, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ узналъ его и сказалъ своимъ поварищамъ, что это Сеньоръ Аріостъ. При семъ словѣ ашаманъ перемѣнилъ шонъ, началъ предъ нимъ извиняться, осыпалъ его учтивостями, увѣряя, что шворецъ *Неистоваго Роланда* не долженъ ничего опъ нихъ опасаться, и что самъ онъ ашаманъ за долгъ и за особенную для себя честь почтешъ проводить его до замка. Это самая малѣйшая опъ насъ дань, прибавилъ онъ, столь славному и столь превосходному Поэту.

Тасъ въ бытность свою во Франціи при свитѣ Кардинала Людовика д'Еста (Louis d'Est) столько понравился Карлу IX, что сей Монархъ обогатилъ бы его подарками, еслибъ только безкорыстіе Поэта тому не воспрощивилось. Онъ доволенъ былъ щѣмъ, что воспользовался благорасположені-

емъ къ себѣ сего Государя въ одномъ весьма важномъ случаѣ. Какой - то сшихотворецъ, и едва ли не Теофиль Вио, (Théophile Viaud) осужденъ былъ за большое преступленіе на смертную казнь. Соспращавельный Тассъ, рѣшившись испросить ему у Короля помилованіе, идешь въ Лувръ и узнаешъ шамъ, что Государь приказаль уже исполнишь приговоръ, и что даль торжественно кляпву отказывать всему, кто ни шанѣтъ просить его о виновномъ. Несмотря на сію кляпву, Тассъ осмѣлился предшамъ предъ Карла IX, и сказаль ему съ веселымъ видомъ: „Государь! всенижайше прошу, Ваше Величество повелѣшь скорѣе казнить несчастнаго, кошорый соблазнительнымъ своимъ паденіемъ показаль, что брѣнность человѣческая есть камень прѣпковенія для Философіи.“ — Король, пораженный столь справедливымъ замѣчаніемъ Тасса, и столь хишрымъ способомъ испросить помилованіе преступнику, въ шу же минушу простилъ сего несчастнаго.

Безспорно, что Боссюэшь по дарованіямъ своимъ и по знаніямъ былъ первый изъ всѣхъ Епископовъ Франціи; но онъ даваль всегда чувшвовашъ свое превосходство предъ другими. Однажды представляя Лю-

довику XIV знаменишаго Отца Мабильона (Mabillon)—,Государь, сказалъ ему сей Прелатъ, имѣю честь представити Вашему Величеству самаго ученѣйшаго человѣка во всемъ Королевствѣ.“—Прибавьше: *и самаго скромнаго*, сказалъ бывший пупъ Реймскій Архіепископъ Г. Ле-Теллье (Le Tellier.).

Когда Скарронъ призывалъ Нотариуса писати свой свадебный контрактъ съ двѣвицею Д'Обинье (бывшею попомъ Маркизою Меншенонъ и супругою Людовика XIV), по сказалъ ему, что „невѣста приносишь въ приданое чешыре луидора ежегоднаго дохода, пару большихъ, прекрасныхъ *плутовскихъ* (malins) глазъ, прелестный станъ, двѣ бѣлыя, нѣжныя ручки и очень много разума.“—А что вы намѣрены ей укрѣпити? спросилъ Нотариусъ.—*Безсмертіе*, отвѣчалъ Скарронъ. Имя Королевскихъ супруговъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними; но имя жены Скарроновой доидеть до позднѣйшаго попомства.

Благодѣтель Пирона Герцогъ де Ливри (de Livry) хотѣлъ, что бы онъ выбралъ себѣ компаншу въ его замкъ и приказалъ пмошнимъ своимъ служишелямъ, что бы они слушались во всемъ Пирона, какъ его самаго. Когда Графъ оставилъ свой замокъ, по Пи-

роизъ, не хотѣвши обѣдать одинъ и желая позабавишься, просилъ домоправительницу, суевѣрную старушку ясеннистской секшы, чшобъ она садилась всегда съ нимъ за столъ. Прокказникъ Поэпъ припворился самымъ закоренѣлымъ молинистомъ, и добрая домоправительница вздумала обратиться его на путь православія и спасенія; но онъ сталъ упорно защищать мнимую свою секшу и шущь-то у нихъ начался споръ и крикъ. Это продолжалось съ недѣлю, регулярно каждый день, и Пиронъ въ оправданіе свое всегда повшорилъ: „у всякаго свой вкусъ, Гжа Ламаръ; что до меня, я хочу быть въ аду.“ Однажды, при концѣ обѣда, во время самаго жаркаго спора и крика, входитъ хозяинъ въ комнату — Что это? вскричалъ въ удивленіи Графъ. Чѣмъ ты недоволенъ? Въ чемъ тебя не слушаютъ?... — „Очень доволенъ, Ваше Сіятельство, прервалъ Пиронъ, кромѣ шолько одного... Гжа Ламаръ не хочетъ...“ — Какъ? Чего она не хочетъ, когда я хочу, что бы ты былъ здѣсь такой же почно хозяинъ, какъ и я. Слышишь ли Гжа Ламаръ, что я говорю? Если шолько Г. Пиронъ скажетъ мнѣ одно слово о шебѣ... — „Не сердитесь, Графъ: Гжа Ламаръ не хочетъ шолько одного...“ — Чего? чего? Скажи скорѣе, другъ мой. — „Она не хочетъ, что бы я былъ... въ аду.“ — Она не хочетъ? Да развѣ

онъ не власень въ себѣ? Тебѣ что до эпаго за дѣло?.. Я хочу, что бы все дѣлалось по его волѣ! Какъ ты смѣешь этому прекословишь?—Бѣдная Ламаръ не смѣла сказать ни слова и послѣ того только что молилася о обращеніи Поэта-молиниста.

Поэтъ Коллетте (Colletet) женатъ былъ сряду на трехъ своихъ служанкахъ. Жалованье, которое онъ отъ него получали, служило имъ вмѣсто приданого. Клодина была послѣдняя, подъ именемъ которой часто выдавалъ онъ стихи свои. Незадолго до смерти, что бы прикрышь лучше этотъ обманъ, сочинилъ онъ отъ имени своей жены слѣдующіе стихи, въ которыхъ она, по смерти своего супруга, отрекается вовсе отъ Поэзіи:

Le coeur gros de soupirs, les yeux noyés
de larmes,
Plus triste que la Mort, dont je sens les
alarmes,
Jusque dans le Tombeau je vous suis, cher
Eoux!
Comme je vous aimai d'une ardeur sans se-
conde,
Comme je vous louai d'un langage assez
doux;
Pour ne plus rien aimer, ni rien louer au
monde,

J'ensevelis mon coeur et ma plume avec
vous.

Лафоншень, который какъ говоряшь,
быль нѣкогда влюбленъ въ жену Коллете,
позабавился на ея щепъ въ слѣдующихъ спи-
хахъ:

Les oracles ont cessé;
Colletet est trepassé.

*

Dèsqu'il eut la bouche close,
Sa femme ne dit plus rien!
Elle enterra vers et prose,
Avec le pauvre chrétien.

*

En cela je plains son zèle,
Et ne sais, au par dessus,
Si les Graces sont chez elles;
Mais les Muses n'y sont plus.

*

Sans gloser sur le mystère
Des madrigaux qu'elle a faits;
Ne lui parlons désormais
Qu'en la langue de sa mère.

*

Les oracles ont cessé:
Colletet est trepassé.

Гжа Севинье сдѣлавши счесть приданому своей дочери, вскричала: „ахъ! сколько надобно денегъ, что бы Г. Гриньянъ спалъ съ моею дочерью!“—Потомъ, подумавши не много, сказала: „онъ будетъ спать съ нею завтра, послѣ завтра, можешь быть, всякую ночь—нѣчего жалѣть денегъ.“

Членъ Французской Академіи Мариво, бывши однажды у славной Актрисы Сильвіи и увидѣвши у нея на столѣ небольшую книжку въ бумажной обершкѣ, спросилъ: „что за книжка?“—*Удивленіе Амура* (*Surprise de l'Amour*), прекрасная піеса! Сочинитель не объявляетъ о себѣ, и потому представляющъ ее не такъ хорошо, какъ бы представлять должно.—Мариво взялъ тогда эту Комедію и прочелъ вслухъ нѣкоторые мѣста изъ роли Сильвіи....—Ахъ! вскричала Актриса, прервавъ вдругъ его чтеніе, теперь только я чувствую всѣ красоты моей роли; вы читаете точно такъ, какъ мнѣ играть должно. Вы или дьяволъ, или сочинитель этой піесы!

Мариво никогда не отвѣчалъ на крики своихъ сочиненій. Если она была справедлива, то онъ пользовался ею; если не справедлива, то представлялъ ее суду публики. „Я люблю покой, говаривалъ онъ Гжѣ

Тансень (de Tencin) и не хочу нарушать покой другихъ.“

Скупость Шапеленя была причиною его смерти. Идучи въ Академію, что бы получить въ собраніи два или три жетона, и будучи въ башмакахъ, перешель онъ въ бродъ на улицъ Сенш - Оноре черезъ ручей дождевой воды, попому что пожалѣлъ заплащивъ вдвое противъ обыкновенной цѣны за переходъ по доскѣ, и промочилъ себѣ ноги до половины икръ. Пришедши въ Академію, не смѣлъ онъ въ присутствіи другихъ осушиться у камина, и тотчасъ сѣлъ за столъ, что бы не видали какъ онъ вымочился. Вдругъ онъ почувствовалъ ознобъ, долго перемогался, наконецъ возвратившись домой, слегъ въ постелью и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Насмѣшники говорили о его Поэмѣ: La Fuselle d'Orléans. что эта дѣвушка долго была на содержаніи знашнаго Принца и сдѣлалась никуда годною, какъ скоро опошла отъ него и познакомилась съ публикою.

Генрихъ Людовикъ Лекенъ довелъ искусство декламации до высочайшаго степени совершенства. Удивительная живость и сила, съ какими выражалъ онъ всѣ страсти.

въ Трагедіяхъ, одному только ему были свойственны. Онъ появился первый разъ на театрѣ въ 1750 году, и началъ ролю *Тита* въ Трагедіи *Брутъ*; а послѣдній разъ игралъ въ *Аделаидѣ дю Гескленъ*. И такъ первые опыты и послѣднія усилія его таланта были для Воулпера.

Сей славный Актеръ началъ свое поприще не совсемъ счастливо: интриги завистниковъ были причиною, что дебютъ его продолжался цѣлыя 17 мѣсяцевъ. Уже послѣ представленія на придворномъ театрѣ принятъ онъ былъ въ шруппу—и обязанъ шѣмъ единственно Людовику XV. Сколько ни старались очернить Лекеня въ глазахъ сего справедливаго и одареннаго щонкимъ вкусомъ Государя; но онъ, по окончаніи представленія, изъявилъ свое удивленіе, что ему говорили такъ худо объ Актерѣ, котораго самъ онъ видѣлъ на сценѣ. (Лекенъ игралъ тогда *Орозмана*.) „Я совсемъ не слезливъ, сказалъ Король, а Лекенъ и меня заставилъ плакать.“—Послѣ сихъ словъ щощасъ приняли его на театрѣ.

Этотъ неподражаемый Актеръ умеръ 49 лѣтъ 8 Февраля 1778 года.

Актеръ Легранъ имѣлъ—какъ говорятъ—молодую, пригожую любовницу, къ которой

быль очень привязанъ, и которая скрывшись отъ него однажды, причинила ему великую горестъ. Мѣсяць спустя послѣ того, Маркизь де Куршанво¹ (Courtenvaux) пригласилъ его къ себѣ обѣдать.—Вообразите удивленіе Леграна, когда онъ увидѣлъ свою любовницу, въ пышномъ нарядѣ, за столомъ подлѣ Маркиза! Но онъ былъ споль благо-разумень, что не оказалъ ни малѣйшаго неудовольствія, и шушилъ еще вмѣстѣ съ прочими гостями. По окончаніи стола попросилъ онъ Маркиза, сдѣлать ему честь, пожаловать къ нему черезъ нѣсколько дней опкушашъ вмѣстѣ съ прежнею его любовницею. Въ назначенный день обѣ званья особы приѣзжаютъ къ Леграну, который, къ великому удивленію ихъ, съ важнымъ видомъ представляетъ имъ молоденькую дѣвочку, весьма проспо одѣтую, и проситъ Маркиза позволить ей сѣсть за одинъ съ ними столъ.

„Кто эта дѣвочка, любезный Амфипріонъ?—спросилъ Маркизь.—„Вѣрно дочь швоей кухарки или швей?“—Никакъ нѣтъ, ошвѣчалъ Акшеръ—племянница моей прачки и двоюродная сестра этой прекрасной госпожи, которой угодно вамъ было лишить меня. Къ ней одной пишаю шеперь нѣжнѣйшія чувствованія, и только она одна можешъ вознаградишь мнѣ потерю своей родственницы.—

Въ послѣдствіи Легранъ почувствовалъ

еще большую привязанность къ маленькой своей прачкѣ, далъ ей хорошее воспитаніе, руководствовалъ въ театральномъ искусствѣ, и наконецъ сдѣлалъ изъ нея славнѣйшую Актрису, извѣстную подь именемъ Адрианны Лекуврёръ.

Съ Франц. А. А.

Отъ Издателя.

1.

До меня дошли непріятныя сужденія о *Некрологіи*, помѣщенной въ предыдущей книжкѣ. Не въ пристрастіи меня обвиняютъ, ибо почтенный К. Л. *Луббяновичъ* пользовался всеобщимъ уваженіемъ; но въ томъ, яко бы я *очень мало и очень худо* написалъ о немъ. — Покорнѣйше и убѣдительнѣйше прошу написать больше и лучше моего: съ благодарностію и съ удовольствіемъ помѣщу въ журналъ своею *полною и хорошо написанною Некрологію или Биографію* добраго и умнаго моего начальника, котораго я душевно любилъ и почиталъ, не имѣя впрочемъ никакихъ съ нимъ особенныхъ связей, кромѣ одной только службы. — Если же спрогимъ моимъ критикамъ писашь *нѣкогда*, или (что легко случисься можеть) писашь они сами *небольшіе* маспера: то да благоволяшъ сооб-

щипъ мнѣ письменно, или хопя и словесно, свои замѣчанія — *дѣльными* воспользуюсь, а *недѣльные* пакже пойдумъ у меня въ *дѣло*.

2.

Господину *М. А.* приславшему ко мнѣ, какъ онъ самъ пишеть, *бездѣлку*, *Оду* или *Элегію* (*) начинающуюся сими словами:

„Все свершилось! цвѣла надежда и шой
конецъ!

Угасъ свѣшильникъ! нѣтъ души! уныніе сер-
децъ!

Померкло солнце, настала тишина!

Исчезли и лучи, водворилась тьма

Съ полуночи—въ эфирѣ прояснилась звѣзда,

Предвѣспница горя, печали была тогда.

Семнадцатая лишь окончилась ей весна,

Была душа, порхнула и улетѣла она!“

согласно требованію его имѣю честь со всею опккровенностію Журналиста и Фабулиста объявить, что я въ журналъ своемъ не только неправильныхъ, но и правильныхъ дурныхъ стиховъ, безъ самыхъ важныхъ причинъ, не помѣщаю. *И.*

(20 Августа.)

Издатель проситъ извиненія у своихъ субскрибентовъ, что книжка сія выходитъ позже срока; слѣдующія выходятъ будутъ исправнѣ

(*) Первое названіе, гораздо приличнѣ послѣднихъ

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АВГУСТЪ 1819. N° XVI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНИЕ КЪ И. Ѡ. Г. Л.

Что смолкъ, Пѣвецъ мой милой,
И нашъ не тѣшишь слухъ?
Всегда съ душой унылой...
Задумчивости другъ!
Ахъ, что скажи Поэта,
Что можешь огорчать?
Какія бури свѣша
Удобны возмущать?
Ты самъ очарователь....
Тебѣль спрашиться бѣдъ?
Нѣшъ, милый мой мечшатель,
Ты къ счастью самъ Поэшъ.
Захочешъ, и въ день бурный
Заблещетъ солнца лучъ,
И сводъ небесъ лазурный

Затмишься мракомъ шучь.
 Захочешь, и зимою
 Вдругъ роза разцвѣшетъ;
 А лѣтомъ, среди зною,
 Ледъ рѣки окуешъ.
 Захочешь, и съ цвѣтами
 Вмигъ Нимфы предъ побой;
 И Саширы съ рогами,
 И съ кружкой Вакхъ молодой!
 И всѣ они, сплешая,
 Составяшъ хороводъ;
 И ты, повеселяся,
 Распустишь этошъ сбродъ.
 Захочешь, и предстанешъ
 Вдругъ Фел...вся въ лучахъ!
 И повелѣнья станешъ
 Читайшъ въ швоихъ глазахъ .
 Задумалъ, вина, яства,
 Съ музыкой роговой;
 Всѣ рѣдкости богатства,
 Въ минушу предъ побой!—
 Такъ чшожь, скажи виною
 Уңынія сего?
 Не всель дано судьбою
 Для счастья швоего?
 Иль гордая Лилепа,
 Соперница весны,
 Краса и слава свѣпа,
 Которой преданы
 Всѣ смертныя душою....

Могла жеспокой бышь—
 Плѣнивъ себя собою,
 Задумала шупишь?
 Пустое! предъ Поэтомъ
 Смирится и она.
 Послушай: предъ разсвѣтомъ,
 Какъ въ сонъ погружена,
 На крыліяхъ мечпанья,
 Прокрадъся въ спальню къ ней;
 Но не робѣй свиданья,
 Будь нѣсколько смѣлѣй....
 Сперва ко груди нѣжной
 Тихонько припронись...
 Тамъ къ шейкѣ бѣлоснѣжной
 Легохонько коснись;
 А тамъ и къ губкамъ алымъ,
 А тамъ.. чего робѣть?
 Не будь доволенъ малымъ,
 Коль можешь все имѣшь.
 Лилеша не проснешся,
 Вѣрь слову моему;
 Но скрытно посмѣется
 Лукавспиву швоему.
 Хоть это и мечпанье,
 Поэшь мой дорогой,
 Но счастья въ ожиданьѣ
 Доволенъ будь мечшой.

Сибирскѣ.

А. Маздорфѣ.

КЪ МИЛОЙ МАЛЮТКѢ.

Едвадь пѣнадцать лѣтъ, мой другъ, себѣ
счишаешь;

Любовь покоится на розовыхъ усѣхъ!

Примѣшень о́гнь любви въ сверкающихъ
глазахъ!

Но ты, въ невинности, любовь по слуху
знаешь!—

Малюшка милая моя!

Ко мнѣ скорѣй! любви я научу тебя.

*

Ты очи пламенны спыдливо опускаешь...

Любуешься собой...взоръ бродишь по грудямъ...

Дивишься, въ простотѣ, распуцимъ кра-
сошамъ!

И улыбаешься—чему?—сказать не знаешь! —

Малюшка милая моя!

Я располкую все, я научу тебя.

*

Не рѣдко, погружаясь въ задумчивость, взды-
хаешь,

Мечтанья нѣжатъ духъ, или тоска помишъ;

Вдругъ сердце замерло...забилось...кровь ки-
питъ!..

Причины этому никакъ не угадаешь! —

Малюшка милая моя!

Я отгадаю все и научу тебя,

*

Проснувшись, поушру, ты на сирень взираешь—
 Двѣ пшички на нее спустились подь окномъ...
 Трепещущь крылышки... спдятъ носокъ съ
 носкомъ...

Ихъ ласки нѣжныя едва ли постигаешь?—
 Малютка милая моя!

Я въ тайну ихъ проникъ—и научу тебя.

*

Опъ скуки ли, подь часъ, романъ шайкомъ
 читаешь,
 Гдѣ о спраданіяхъ любовникъ говоритъ:
 Желаетъ...молишь онъ...лице швое горитъ!
 Ты плачешь...опъ чего? сама не понимаешь!—
 Малютка милая моя!

Я болѣ испышалъ—и научу тебя.

*

Раскинувшись въ саду ты въ полдень оп-
 дыхаешь
 Одна подь шѣнью липъ опъ зноя на цвѣ-
 шахъ;
 Амуръ самъ разослалъ коврахъ на муравахъ!
 Зачемъ же ты меня въ боязни убѣгаешь?—
 Малютка милая моя!

Ахъ! не спрашисъ любви—я научу тебя.

Н. Сушковъ.

РОМАНСЪ.

Въ прелестномъ семь уединеннѣи,
 Подъ пѣнью вязовыхъ дерѣвъ,
 Въ безпечности, успокоеннѣи,
 Зрю прелесть счастливыхъ часовъ:
 Самимъ собою ушѣшаясь
 И суешныхъ забавъ чуждаясь,
 Въ семь опдаленнѣи отъ людей,
 Позналь я все блаженство дней.

*

Все счастье здѣсь даруютъ боги:
 Мнѣ пища сладкіе плоды,
 Лазурный сводъ—мои чертоги,
 Цвѣшущіе луга—сады.
 Коль страшный, бурный часъ настанешъ
 И ужась средь холмовъ проглянешъ—
 Дуга на небѣ возвѣспишъ,
 Чпо ясный день его умчишъ.

Себя кто въ свѣтѣ безпокойномъ
 Добычею тоски не зришъ?
 Въ убѣжищѣ моемъ укромномъ
 Опрада сердце веселишъ.
 И волны съ ревомъ воздымаясь,
 О скалы грозны раздробляясь,
 Журчатъ пріятно надъ пескомъ
 Въ моемъ опечесствѣ драгомъ.

Съ Франц. С-р-а-вѣ.

ЭКСПРОМПТЫ.

1. В. И. Л—ой.

Природа, смертныхъ мать, ко всѣмъ
равно благая,
Дары любимицамъ поровну раздѣляя,
Которой умъ дала, которой красоту,
Той нѣжный вкусъ, другой душевну доброшу,
Искусство нравишься, шаланшы—и досель
Никто не видываль обиженныхъ въ раздѣль.
Къ одной шебѣ она приспраспноу была
И совершенсшва всѣ—одной шебѣ дала!

2. Н. П. П—ой.

Пускай красавицы наружноспью одною
Поклонниковъ найдуть въ другихъ себѣ пѣв-
цахъ!
Красавицу умомя, красавицу душою
Я буду прославлять и въ сердцѣ и въ спихахъ!

3. Графинѣ С. А. М. П—ой.

Природа всемя шебя, Софія, наградила
И Мудроспью шебя по праву нарекла;
Тѣмъ вмѣсто одного—два чуда сотворила!
И мудроспи она—любезносшь придала!

4. К. А. Р—ой.

Въ шонъ часъ, когда швое божествен-
ное пѣнье

Плѣняло, прогало и восхищало насъ,
 Я слушалъ и молчалъ въ счастливѣйшемъ
 забвеньѣ:
 Предъ пѣсней Ангела ничтоженъ смертныхъ
 гласъ.

5. Баронессѣ К***.

Когда бы ты была пастушкой простой,
 Ты бѣднубъ хижину въ черпоги превратила;
 Когда бы ты была Царицею земной,
 Ты вѣчныбъ радости въ чертогахъ поселила;
 И словомъ, самый рокъ не власненъ надъ
 побой:

Повсюду будешь ты равна—себѣ самой!

В. К — вѣ.

ВЪ АЛЬБОМЪ***.

Какая для себя достаточна хвала?
 Какъ Ангелы добра, какъ Граціи мила,
 Красой, умомъ, душой ты всѣхъ обворожаешь
 И кажешься—одна сама того не знаешь!

В. К — вѣ.

ДѢВИЦѢ***.

вѣ день ея рожденія 1 Августа 1819.

Прими усердное мое ты поздравленье,

Съ желаньемъ искреннимъ, чтобъ жизнь твоя
шела
 По радостямъ однимъ, и шакъ была свѣшла,
 Какъ свѣшеть эпошъ день — день твоего
рожденья.
О. С.

М А Д Р И Г А Л Ъ .

О милая! плѣнясь шобою,
 Я кляншся былъ гошовъ и небомъ и землёю,
Что съ каждымъ днемъ
 Сильнѣйшимъ буду я къ тебѣ пылашь огнемъ.
 Но нужныль кляншвы въ подтвержденье
Того, что сердце говоришь? . . .
 Къ любви моей питаешь ли сомнѣнье?
 Взгляни на образъ свой—сомнѣнье замолчишь.
О. Соловѣ.

Э П И Г Р А М М Ы .

I.

Стастіе Поэтовѣ.

Поэшь счастливѣй всѣхъ судьбой.
 Вы убѣдишесь въ шомъ невольню:
 Хорошимъ публика довольна;
 Дурной—доволенъ самъ собой.

Сѣ Франц. Вл.

2.

Винная дружба.

Когда черезъ вино кто съ кѣмъ нибудь дру-
жится,
То дружба, какъ вино, на утро испарится.

3.

Пустой горшокъ.

А.

Скажи, зачѣмъ всегда съ открытой головой
Глупонъ, знакомецъ швой?

В.

Начтожь и покрывашь, сосѣдь, горшокъ пу-
стой.

Съ Нѣм. И. Покровскій.

~~~~~

ЗАГАДКА.

По цвѣшу равныя, одеждой одинакой
Мы, двѣ сестры, блещимъ, безъ помощи
труда
И безъ искусства, бывъ украшены всегда;
Всего же болѣе въ насъ свѣжестъ любить
всякой.

Хоть вѣчно на верьху одна изъ насъ;
Но ревности, чашапель, мы не знаемъ:

Не рѣдко съединясь,
 Невинно, сладосно другъ друга лобызаемъ,
 Пока для да иль нѣтъ разлучены бываемъ.
 Недолго порознь мы: мгновенье пробѣжашь
 Успѣшь лишъ одно, какъ вмѣстѣ мы опящъ.

Съ Франц. И. Покровскій.

~~~~~

Ш А Р А Д Ы.

1.

Слогъ *первый* — плодъ земной, кошорый за-
 прещаль
 Ученикамъ своимъ Философъ молчаливой;
Послѣдній же—куда другой мудрецъ упаль,
 На небо устремя взоръ быстрой, прозорливой;
 А *цѣлое* мое—художникъ пошъ шушливой,
 Кошорый славою почшенъ здѣсь справедливой.
 О. К. С.

2.

Чашашель: *первое* мое предлогъ
 И имя—эшо лишъ въ однѣхъ печакъ бываешъ.—
Второе всякому даль человекъу Богъ.
 Бѣда и спыдъ шому, его кшо пошеряешъ!
 На цѣломъ подаюшъ
 То, чшо ѣдяшъ иль пьюшъ.

И.

Названье вѣса слогъ *нательный*;
 Второй спруи кристалны
 Льетъ на Руси шеперь подь именемъ другимъ.
 На *цѣлое* была большая прежде мода;
 А нынче лишь толпа придворнаго народа
 Является подь нимъ.

И. Покровскій.

Изъ помѣщенныхъ въ N° XV *Шарадь*
 первая значить: *Плут - онѣ*, вторая *Пара-*
соль, третія *Я-ковѣ*.

Логогрифъ, напечатанный въ XV книж-
 кѣ значить: *Кипарисѣ*. Изъ эшаго слова вы-
 ходяшъ слѣдующія: 1) *Парисѣ*, 2) *пассѣ*, 3)
парикѣ, 4) *ника*, 5) *Парки*, 6) *Кирѣ*, 7) *Аписѣ*,
 8) *парѣ*, 9) *кипа*.

И П Р О З А.

ТЩЕСЛАВІЕ.

(Повѣсть Булви.)

Ничто не предсавляетъ насъ столько смѣшными, какъ спросишь думашь о себѣ болѣе, нежели что мы суть на самомъ дѣлѣ; приписывать себѣ доспоинство, котораго не имѣемъ; воображать, что мы покорили всѣхъ сердца, что всѣ обращаютъ на насъ свои взоры, между шѣмъ какъ благоразумные люди едва насъ замѣчаютъ; иные же только для того опличаютъ насъ, что бы надъ нами посмѣялись и позабавились на счетъ нашъ другихъ.

Сіе щеславіе, столь общее и столь разнообразное, замѣчается равно какъ въ шомъ, такъ и другомъ полѣ. Посмотри на эшаго молодаго человѣка, прогуливающагося въ Тюльеріискомъ саду: какая важная и надмѣнная у него поспусть! какъ высоко держитъ онъ голову; пришворяется близорукимъ, чшобъ

никому не кланяюсь; полкаешь всякаго проходящаго, оправляешь свое платье, чѣтобъ выказашъ неспройный станъ свой и безобразныя длинныя ноги. Безразсудный! Онъ воображаетъ, чѣто у него голова прелестна, какъ у *Антиноя*; осанка величава, какъ у *Аполлона Бельведерскаго*....Послушайте шамъ въ залѣ како-го-то жалкаго стихотворца; онъ читаешь нескладный романсъ: примѣшьте, какъ высокопарно онъ говоритъ; съ какимъ увѣреніемъ ожидаетъ себѣ похвалъ, и кажется, будѣо ими уже пресыщенъ. Онъ считаешь себя не меньше какъ *Анакреонидъ*; думаетъ, чѣто уже достоинъ спать наравнѣ съ знаменитѣйшими стихотворцами....Посмотрите еще на смѣшную важность эшаго молодаго при Минисперствѣ служащаго чиновника, которому поручено ваше дѣло. „Я посмотрю, говоритъ онъ съ увѣренностию; успрою все сколь возможно лучше и отвѣчаю вамъ за успѣхъ.“ — Словомъ, онъ обнадѣживаетъ васъ, какъ Министръ, будучи самъ не больше, какъ только простой исполнитель.

Тоже самое бываетъ и между жен-

щинами. Дѣвица пятнадцати лѣтъ считаешь себя уже взрослою и удивляешься, почему не просишь руки ея. Пожилая мать семейства воображаетъ, что она еще столько же хороша, какъ и ея дочери; но только для того не убираешь свою голову подвѣщью, что бы не выказалъ съдыхъ своихъ волосъ.....Разсмотришь эту молодую особу, которая танцуетъ гавошь и вокругъ которой толпятся школьники: она увѣрена, что соединяетъ въ себѣ всѣ прелести и спрройность Госпожи *Гардель*, всю веселость и любезность дѣвицы *Шевиньи*. Послушайшь эту ученицу, приѣхавшую изъ пенсіона къ своимъ родителемъ на нѣсколько дней, какъ она бренишь на гитарѣ одинъ изъ прекраснѣйшихъ романсовъ *Плантады*, приводитъ въ восторгъ своего отца, мать, дѣда, дядю и шрехъ шешокъ; ей кажется, будто она съ неподражаемымъ искусствомъ игры Госпожи *Браншо*, соединяетъ въ пѣніи и плѣняющій голосъ Госпожи *Дюретъ*... Войдишь въ самую просную лавочку, гдѣ женщина продаетъ одни только духи; она вамъ скажетъ: „Мы купцы перво-

спашейные.“ Войдите въ магазинъ богатаго фабриканша шелковыхъ поваровъ; жена его скажетъ вамъ, что мужъ ея банкиръ. Придите къ банкиру, и вы найдете шамъ приемы и шонъ Минисперской. Такимъ образомъ, кажешся, всякой человѣкъ презираешъ мѣсто, занимаемое имъ на лѣствицѣ счастья, и непрестанно усиливаясь спашъ выше другаго, думаешъ, что онъ уже и спалъ.

Дюмонъ, богатый и почтенный Парижскій негоціаншъ, имѣлъ двухъ дочерей, которыхъ любилъ съ равною нѣжностію. Онъ достигнувъ того возраста, въ которомъ обыкновенно дѣвицы начинаютъ уже замѣчать, предспавляли чрезвычайное между собою несходство. Старшая изъ нихъ, по имени Арманшина, думала, что она по красотѣ *Венера*, по живоспи и пріятносніямъ *Геба*, по наукамъ и дарованіямъ *десятая Муза*. Была ли она въ какомъ знакомомъ домѣ, или въ публичномъ собраніи — непрестанно пошупляла свои глаза, что бы не вспрѣшнись съ чьимъ нибудь взглядомъ. Говорила ли съ кѣмъ—всегда

воображала, будто ея голось плѣняешь сердце всякаго; когда же по неоспорожности своей или въ развлеченіи, она на кого нибудь засмапривалась, шо была увѣрена, что муцины ей удивлялись, а женщины завидовали. Такимъ образомъ въ Арманшинѣ не было ни одного движенія безъ расчета, ни одного взгляда— безъ намѣренія; всѣмъ она не иначе себя показывала, какъ божеспвомъ, которое какъ - шо ненарочно замѣшалось между смерпными; различные духи, которыми она всегда распрыскивалась, были знакомъ ея присупспвія, подобно какъ въ Пафоскихъ рощахъ амброзія знаменовала шеспвіе Царицы любви.

Совсемъ не шакова была меньшая сеспра ея Марья. Она не только никогда не гордилась, но по скромности своей и по природной добростѣ сердца, не замѣчала даже испинныхъ своихъ достопинспвъ. Бывъ не столь пригожа, какъ Арманпина, но можешь бышь гораздо милѣе ея, она считала очень напуральнымъ, что сеспру ея всѣ хвалили, а ее какъ будто и не замѣчали. Глаза ея были не столь прекрасны, какъ глаза Арман-

пины, но они были выразительнѣе; поспушь не шакъ величава, но прїяпнѣе: однимъ словомъ, казалось, что старшая сесира, когда появлялась въ обществѣ, говорила: „удивляйшесь и поклоняйшесь мнѣ!“ Меньшая же, идучи всегда смиренно подлѣ нея, казалось, говорила прошивное шому: „не замѣчайше меня, я не спюю вашего вниманїя.“

Сїя споль очевидная прошивоположеносшь не могла оспашься незамѣчною опшь всѣхъ знакомыхъ Г. Дюмона, не могла не сдѣлашь на нихъ впечатлѣнїя, совсемъ прошивнаго шому, какое воображали себѣ сдѣлашь на нихъ двѣ сесіры. Арманшину никшо не любилъ, а всѣ чрезвычайно любили Марью. Хопя обѣ онѣ имѣли качесшва превосходныя; но смѣшное шщеславїе старшей шакую произвело перемѣну въ общемъ мнѣнїи обѣ ея достоинствѣ, и споль выгодно запрошивъ предспавило любезную прошопу меньшей сесіры, что сїю послѣднюю вездѣ принимали съ опличною ласковоспїю, между шѣмъ какъ сесірою ея почши совсемъ не хопѣли занимашься.

Арманшина, полкуя все сїе превращ-

но, считала такое равнодушіе знакомъ оказываемаго ей почтенія, либо принимала за удивленіе ея красотою. „Замѣчаешь ли ты, сказала она однажды съ важностью Марья—замѣчаешь ли, когда мы съ побою бываемъ вмѣстѣ, какъ просто и свободно съ побою говоряшь; и какую напрошивъ того наблюдаюшь почтительную важность, разговаривая со мною? Кшо бы ни былъ, молодой или старикъ, въпренной или спепенной, всякаго одинъ мой взглядъ приводишь въ воспоргъ и въ изумленіе.“—Эшо правда; простосердечно отвѣчала ей Марья.— „Если одинъ видъ мой производишь надъ ними такое дѣйствіе; шо посуди, что должны они чувствовашъ, когда я съ ними говорю. Они смопряшь на меня, щещенно спараюшся мнѣ отвѣчашь, и не могушь, кажепся, вымолвишь ни слова.“— Точно такъ; я видала многихъ, кепорые къ шебѣ подходили и не сказавъ шебѣ ни слова, шопчасъ шпходили прочь. Однакожь я думаю, ты согласишься со мною, любезная сесприца, что такое шоржештво красоны споишь слишкомъ уже дорого. — „Что эшо значишь?“ — Я

думаю, судя по себѣ, что очень неприятно производишь въ людяхъ споль сильное впечатлѣніе, что они не могутъ даже и подойти къ намъ.—, Я согласна въ эпомъ съ шобою; иногда сама я допадаю на шакое владычешво, которое имѣю прошивъ воли своей; однакожь можешъ ли бышь что-нибудь приятнѣе на свѣпѣ шого, какъ когда я могу сказашъ самой себѣ: *лишь только я поелляюсь, всякой приходитъ въ изумленіе и не имѣетъ присутствія духа говорить со мной.*“ — А я лучше люблю, чтообъ со мною разговаривали, разсуждали, особливо о шакихъ приятныхъ предметахъ, о которыхъ говоришь благоприсшойность не запрещаетъ. Я нѣсколько разъ видала себя важною и молчаливою среди множешва обожапелей швоихъ прелешей; я же напрошивъ съ ними шушила, смѣялась, даже опшвѣчала имъ вмѣшо себя, между шѣмъ какъ упомленіе и скука изображались въ прекрасныхъ глазахъ швоихъ.—, Бѣдненькая Маша! это значить, я царшвовала, а ты унижалась.“—О! когда шакъ, шо царшвуй сколько тебѣ угодно; а я

всегда буду веселишься больше, чемъ ты; меня сполько же уважаюшь какъ и себя; пусть это по швоимъ мыслямъ означаешъ униженіе, но я не намѣрена оспавляшь его никогда. —

Такъ не рѣдко разговаривали между собою двѣ сеспры; и при всемъ помъ, нѣжно любя другъ друга, не могли перемѣнишь мыслей, какія имѣли одна о другой. Арманшина всегда счипала Марью такъ малозначущею, что ея, по проспотѣ и излишней веселости, въ общеспвѣ почти и не замѣчаюшь. Марья напрошивъ почиала Арманшину совершенною красавицею; одаренною всѣми доспойнспвами, способною покорить себѣ во власъ всѣхъ и все.

Множесиво происшеспвій подтвердили взаимное мнѣніе обѣихъ сесперь. Г. Дюмонъ, болѣе заняпый коммерческими дѣлами, нежели воспитаніемъ своихъ дочерей, однажды взялъ ихъ съ собою въ театръ. Піэсу представляли очень хорошую, и спеченіе публики было большое; всѣ ложи были заняпы, оспавались мѣста въ одномъ амфитеатрѣ, гдѣ въ первомъ ряду Арманшина и Марья

съ опцомъ своимъ и помѣспились. Лишь полько они сѣли, какъ всѣ обрашили взоры на Арманшину, копорая разряжена была чрезвычайно. Марья сказала ей пихонько: „видишь ли, сесприца, какъ на шебя всѣ смопрятъ? Сказашъ правду, пы никогда не казалась мнѣ споль прекрасною, какъ сегодня.“—Въ самомъ дѣлѣ я обрапила на себя вниманіе всѣхъ, опшвѣчала Арманшина съ одобришельною улыбкою.—Между шѣмъ какъ они разговаривали, позади ихъ сѣлъ одинъ молодой человекъ, Мелькуръ, дальній родственникъ Дюмона, пріяпный собою и съ такими достоинствами, по копорымъ можно было судить, что онъ со временемъ достигнетъ высшихъ должностей. Съ нѣкопорого времени онъ началъ шакъ часто ходить въ домъ сего негоціанша, что легко можно было замѣпить его намѣреніе. Арманшина не сомнѣвалась, что бы не она была предметомъ его посѣщеній: а добрая и проспосердечная Марья радовалась, что скоро назовешъ его своимъ брапомъ.

Предспавленіе начинается. Двѣ прекрасныя дамы сидѣли подлѣ Арманши-

ны, копорая споль много напрыскана была духами, что ихъ оспрый запахъ, усилившійся ошь жару при множествѣ народа, сдѣлался несноснымъ, особенно для имѣющихъ слишкомъ нѣжныя нервы. Одна дама, сидѣвшая ближе къ Арманшинѣ; сопрошивляясь нѣкошорое время амбрѣ, копорою сія послѣдняя, шакъ сказаць, дышала, почувспвовала наконецъ шакую слабосшь, что принуждена была выдти изъ театра, сказавъ: „эшо наказаніе! перпѣшь не возможно!“ — О какомъ наказаніи говоришь она? спросила у сеспры своей добрая Марья. — „Не шрудно угадашь, ошвѣчаешь ей Арманшина. Она пришла сюда съ намѣреніемъ опличиться и видя, что всѣ обращающъ взоры свои на меня, а на нее никшо и не вглянешъ, не могла эшаго вышперпѣшь.“ — Однакожь она очень не дурна собою, возразила добрая Марья; но ежели кто хочешъ себя выказываць, шому не должно быць съ шобою вмѣспѣ.—Г. Дюмонъ, привыкшій къ духамъ, копорыми Арманшина всегда прыскалась, считалъ, что незнакомка вышла вдругъ ошь какой нибудь приключившейся ей

болѣзни; а Мелькуръ, слыша весь разговоръ обѣихъ сестеръ и зная ихъ характеры, едва удерживался отъ смѣха.

Мѣсто сихъ двухъ выпедшихъ дамъ вскорѣ занято было двумя мужчинами, изъ коихъ одинъ, украшенный многими орденами, былъ довольно уже пожилой и заслуженный Офицеръ. Сидя подлѣ самой напрысканной духами Арманшины, онъ кашляетъ, зѣваетъ, нюхаетъ табакъ, словомъ чрезвычайно безпокоится. Наконецъ послѣ всѣхъ щещныхъ покушеній преодолѣвъ свое неудовольствіе, выходитъ, говоря бывшему съ нимъ поварищу: „пойдемъ отсюда; чувствую, что со мною сдѣлается дурно, ежели долѣ здѣсь останусь.“ — Слышишь ли сестрица? сказала Арманшина Марья: не ясно ли это показывается смятеніе, въ какомъ я его видѣла? — „Ничто не можешь пропивишься твоимъ прелестямъ; ты побѣждаешь и самыхъ побѣдителей.“ — И добродушной Дюмонъ также подумалъ, что эпитъ Офицеръ говорилъ о впечатлѣніи, какое сдѣлала на него красота Арманшины; а Мелькуръ и въ сей разъ едва не засмѣялся.

Но въ какомъ восхищеніи и шорже-
сшвѣ была щеславная красавица, ког-
да молодой, прекрасный собою человѣкъ,
кошорый, казалось, только что выздо-
ровѣлъ ошъ болѣзни, сидя въ креслахъ
въ ближайшемъ къ амфитеатру ряду,
почти насупротивъ Арманшины, не-
преспанно посмашриваль на нее во вре-
мя предспавленія и сосѣдямъ своимъ
что-то говорилъ съ большимъ удивле-
ніемъ: амбра дѣйспвовала на него же-
спочайшимъ образомъ; наконецъ, въ по-
ловинѣ предспавленія, вдругъ лишась
упопробленія чувспвъ, падаетъ ошъ въ
обморокъ, опирается на плечо своего
шоварища, кошорый съ помощію другихъ
выводитъ его изъ театра. Сей молодой
недавно выздоровѣвшій человѣкъ почув-
спвоваль споль сильную нервическую
боль, что надлежало въ самомъ театрѣ
искашь лекаря. — „Боже мой! какъ мнѣ
досадно, сказала Арманшина шихонько
сеспрѣ своей, что я причинила ему та-
кое несчастіе; но за чемъ же ему непре-
спанно смоспрѣшь на меня?“—Пускай бы
выходили пожилые офицеры и прекрас-
ныя женщины, сказала ей съ улыбкою

Марья; но причиняшь молодымъ людямъ нервическія болѣзни, значить заставляешь ихъ слишкомъ уже дорого платить за счастье себя удивляться. — Мелькуръ при семь случаѣ, не могши болѣе удержаться отъ смѣха, захохоталъ.

Послѣ сего чрезъ нѣсколько времени Г. Дюмонъ опять приѣхалъ съ дочерьми своими въ театръ, ко да давали бенефисъ въ пользу одного любимаго всею публикою актера, для котораго обыкновенно спеченіе зрителей бывало чрезвычайное и театръ всегда бывалъ полонъ. Г. Дюмонъ сыскалъ мѣсто въ одной только ложѣ, самой близкой къ сценѣ. И какъ сидѣвшіе тутъ всегда были совершенно видны публикѣ; по Армашина восхищалась, что можетъ теперь показать себя; по чрезмѣрному же своему тщеславію она уже была увѣрена, что и теперь надѣлаетъ сумятицы не меньше, какъ прежде во время Оперы. Но какъ въ этотъ день она напрыскалась только пріятными и сносными духами; по ни женщины, подлѣ ея сидѣвшія, ни молодые люди, ея окружавшіе, не оказывали такихъ сильныхъ о-

щущей, каких она ожидала. Она только примѣшила, что на нее смотрѣли съ какою-то выразительностью, однакожь никто не задыхался, и ни съ кѣмъ не случилось нервическихъ припадковъ. Это показалось ей страннымъ, и она съ безпокойствомъ сказала Марьѣ: „Мнѣ кажешся, я сегодня не такъ хороша, какъ обыкновенно.“—На мои глаза ты все также прекрасна.—„Однакожь больше занимаюся спектаклемъ, нежели мною.“—Ты знаешь, что публика иногда бываетъ очень странна.—„Посмотри, не испортилось ли чтонибудь у меня на головѣ?“—Нѣтъ, ничего.—

Когда наше пщеславіе не можешь найсти себѣ пищи въ какомънибудь одномъ предметѣ, то пошчасъ ищешь ее въ другомъ. Арманпина, чувствитель-но оскорбясь, что не могла обратиться на себя особеннаго вниманія зрителей, вдругъ нашла средство изъяснить въ свою пользу происшествіе, обыкновенно случающееся съ актерами, которыхъ память опягчена множествомъ зашверженныхъ ими ролей. Одинъ изъ актеровъ, по всей справедливости счи-

шавшійся украшеніемъ Комической Оперы, игралъ въ эпошъ разъ роль любезнаго вѣпренника, (въ пієсѣ *Maison à vendre*), въ копорой истинные знапки называли его неподражаемымъ. Случилось, что онъ ошибся во многихъ мѣстахъ, и былъ шакъ много развлечень, что публика не знала чему эпо приписатьъ.—„Ужь не я ли причиною его замѣшательства, сказала Арманшина сеспрѣ своей? Видѣла ли ты, какъ приспально онъ на меня смоспрѣль?“ — Да сказала Марья, и въ самое то время, какъ онъ ошибся. — „Точно я причиною его смущенія; дай мнѣ свою вуаль; я не взяла своей; совсемъ не думала, чѣобъ она сегодня мнѣ понадобится! Дай поскорѣ; если несчастный еще на меня взглянешъ, то совсемъ поперяепся.“ Сказавъ эпо, Арманшина накрываешся вуалью въ виду зришелей, копорые не знаютъ чему приписать сію нечаянную ея предосторожность; всѣ успремили на нее глаза; и она — въ восхищеніи. Самъ Г. Дюмонъ, не меньше другихъ будучи удивлень, спрашиваетъ у Арманшины, для чего она накрываеш-

ся, когда и безъ того несно жарко?— „Вы эшо послѣ узнаете, бабюшка; позволите пеперь шолько увѣришь васъ, что я дѣлаю эшо изъ благоразумія и по необходимости.“ — О! почно пакъ, бабюшка, примолвила Марья; безъ эшой предосторожности вы бы, можешъ бышь, не увидѣли окончанія спекшакля. — Не понимаю эшой шайны, сказала Дюмонъ; объясните мнѣ ее послѣ.—И пакъ Арманшина оспалась подъ вуалью до конца піэсы, и какъ скоро актеръ, которой совсемъ и не замѣчалъ такихъ причудъ, сошелъ со сцены, она, откывъ лице, сказала сеспрѣ съ чувспвишельнымъ соспрананіемъ: „въ какое замѣшательство я его привела! Боюсь, что онъ не въ соспояніи будешъ играть другую піэсу.“ — Жаль, сказала Марья; а говоряшь, что онъ въ эшой піэсѣ (Prisonnier) превосходень.— Скоро послѣ сего занавѣсъ поднялся и *прекрасный невольникъ* вышелъ; а надмѣнная Арманшина въ шу же минушу покрываешся вуалью, и снова всѣхъ приводитъ въ удивленіе, кошорое изъявлено было хохомъ и насмѣнками. Мелькуръ, сѣдя въ ложѣна супрошивъ, весьма

забавлялся причудами Арманпины, копорья всякой шолковаль по своему, но копорыхъ онъ одинъ зналъ испинную причину.

Между шѣмъ Арманпина, продолжая прыскашься какъ можно болѣе крѣпкими духами, наконецъ шакое обрапила на себя замѣчаніе, что вездѣ спали указывашь на нее пальцами и удалялись отъ ней, коль скоро она появлялась. Но она, по своему шщеславію, все эшо приписывала непреодолимому дѣйствію своихъ прелестей.

Мелькуръ, усугубляя свои посѣщенія къ Г. Дюмону, еспешвенно подаль поводъ обѣимъ сеспрамъ заключашь, что онъ хочешь войпи въ родспвенную связь съ ихъ сѣмействомъ. „Съ нѣкопораго времени, сказала Марья, онъ спараешся бышь съ нами вездѣ, на гуляньяхъ и въ шеапрѣ; конечно онъ въ шебя влюбленъ.“— Въ шакомъ случаѣ онъ для меня жадокъ: я нимало къ нему не расположена. Всякой разъ, приходя къ намъ, хочешь онъ, кажецца, ошкрышься мнѣ въ любви своей, и право не знаю, что должна буду ему ошвѣчашь. — „Признаюсь, шы для

меня смѣшна: Мелькуръ человѣкъ очень хорошій, умной, знающій свѣтъ, добро-сердеченъ, какъ говоришь бабюшка, и въ шакомъ уже чинѣ, кошорый ведетъ его къ высшимъ должностямъ.“—Согласна; но если я выберу одного, что же будешь со всѣми прочими?—„Развѣ для нихъ не хочешь ты никогда выходить за мужъ?“—Ахъ, любезная Марья! но не жестоко ли будешь, сдѣлашь вдругъ столько жертвъ!—„Впрочемъ до сихъ поръ ни одинъ еще человѣкъ не просилъ твоей руки.“—Правда, но между тѣмъ я очень понимаю ихъ, сколько они опъ меня несчастны.—

Какъ сеспры такимъ образомъ разговаривали, докладываютъ о приѣздѣ Г. Мелькура. „Боже мой, вскричала Арманшина, онъ хочеть изъясниться мнѣ въ своей любви и просить меня въ замужство.—„Ну чтожъ! шакъ надобно его приняшь съ такимъ уваженіемъ, какое онъ заслуживаетъ.“—Извинише меня, сударыни! сказалъ Мелькуръ, входя къ нимъ въ комнату, что я осмѣлился войши къ вамъ; но я эшо дѣлаю съ позволенія почтеннаго вашего родителя.—„Теперь

ужь нѣшъ больше сомнѣнїя, сказала Арманшина Марья, сидѣвшей подлѣ нея на диванѣ; сдѣлай милость, не оспавляй меня.“ — Съ нѣкопорого времени — продолжалъ Мелькуръ, обращаясь къ Арманшинѣ—я рѣшилъ опкрыть вамъ. . . . но чувствїя, вами во мнѣ поселенныя; боязнь, чшобъ не прогнѣвишь васъ. . . .— „Такия похвалы никогда не могушь оскорбишь, опвѣчала ему Арманшина въ замѣшательствѣ.“ — Можешъ бышь, сударыня, вы сочпете меня дерзскимъ, нескромнымъ; но дружба, кошорой удостоиваетъ меня бапюшка вашъ, подаешъ мнѣ смѣлосъ къ шакому поступку. . . — „Мнѣ прїяшно, Г. Мелькуръ, чшо вы чувствуете всю важносъ вашего предложенїя. . .“ — И шакъ я долженъ вамъ, сударыня, опкровенно сказашъ, чшо если ваши прелеспи, красопа и прочїя дошпоинспва дѣлають васъ любезною въ общесствѣ. . . — „Ну?“ — То не меньше шого дѣлають онѣ васъ и смѣшною. — „Какъ!“ — возразила Арманшина въ смущенїи и перемѣня шонь.—Странное объясненїе! вскричала Марья, не меньше удивленная.— „Изьяснишесь, сударь.“ — Я очень

увѣренъ, что вамъ не понравлюсь; но счишаю долгомъ рѣшишься на все, чтобъ исполнишь священнѣйшую обязанность. Узнайшежь, что привычка ваша всегда прыскаешься духами, заставляешъ убѣгать оцъ васъ съ сожалѣнiемъ всѣхъ шѣхъ, копорые впрочемъ за удовольствiе счишали бы проводишь съ вами время; всякой боишься къ вамъ подойти, хопя бы и охотно желалъ; однимъ словомъ, во всемъ Парижѣ не иначе называютъ васъ, какъ прекрасною *амброю*.—Такъ почто, сестрица, иногда называли себя въ насмѣшку и *лавогкою съ духами*.—„Но я не думаю, чтобъ духами своими могла кого-нибудь обезпокоишь...“—Вы не примѣчаете эшаго; но вспомните бывшихъ однажды съ вами въ театръ двухъ дамъ, пожилаго Офицера, молодого выздоравливающего человѣка... — „Какъ возможно ли?..“—Извините, что я вывожу васъ изъ приятнаго вашего заблужденiя: амбра, копорую вы, такъ сказать, дышали, была единственною причиною всѣхъ шѣхъ замѣшательствъ, хопя вамъ угодно было приписать ихъ совсемъ другой причинѣ. Гдѣ бы вы ни показались,

весьма рѣдко проходишь безъ ропота, копорый хопя шопчасъ и умолкаешъ при взглядѣ на вашу молодость и красоту; но совсемъ шѣмъ въ мысляхъ всякаго вы оспаешесь смѣшноу. Да и на чшо, скажише, заимспивовашься розѣ благоуханіями ошъ другихъ цвѣшовъ?... Извинише меня, чшо я осмѣлился подашь вамъ шакой совѣшь. Эшо происходишь единшвенно ошъ нѣжной моей къ вамъ привязанности. Судише сами, чего мнѣ споишь перенести опасеніе, чшобъ не прогнѣвишь шу, къ копорой сполько привержень...и припомъ за счастье бы почель еще болѣе утвердишь связь съ вашимъ домомъ. — „Будыше увѣрены, любезный брашець, чшо я посшараюсь воспользовашься споль важнымъ для меня совѣшомъ вашимъ; не сполько за эшо не сержусь.....—Тебѣ сердишься! прервала Марья. Эшо значило бы крайнюю съ швоей спороны неблагодарность. Если бы брашець сдѣлалъ для меня шакое же одолженіе, ошкрылъ бы мнѣ мои недосшашки; шо я шопчасъ бы исправилашь...Но онъ меня не сполько любишь, какъ мою сесшрицу.—Мелькуръ

опвѣчалъ на сіе любезное проспросердечіе однимъ полько выразительнымъ взглядомъ, и прощаясь съ обѣими сеспрами, благодариль одну за снисхожденіе, съ копорымъ удостоила она его выслушашъ, а другой обѣщаль сказашъ о ея *недостаткахъ*, какъ скоро ихъ замѣлишь.

Арманшина, увидя свое заблужденіе, въ копорое повергло ее шщеславіе, не менѣе заблуждалась и на счешъ самаго Мелькура. „Онъ за счастье бы погелъ еще болѣе утвердить связь съ нашими домоли!“ повпоряла она съ безпокойсшвомъ.—Очень ясно, что онъ намѣренъ на шebbъ женишься: но конечно хочешъ напередъ шebbя исправиль.—„Жаль, что я къ нему нерасположена!.....мы почишаемъ нашихъ наспавниковъ; но любиль ихъ шрудно.“—Я бы очень поладила съ такимъ наспавникомъ и думаю, что онъ сдѣлалъ бы меня счасшливою.“

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего Г. Дюмонъ, завпракая съ своими дочерьми, сказаль имъ, что Мелькуръ опкровенно объявилъ ему свое желаніе.

бышь его зящемъ, и что того же упра хопѣль приѣхашь къ нимъ съ предложе- ніемъ. И пакъ, милая Арманшина, при- готовляйся сосставишь ему и себѣ сча- стіе. Но вошь уже онъ и приѣхаль. Не робѣй, дочь моя! присущствіе мое дол- жно тебя подкрѣпишь. Разсуди, что для тебя насчаешь шеперь самая важ- нѣйшая минуша въ жизни. — „Ахъ, ба- пюшка, я въ шакомъ смущеніи!... Поз- вольше мнѣ выйши на нѣсколько ми- нушь. Сесприца! оспанься здѣсь за ме- ня... Тебѣ извѣсны мои чувствованія, сказала она ей шихонько выходя изъ комнашы; объясни ихъ вмѣсто меня, прошу тебя; но спарайся сколь можно облегчишь опчаяніе, копорое причи- нишь ему мой опказъ.“

Только что Мелькуръ вошелъ, Марья спаралась извинишь опсущствіе Ар- маншины и сказала ему: „сесприца въ большемъ смущеніи; она сполько чув- ствуешь къ вамъ почшенія и благодар- носши, что я никакъ не могу того вы- разишь однимъ словомъ, она пору- чила мнѣ выслушашь васъ, и опвѣчашь вамъ за нее.“ — Я чрезвычайно доволенъ

эпимъ, любезная Марья, попому что прошу у почтеннѣйшаго родителя вашего себѣ въ замужство...вась.—,Меня! сказала Марья дрожащимъ голосомъ и вся покраснѣвши... Не уже ли вы въ самомъ дѣлѣ имѣете такое намѣреніе.— Какъ! вскричалъ Г. Дюмонъ, такъ не на Арманшинѣ хотите вы женишься?—До сихъ поръ я не объяснялся еще, кажешся; съ вами, копорой именно изъ дочерей вашихъ руку просишь я намѣрень.— Правда. Ну, опвѣчай же теперь, Марья!—,Боже мой! но мнѣ опвѣчать не долго, если только въ самомъ дѣлѣ Г. Мелькуръ, не издѣвается надо мною.“ — Мнѣ издѣваться надъ вами, любезнѣйшая Марья! Нѣтъ, но вы мнѣ позволили сказывать вамъ о недоспашкахъ, какіе въ васъ примѣчу; ипакъ я осмѣливаюсь сказать вамъ теперь лишь объ одномъ.—,О! скажите, скажите; я постараюсь исправиться; въ чемъ же состоишь эпощъ недоспашокъ?“ — Въ томъ, что, вы сами не знаете доспашивъ вашихъ; что думаете объ нихъ гораздо меньше, нежели чего онѣ въ самомъ дѣлѣ спощь. Давно уже спараюсь я у-

знашь характеръ вашъ; наблюдаю всякой вашъ шагъ, замѣчаю всякое ваше слово; и никогда — никогда не находилъ я еще души споль прекрасной, веселости споль прососердечной, качесивъ споль обворожающихъ, какъ ваши. Всякой разъ выхваляя вашу сесприцу, вы не думаете, что чрезъ по умножаете похвалы себѣ самимъ. О! я совершенно увѣренъ, что вы, любезная Марья, будете наилучшею женою, и я клянусь у ногъ вашихъ сдѣлать васъ счастливою. — „Хорошо, что вы меня выбрали, а не сесприцу. Еслибъ попросили вы ее за себя, то мнѣ пришлось бы опказать вамъ по ея препорученію“ — Какъ? не уже ли Арманпина поручила тебѣ опказать Г. Мелькуру! — „Да, бапюшка, и единственна для того, что бы не умножать число своихъ жершвъ.“ — Арманпина! Арманпина! вскричалъ смѣясь Г. Дюмонъ, ты можешь войти сюда безъ всякаго опасенія. — „Повѣрьте мнѣ, Г. Мелькуръ, сказала Арманпина войдя въ комнату, что жестокое огорченіе, причиненное вамъ моею сесприцею.“ — Что

вы говорите, прелестная сестрица! Она ничемъ меня не огорчила; напрошивъ того чрезвычайно обрадовала. — „Что я слышу? Марья! Кажется я тебя просила...“ — Отказашь ему за тебя; но за меня..... — Прекрасно, прекрасно! скажь Г. Дюмонъ, громко засмѣявшись. Любезная дочь! мы обманулись. Мелькуръ выбралъ свою сестру; судьба своя оспашаеся еще нерѣшенной, а теперь надобно тебѣ съ веселостию духа уступишь право своего старшинства. — „О! объ этомъ и слова нѣтъ: Мелькуръ вѣрно сдѣлаешь Марью счастливою.“ — Другаго опшѣша и не могъ я ожидать опъ васъ, любезная Арманшина, сказалъ Мелькуръ; и я чувствую особенное удовольствіе называющь васъ пріятнѣйшимъ для меня именемъ сестрицы. Теперь все кажется благопріятствуеть моимъ желаніямъ; ишакъ смѣю ли просишь о довершеніи ихъ, ускоривъ наисчастливейшій день моей жизни? Дѣла, поручаемыя мнѣ по должности, скоро можешь бышь заспавяшъ меня удалиться отсюда на долгое время, и ежели я долженъ буду разлучишь съ любезною

моею Марьею, по по крайней мѣрѣ желалъ бы выѣхать ея супругомъ.— „Намъ разлучиться! Развѣ слѣдовавъ за вами не будешь тогда моею обязанностію?“ — Такъ чшожь, сказала Г. Дюмонъ: приданое у меня все гопово; въ слѣдующее воскресенье можемъ кончить и свадьбу, если вамъ угодно. — Эшо шакъ скоро, чшо я и не смѣлъ даже надѣяшься; но чшо скажешь объ эшомъ любезная моя невѣсна? Можешь бышь — „Я боюсь только, чшобы между шѣмъ не послѣдовалъ приказъ вамъ ѣхать.“ — Такъ лучше всего въ чешвергъ, любезный зящъ! Успѣемъ все къ эшому дню пригото-вить. Повѣрь, чшо эшопъ день будешь и для меня прекраснѣйшимъ въ моей жизни.—

Въ день свадьбы во всемъ домѣ Г. Дюмона царствовало живѣйшая радость. Праздникъ былъ самый блистательный; всѣ родшвенники и друзья новобрачныхъ были къ оному приглашены. Никогда еще Марья не была шакъ весела, шакъ занимательна и любезна какъ въ эшопъ счастливый для нея день. Арманшина, по естественной доброти своего

сердца не завидовала счастью сеспры своей; но не могла при семъ случаѣ преодолѣть господствовавшаго надъ собою щеславія, не могла воздержашься отъ пѣхъ мыслей, будпо и самыя обыкновенныя оказываемыя ей, какъ сеспрѣ новобрачной, учшивоспи, суть ничпо иное, какъ новыя побѣды ея надъ сердцами. Сія мечта еще болѣе занимала ее въ продолженіи бала, кошорымъ кончился эпошь прекрасный день. Всѣ молодые люди, кошорые были вхожи въ домъ Г. Дюмона, шупь находились. Многіе изъ нихъ, давно уже забавлявшіеся на счепь смѣшнаго щеславія Арманшины, замѣшили новую спранность въ ея обращеніи—она пошупивъ глаза, казалась почпи неподвижною, говорила мало, опвѣчала всѣмъ коропко; однимъ словомъ, она какъ будпо осуждена была въ эпошь вечеръ на молчаніе и неподвижность И для чего же все эпо?—Изъ соспраданія къ окружающимъ ея, чпо бы они плѣнясь ею, не были ея жершвами, подобно прежнимъ.

Наконецъ открывающъ балъ коншрътансомъ новобрачная съ своимъ супру-

гомъ, Арманшина, двѣ ихъ ближайшія молодыя и прекрасныя родственницы, и шрое молодыхъ людей, приглашенныхъ Г. Дюмономъ, какъ друзей Мелькуровыхъ и принадлежащихъ къ его фамиліи. Съ самаго начала танцованья Арманшина замѣчаетъ, что кавалеръ ея уклоняется подавать ей руку. Такою спранныостию конечно всякая другая дѣвица пошчасъ бы оскорбилась; но щеславная Арманшина считаешь, что кавалеръ ея поступаетъ съ нею такимъ образомъ изъ благоразумія, не желая прикасаться къ шой рукѣ, копорую получишь не надѣешься. Пошомъ другой кавалеръ начинаешь танцовать съ Арманшиною; и хопя всѣ знали его за самаго искуснаго танцора, однакожь онъ, приближаясь къ Арманшинѣ, всякой разъ приходилъ въ замѣшательство, дѣлалъ пропуски, перья кадансъ, словомъ поршилъ весь конпръдансъ.—Что съ шобою, Карль, сдѣлалось? спросилъ его Мелькуръ.—Ничего, брашець, ошвѣчалъ онъ ему съ тяжкимъ вздохомъ.—„Еще жертва! говоришь про себя Арманшина: если эшо продолжиться, шо я принуждена буду оставишь тан-

цование.“ Наконецъ одинъ молодой человекъ, споявшій подлѣ Арманшины и какъ будто пропивъ воли начавшій танцовать съ нею, вдругъ въ большемъ шенѣ оспанавливается; чрезвычайная переменна видна на лицѣ его; онъ проситъ одного изъ друзей своихъ окончивъ за него коншрь-дансъ.—„Не сдѣлалось ли вамъ дурно, Г. Жеркуръ?“ спрашиваетъ его Марья.—Нѣшъ, ничего, сударыня! ничего: я вдругъ какъ будто былъ пораженъ но теперь это проходитъ.—Довольно удаченъ эшошъ коншрь-дансъ! сказалъ въ шушку Г. Дюмонъ. Арманшина будучи увѣрена, что она была всему шому причиною, искренно досадовала на могущество своихъ прелесшей: и добрая Марья не менѣе сеспры своей была въ семь случаѣ легковѣрна; а Мелькуръ по знакамъ, кошорые время опъ времени дѣлали между собою эши при танцора, догадывался, что они сговаривались пошупишь на счешъ его свояченицы.

Какъ скоро кончился коншрь-дансъ, Арманшина сѣвши подлѣ новобрачной, изъясляла ей свое прискорбіе, что она

надъ всѣми приближающимися къ ней производишь споль сильное дѣйствіе!— „Возможно ли! говорила она Марья, Карль, самый искуснѣйшій нашъ танцоръ, во все не могъ танцовать, попому что споялъ прошивъ меня!.. Дорсанъ боялся подавать руку! А бѣдный Жеркуръ смѣшался до такой степени, что не могъ докончить коншръ-данса! Вижу, что мнѣ должно опказаться опъ удовольствій бала, хопя до безумія люблю танцовать.“ Не говорила ли я тебѣ, опвѣчала ей Марья, что случается иногда слишкомъ дорого плашишь за преимущество бышь прелесшною. — „Признаюсь тебѣ что это часто меня беспокоитъ.“ Между тѣмъ, какъ онѣ такимъ образомъ разговаривали, оркестръ заигралъ вальсъ; четвертый молодой человекъ подходитъ къ Арманшинѣ, и проситъ ее танцовать. Изъ сожалѣнія она ему опказываетъ; онъ неопспуно ее проситъ. — Какъ не спыдно тебѣ опказываться опъ вальса, сказала ей пихоцько Марья, когда ты такъ прелесшно его танцуешь? — „Правда, опвѣчаетъ ей Арманшина, если не будушь перемѣняться

въ немъ кавалеры, по жерпвою изъ нихъ
будеть шолько одинъ. И шакъ она по-
даешъ руку кавалеру; но лишь шолько
сдѣлали они нѣсколько круговъ, молодой
человѣкъ, какъ будшо нечаянно чѣмъ ни-
будь пораженный, оставяешъ ее, вы-
ходишь изъ круга и падаешъ на софу,
жалуясь на сильное бѣненіе сердца, опъ
копораго будшо онъ вовсе не могъ ды-
шашъ. Всѣ его окружающъ, и всякой
спараешся подашь ему помощь между
шѣмъ, какъ Арманшина говоритъ своей
сеспрѣ: „видишь ли, что никто не мо-
жетъ сопрошивляшься силѣ моихъ пре-
лестей; однакожь и я лишаюсь удоволь-
ствія шанцовашъ вальсъ. По крайней
мѣрѣ, примолвила она, шеперь не ска-
жушь, что бы крѣпкіе духи, копорыми
прежде я прыскалась, дѣлали въ нынѣш-
ній вечеръ шаккой безпорядокъ, пошому
что я давно уже ихъ оставила.“

Сии различныя происшествія про-
извели во всемъ балѣ живое впечатлѣ-
ніе; а Г. Дюмонъ, не привыкшій углуб-
ляшься въ разсмаприваніе причинъ, смѣ-
ялся шакому безпорядку опъ чистаго
сердца; что же касается до Мелькура

онъ не переспавалъ примѣчашъ за своими пріяшелями, и былъ совершенно увѣренъ въ своихъ подозрѣнiяхъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того милая Госпожа Мелькуръ, соскучась опъ баловъ и пышныхъ обѣдовъ, копорые даны были по случаю ея свадьбы, предложила своему мужу и опцу съ сеспрою ѣхашъ завпракашъ на Канкальскiя горы. — „Тамъ, сказала она имъ, услышимъ мы любезныхъ нашихъ пѣсельницъ, шамъ-шо поѣдимъ прекрасныхъ усприцъ, до копорыхъ я спраспная охопница. О! это для меня будетъ самый прiяшный праздникъ.“ — Дюмонъ и Мелькуръ охопно прiняли предложенiе Марьи и опправились съ нею и Арманшиною на знаменишую Канкальскую гору; по прiѣздѣ взяли шамъ для себя особую компану подлѣ одной залы. Завпракъ былъ самый прекрасный и веселой. Сама Арманшина, не спрашась новыхъ жершвъ, была очень весела; но при концѣ сего прiяшнаго завпрака услышали они въ сосѣдней залѣ, копорую опдѣляла опъ нихъ одна шолько шонкая перегородка, смѣхъ и голоса многихъ изъ шѣхъ мо-

лодыхъ людей, которые были на Марьиной свадьбѣ. — „Не правда ли, сказала Жеркуръ, что мы выиграли закладъ, посмѣявшись надъ нею очень удачно?“ — Какъ всѣ пересуждаютъ эту прекрасную Арманшину! сказалъ Карль. — Она воображаетъ, говоритъ въ свою очередь Дорсанъ, надрываясь со смѣху, что не можешь удостоить насъ своимъ взглядомъ безъ того, что бы не поразить сердце. — Какъ скоро къ ней подойдешь, сказала другой, она уже думаешь, что ей хотѣшь дѣлать объясненіе въ любви. — Мнѣ кажется, я не дурно представилъ пререшаніе сердца, вскричала танцовавшая съ Арманшиною въ день Марьиной свадьбы вальсъ; какъ прелесно упалъ я на софу! — А я, сказала Дорсанъ, во время всего конпръ-данса не осмѣлился коснуться до нея пальцомъ и взглянуть на нее безъ вздоховъ, между шѣмъ какъ едва могъ удерживаться опъ смѣха. — А я, господа, а я! сказала Карль, пожертвовалъ славою прекраснаго танцора, пропускалъ па, мѣшался въ кадансѣ и эшимъ увѣрилъ ее, что ея прелести поразили меня какъ громовой ударъ! — Вы

безнодобно играли свои роли, сказали нѣкто, и мы охотно отдаемъ выигранный вами закладъ.—Красавица думаетъ, сказала Дорсанъ, что мы по ней вздыхаемъ, умираемъ отъ любви къ ней, между шѣмъ какъ Айское вино и Канкальскія устрицы опмцаютъ за насъ ея жестокость.— За здоровье пщеславной красавицы! вскричали всѣ вмѣстѣ. Ахъ! еслибъ она еще доспавила намъ случай повеселишься здѣсь на ея счетъ! —

„О мошенники! сказала Дюмонъ, какъ они смѣются надъ шобою!“ — Это молодые вѣпренные люди, кошорыхъ должно извинишь, сказала Мелькуръ; они совсемъ не воображаютъ, чтобъ мы были здѣсь и шакъ близко отъ нихъ; сей часъ иду къ нимъ и заспавлю ихъ замолчатъ....— „Ахъ! ради Бога, не прогайше ихъ, сказала Арманшина, остановивъ его; они мнѣ дѣлаютъ шоль великую услугу, какой я и не воображала; шеперь шолько вижу, до какой шепени я заблуждалась..... Кто подвергается шаккой жестокой кришкѣ, шопъ долженъ имѣть мужество и перенести ее; прошу васъ не прерывать ихъ разгово-

ра.“ — Надобно впрочемъ признашься, сказала Карль, что весьма жалко видѣшь споль прекрасную молодую дѣвицу, какъ она смѣшнымъ своимъ щещеславіемъ помрачаетъ любезнѣйшія свои качества. Еслибъ она была кокетка, тогда въ защиту ея не сказалъ бы я ни слова; но вы согласитесь со мною, что одна только доброша ея сердца доспавила намъ случай посмѣяться надъ нею: опасаясь умножить наши спраданія, переспала она шанцовать съ нами, боялась даже говорить съ нами, взглянувши на насъ. — Это правда, сказала Жеркуръ, она имѣетъ природныя качества превосходныя; но какъ же вы хошите, что бы она не была ослѣплена до такой крайности, когда съ самымъ шѣхъ поръ, какъ спала себя помнишь, слышишь о по всѣхъ льспивыя похвалы красоти своей. Лишась еще въ младенчествѣ мащери, находилась она подъ надзоромъ одного только опца, копорой, хотя и очень хорошій человекъ, но занимается болѣе коммерціею, нежели исправленіемъ недоспашковъ своихъ дочерей. — Это совершенная правда, сказала

Дюмонъ. — Сестра ея, примолвилъ Дорганъ, конечно любезнѣйшая женщина, но споль добросердечна, и сполько очарована красою и достоинствами своей сестры, что безпрестанно ей льстишь и приводишь ее въ заблужденіе.—Слышишь ли, Марья? сказала ей выразишельнымъ тономъ Арманшина, пожавъ ея руку. — О! возразилъ Карль, если бы кто могъ открышь ей глаза и объяснишь всю странность ея обхожденія; то я увѣренъ, что она пошчасъ сдѣлалась бы самою скромною и наилучшею женщиною: въ такомъ случаѣ заслужила бы она искреннія отъ насъ похвалы вмѣсто шеперешнихъ насмѣшекъ, копорыхъ, признаюсь, никогда я не любилъ и не люблю.—

„Я воспользуюсь эшимъ урокомъ, сказала Арманшина отцу своему, и очень рада, что случай даль мнѣ узнать истину. Выйдемъ отсюда потихоньку: пусть эти молодые люди забавляются здѣсь какъ хошашъ.....Никогда не забуду, примолвила она съ выразишельностью, что Карль взялся защищать меня, и при первомъ съ нимъ свиданіи непременно поблагодарю его за это.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Карль приѣхаль съ визитомъ къ ново-
 брачнымъ. Онъ удивился простому и
 скромному обхожденію Арманшины, ко-
 торая весьма примѣтно перемѣнилась.—
 „Вы видите плоды шрудовъ вашихъ“ ска-
 зала она ему съ прогашельнымъ добро-
 душіемъ. — Плоды шрудовъ моихъ! Я
 васъ не понимаю. — Двумя словами все
 объясню вамъ, сказалъ Мелькуръ: случай
 привелъ насъ всѣхъ чепверыхъ слышашъ,
 что вы говорили за веселымъ завпра-
 комъ на Канкальской горѣ. — Какъ? воз-
 можно ли?.....Ахъ, прекрасная Арманшина!
 И я шеперь въ вашихъ глазахъ... — „Какъ
 предмѣтъ вѣчной моей признашельно-
 сти.“ — Такое великодушіе меня смуща-
 ешь! Не уже ли въ самомъ дѣлѣ простите
 вы провинившихся предъ вами вѣпренни-
 ковъ?... — Правда, они довольно на швой
 счетъ цѣвеселились, сказалъ Дюмонъ.—
 „Однакожь между ими былъ одинъ, копо-
 рой защищаль меня.....и признался еще,
 что никогда не любилъ и не любилъ на-
 смѣшекъ, копорымъ однако обязана я
 буду всѣмъ моимъ счастиемъ.....Когда и
 чѣмъ могу я доказашъ ему искреннюю

мою благодарность?“ — Тѣмъ, если онъ
будешь обнадеженъ въ полученіи со вре-
менемъ руки пойдѣ, копорую осмѣлился
защищать и копорая съ сей минушѣ
въ глазахъ его сдѣлалась совершеннѣй-
шею женщиною.— „Еслибъ вы не испра-
вили меня опъ моего щеславія, то я
можешъ бышь и повѣрила бы вамъ; но
пеперь надобно мнѣ подождать, чшобъ
время и размышленіе могли меня сдѣ-
лать дѣйствительно васъ доспойною.“ —
Доспойною меня! вскричалъ Карль съ
живѣйшимъ воспоргомъ. Въ семь слу-
чаѣ нѣтъ уже никакой опсрочки для
моего счасія.— Такъ, почно шакъ, ска-
зала Дюмонъ въ великой радости; давно
уже мы съ опцемъ его помышляли объ
эпомъ союзѣ, и я желаю совершишь его
сколь можно скорѣе. Добрая Арманши-
на! Ты не надолго уступила право сво-
его старшинства.— И шакъ не одна я
буду счаслива! сказала Марья, обнимая
сеспру свою ... ты видишь пеперь, лю-
безная Арманшина, чшо можно любишь
и наславниковъ.—

Съ Франц. А.

СМѢСЬ.

Мысли, замѣтанія и краткіе анекдоты.

Каждый преступникъ есть виновный; но не каждый виновный есть преступникъ, шакъ почно какъ каждый квадрашъ есть чешвероугольникъ, но не каждый чешвероугольникъ есть квадрашъ: мѣра споронъ — значительность вины дѣлаешь разность.

Палка для меня то же, что для иныхъ прошекція: опираюсь на палку, когда скользко, и упошребляю ее вмѣсто баланса.

А. Сиверскій.

Нѣшъ совершенства въ мѣрѣ: люди, не сполько порочные, называющя добродѣтельными; люди не сполько слабые почишающя великими.

Зависть безсильна вредить Генію. Орель паритъ подъ солнцемъ и презираешъ жало ядовишой змѣи: она не доползешъ до неба.

Умѣшъ молчашъ, въ искусствѣ говоритъ, есть способъ нравиться.

Изящное цѣнится невольнымъ воспорго-
гомъ.

Враги и подражатели суть невольные
данники величія.

Н. Ельтаниновъ.

Съ вельможами надобно поступать какъ
съ покупщиками: чѣмъ болѣе у нихъ запро-
сишь, тѣмъ болѣе они и дадутъ.

Нѣтъ ни одного человѣка, котораго бы
знакомство не принесло намъ какой нибудь
пользы: отъ умнаго и добраго научимся мы
тому, что должны дѣлать; отъ глупаго же
и злаго, чего не должны дѣлать.

Двое чрезвычайно дородныхъ мужчинъ
шли однажды зимою по улицѣ въ самую
вѣтреную погоду; снѣгъ почти весь снесло
и земля покрыта была голымъ льдомъ; шед-
шій передъ ними человѣкъ, поскользнувшись,
упалъ, и къ несчастію шпакъ ушибся, что
принуждены были отнести его въ ближай-
шій домъ. „Сохрани Боже, сказалъ тогда
одинъ изъ нихъ другому, если съ тобою это
случится; что бы поднять и отнести ше-
бя, надобно по крайней мѣрѣ десять чело-
вѣкъ!“—А шебя, отвѣчалъ ему товарищъ, не

снесуть, думаю, и десятеро, развѣ сходятъ
раза три.

Вл.

Прошедшій годъ встрѣчалъ я въ многолюдномъ обществѣ. Многіе изъ госпдей говорили вздоръ, кричали, кохошали и никто не обращалъ на нихъ вниманія. Когда пробило двѣнадцать часовъ, я взглянулъ на изображеніе Спасителя, и перекрестясь, сказала вслухъ: *благослови, Господи!* Всѣ на меня оглянулись и многіе улыбнулись. — Не должно никогда забываться.

Если слушатели ваши не убѣждаются въ предлагаемой вами истинѣ; и если вы перяете уже надежду къ обращенію ихъ на вашу сторону; то постарайтесь какъ можно скорѣе сдѣлашь слѣдующее: вопервыхъ — замолчише; вовшорыхъ — помолчише, и въ шретьихъ — молчише.

Мы часто говоримъ не для того, что бы сказашь что ~~ви~~будь, а для того, что бы не молчасть.

Что вы думаете объ этомъ чловѣкѣ, который сной посреди оркестра и не играя самъ, только стучишь или машешь палочкою? Могла ли бы существовать въ

этомъ концертѣ гармонія безъ его палочки?
— Прекрасный примѣръ для повиновенія.

Однажды случилась мнѣ нужда быть въ большомъ, знатномъ домѣ. Вошедъ въ переднюю, увидѣлъ я молодаго человѣка, прекрасно одѣшаго, кошорый отдавалъ разныя приказанія и кошораго шамъ называли Андреемъ Семеновичемъ; вхожу съ нимъ вмѣстѣ въ пріемную залу — шупъ множество въ мундирахъ, съ плюмажами и безъ плюмажей! Самый, повидимому спаршій, ударилъ его по плечу, сказавши: „Здравствуй, Андрюша!“ — Наконецъ вышелъ вельможа и поговоривъ съ предстоящими, закричалъ громко: „Андрюшка! шляпу!“ Тогда узналъ я, что молодой человѣкъ былъ — камердинеръ. — Какую разность производишь для него каждая горница въ отношеніи къ политическому его бытію! Важность его въ обратномъ содержаніи соразмѣрна распоянію, въ какомъ находился онъ опъ кабинета. — Чѣмъ ближе, тѣмъ меньше. — Впрочемъ это дѣлается не съ однимъ Андрюшкой! Мы тогда же узнали, что самъ вельможа, едва отвѣчавшій наклоненіемъ головы на наши низкіе поклоны, ѣхаль—кланяшся во всю спину.

Никостѣ.

Мнѣ чрезвычайно нравится прекрасная Фенелонава Басня: *Юный Бахусъ и Фавнъ*. Однажды сынъ Юпишера и Семелы, будучи еще подъ надзоромъ Силена, пѣлъ въ священной рощѣ подъ дубомъ стихи, а Фавнъ, припаясь подъ симъ же самымъ деревомъ, всякой разъ, какъ шопъ ошибался въ пѣніи, хохоталъ во все горло; Наяды и Нимфы невольно также за нимъ смѣялись. „Какъ смѣешь ты насмѣхаться надъ Юпишеровымъ сыномъ?“ спросилъ его Бахусъ. — А какъ смѣешь Юпишеровъ сынъ ошибаться? возразилъ Фавнъ. — Не рѣдко наши ученые, полуученые и вовсе неученые, подобно этому малолѣтнему побочному Зевесову сыну, восклицающъ: „какъ смѣющъ крикиковать меня? Я Адъюнктъ, я Профессоръ, я членъ шакого-то ученаго Общества и пр.“ — А какъ Г. Адъюнктъ, Профессоръ, членъ одного или многихъ ученыхъ обществъ, или кто бы то ни былъ, смѣешь писать нелѣпости и дѣлать ошибки прошивъ Грамматики и здраваго смысла?

Одинъ, жившій лѣтъ за двадцать предъ симъ въ Пешербургѣ дворянинъ, человекъ не такъ-то молодой, вздумалъ жениться на машрозской дочери, съ кошорою давно уже имѣлъ самую шѣсную связь. Онъ написалъ въ деревню къ опцу своему и машери, что

невѣста его сирота, дочь небогатаго служившаго въ *Нейшлотѣ* Офицера; что хотя она вовсе не имѣешь у себя приданаго и не получила приличнаго благородной дѣвицѣ воспитанія, но замѣняешь сіи недоспашки многими хорошими качествами, и сдѣлавшись его женою, составитъ непременно его счастье. Добрые родители позволили ему вступить въ бракъ съ избранною имъ невѣстою, и просили, что бы онъ вмѣстѣ съ нею, послѣ свадьбы, привѣхалъ къ нимъ въ деревню по первому зимнему пуши. Вобщѣ они обвѣнчались и наконецъ собрались въ путь.— „Смотри, Груша, швердиль дорогою новобрачный женѣ своей, если бапюшка или мапушка спросятъ тебя объ ошцѣ швоемъ, что ошвѣчай точно шадъ, какъ я писалъ къ нимъ, что ошець швой былъ бѣдной Офицеръ и служилъ въ *Нейшлотѣ*.“ — Знаю, знаю! ошвѣчала она.— Приѣхали молодые въ деревню, и старики приняли ихъ очень хорошо.— „Кто былъ швой бапюшка?“ спросила свекровь невѣстку.— Бапюшка мой былъ бѣдной Офицеръ; онъ служилъ при . . . при *эшафотѣ*! — „При эшафотѣ? Помилуй, что ты говоришь?“ — При *эшафотѣ*, мапушка сударыня, точно при *эшафотѣ*, спросите кого угодно.—

Одинъ старинный гарнизонный Генераль разговаривая съ чиновникомъ, служившимъ въ Депо картъ, сказалъ ему: „ваше мѣсто, думаю, получаете большой доходъ отъ продажи картъ.“—Извините, Ваше Превосходительство.... — „Полно же секретничать: да вотъ въ нашемъ пустомъ краю во всякомъ почти домѣ играютъ въ карты; сколько же выдетъ ихъ въ Москвѣ, въ Пешербургѣ и въ губернскихъ городахъ!“ Его Превосходительство занимался однѣми только *малыми* картами; а *большихъ* выдать ему не случалось.

Почтенный и остроумный Медикъ Г. К*** рассказывалъ въ одномъ обществѣ о удивительной силѣ нѣкопрыхъ цѣлебныхъ растеній. Случился шутъ какой-то провинціалъ, онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ Г. К***, и когда шутъ окончилъ рѣчь, обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: „смѣю спросить васъ, сударь, почто ли есть *разрывъ-трава*?“—Есть.—отвѣчалъ съ важностію Г. К***. — „И дѣйствительно срываетъ замки?“—Срываетъ. Только надобно умѣючи это дѣлать.—„Какимъ же образомъ? скажише, сдѣлайте милость.“—Надобно эту шраву положить на замокъ. — „Слушаю-сь.“ — Потомъ взять шопоръ и

бить изъ всей силы по правѣ обухомъ: никакой замокъ не устоитъ.

И.

О изобрѣтеніяхъ Англичанина Сизона.

На сихъ дняхъ дана здѣсь бывшему Одесскому Куицу Г. Сизону привиллегія на двѣ изобрѣтенныя имъ машины. Первая изъ оныхъ служитъ для обдѣльванія гранита. Извѣстно, что до сихъ поръ обдѣльваніе гранита производилось ручною работою довольно медлѣнно и съ большими трудами. Машина Г. Сизона такъ устроена, что можетъ давать граниту всякую форму и выдѣльваетъ его съ доспапочною чистотою. Она можетъ приводиться въ движеніе водою, парами или посредствомъ рукъ, но въ послѣднемъ случаѣ только для мѣлкихъ работъ и иногда можно сдѣлать ее подвижною. Къ ней съ большею удобностію можно также придѣлать и извѣстную уже машину для пиленія гранита. Вторая машина *сушильная* для всѣхъ родовъ хлѣба. Главное достоинство оной состоитъ въ удобствѣ и въ простотѣ механизма.

В.

Благотворенія.

1. Изъявленіе благодарности.

Съ чувствомъ живѣйшей признательности получилъ я отъ Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности *сто пятьдесятъ рублей* (150 р.) Болѣзнь моя, претѣй уже годъ продолжающаяся и беспрестанно усиливающаяся, лишаетъ меня надежды занять вскорѣ какую либо должность, кою могъ бы содержать себя съ сѣмействомъ; состоянія же вовсе никакого не имѣю; почему цѣню и долженъ дорого цѣнить благодаренія почтеннѣйшихъ благотворителей. *Титулярный Совѣтникъ Александръ Карловъ сынъ Маздорфъ.*

Сибирскѣ, 8 Августа 1819.

2. Отъ Издателя.

Издатель *Благонамѣреннаго* при запискѣ неизвѣстнаго благотворителя изъ *Вятки* отъ 11 ч. сего Августа, получилъ для раздачи бѣднымъ, а именно:

Несчастному, изувѣченному чиновнику 14 класса *Ивану Щелкунову* съ бѣдными его малолѣтными дѣтьми (см. VIII N° *Благонамѣреннаго* на прошедшій 1818 годъ, стран. 255) *десять рублей.* 10 р.

Вѣдному и больному Регистратору
Убыткову (см. X № сего журнала на
 нынѣшній годъ, спр. 272 и 273) пять
 рублей. 5 р.

Пресварѣлой Маіоршѣ *Т. Б. Байко-*
вой (см. VII № *Благ.*) пять рублей. . 5 р.

Женѣ чиновника 14 класса *Е. В.*
П-ой съ шестью малолѣтними дѣть-
 ми (см. I № *Благ.* спр. 67 и 68. пять
 рублей. 5 р.

Пресварѣлой и почти лишенной
 зрѣнія вдовѣ *А. Г. Софроновой* (см. IV №
Благ. спр. 264 и 265) пять рублей . 5 р.

Итого тридцать рублей

30 р.

Доставлены.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

СЕНТЯБРЬ 1819. N° XVII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

къ ПОСТУМУ.

Гораціева Ода.

О другъ мой! времени стремленье
Уносишь молодости цвѣшь:
Напрасны сны и моленье!
Отъ старости защипы нѣшь.

*

Хотя Плутону ежедневно
По шриса закалай воловъ,
Тѣмъ не смягчишь его духъ гнѣвной,
Не зришь и слезныхъ онъ ручьевъ.

*

Плутономъ Геріонъ шреглавый
Близъ Спикса въ Оркъ заключень,

И въ нѣдрахъ адскія державы
Терзашься Тицій осуждень.

*

И всѣ, въ превратный свѣшъ рожденны,
И Царь и земледѣль падушъ,
Всѣ смертію, Постумъ, сраженны
Въ могилу мрачную сойдушъ.

*

Вошце оружій будешь грозныхъ
И волнь ревущихъ избѣгашь,
Спрашишься въспровъ вредоносныхъ!
Нельзя кончины миновать.

*

Коцишъ увидѣшь должно черный,
Даная племени позоръ,
Сизифовы труды безмѣрны,
Тѣней блуждающихъ соборъ.

*

Ахъ! нѣкогда съ сѣмьей, друзьями
Тебя судьбина разлучишъ,
И только кипарисъ въшъвями
Въ глуши могилу осѣнишъ.

*

А швой наслѣдникъ съ круговою
Возсядешъ чашею злапой,

И сбереженныя побою
Польюшся вина въ ней спруей.

И. Покровскій.

~~~~~

КЪ ДРУГУ.

Романсѣ.

Когда во цвѣтѣ дней блаженство и любовь
Изъ полной чаши пилъ я съ милою моею,
То думалъ: „ жизнь въ сей мигъ покинушь
я гошовъ;
Ужь насладился ею! “

*

Среди всѣхъ ужасовъ , на Марсовыхъ по-
ляхъ,
Свершая грозный долгъ Беллоны бранной
сына,
Я громко восклицалъ, презрѣвъ, забывши
спрахъ:
„ Побѣда иль кончина! “

*

Опасности встрѣчавъ, съ безшрепешнымъ че-
ломъ,
Я видѣлъ близъ себя мгновенье роковое,
И говорилъ тогда согласно съ мудрецомъ:
„ Смерть для меня пустое! “

*

Османовился вдругъ—и новыхъ вдохновеній
Для живошворныхъ руки искалъ своей.

„Гдѣ я предметъ найду“ — спросилъ онъ у
друзей—

„Еще невѣдомый во области искусства,
„Предметъ, плѣняющій, возвышенныя чув-
ства,

„Въ природѣ видимой прелестный идеаль?“—
Тутъ каждый свой совѣтъ художнику да-
валъ:

Одни ему свои Музеи отворяли,
Въ Испалію его другіе посылали,
А я—къ тебѣ его прислалъ!

В. К — вѣ.

КНЯЖНѢ Ш ***

*(при посылкѣ нѣкоторыхъ изъ мо-
ихъ стихотвореній.)*

Вопшь слабые плоды минутныхъ вдох-
новеній!
Княжна! въ кругу пѣвцовъ я жалоспный
Пигмей;
Но, можетъ бышь, и мой возникъ, блеснулъ
бы Геній;
Когдабъ хотѣла ты бышь Музою моей.

В. К—вѣ.

На опвѣшъ Софіи, что у нея не
два сердца.

Съ свободой прежнею въ путь жизни
выступаю,
Узнавъ рѣшипельный, Софія, швой опвѣшъ,
Что *скряга-Купидонѣ* два сердца не даешь!
Имѣешь шы одно:—его я уступаю
Счасшливцу, что успѣлъ любовь въ шебѣ
возжечь.
Прощай же, Лѣлній Сады; на островъ уда-
ляюсь,
Чтобъ лучше избѣжать съ тобой опасныхъ
встрѣчь!
Тобою научень, клянусь, впредь не влюбляюсь
Въ прелестно личико, иль пару страстныхъ
глазъ;
Но что благой обѣшъ, тобой произнесенный,
Хранишь для одного Киприды даръ священ-
ный.
Связуй, о Гименей, два сердца — въ доброй
часть!
Пусть узелъ крѣпкій, неразрывный,
Безъ сердца третьяго, подасшь примѣръ
завидный!

В. С.

РАЗГОВОРЪ.

„Кпо шы, дия смѣшное?“—Я Эрощъ!
 „Какъ! шы Эрощъ?“—Чемужь шы удивился?—
 „Но опъ чего шы такъ перемѣнился?“—
 —Опъ времени, опъ моды, опъ хлопощъ.—
 „—Какъ похудѣль! и видъ какой развращной!“
 —Онъ нравится—и мнѣ весьма пріяшно...—
 „Пріяшно?“,—Да, я восхищенъ собой!—
 „Гдѣжь спрѣлы, лукъ, опасной факель твой?“
 —Пошеряны, да чшо въ нихъ!—“А повязка,
 Копорую въ слезахъ шы проклиналъ?“
 —Изорвана.—Прекрасно! я не ждалъ!....
 Бѣднякъ, бѣднякъ!..но это что за маска,
 Тамъ у тебя со стороны висипъ?“
 —Онѣ шеперь любимыя въ народѣ.—
 „Но козыхъ двѣ ноги?“...—Ахъ! это въ модѣ;
 А модѣ я обязанъ всемъ.—,О спыдъ!...
 Гдѣжь шы живешъ?“—Я всюду обипаю,
 Вездѣ мой тронъ—и только пожелаю,
 Все сдѣлаю, я всѣми управляю,
 Я богъ! — „Не для меня!“ — Для всѣхъ! про-
 щай!—

Т.

~~~~~

БУХГАЛТЕРУ К. Г.

Тебѣ, Фортуна, счешы,
 Тебѣ дала балансы

И повѣряшь искусство
Училищныя суммы.

*

Не можешь *теть* укрышься
Твоихъ очей орлиныхъ;
Сложенъ съ вычитаньемъ
Тебѣ всегда присущны.

*

Магистрамъ велемудрымъ,
Учителемъ воздержнымъ,
Всѣмъ сущимъ подѣ Минервой
Ты знаешь что въ награду.

*

Едва заря перстами
Край неба зарумянишь,
И громъ опъ счетовъ звонкихъ
Ужъ съ чердака несется.

*

Умолкла вся Природа,
Луна на тверди звѣздной:
Бухгалтерскія гусли
Еще не умолкающъ.

*

Бряцайте же вы вѣчно,
И гласъ вашъ да промчитсѣ
До города Якушовъ
И Нижняго-Камчатска!

ЗАГАДКА.

(Изъ Шиллера.)

Знакомъ ли милый образъ вамъ
 На нѣжномъ, свѣпломъ основаньи?
 Друзья! онъ сообщаетъ самъ
 Себѣ во всякій мигъ сіянье;
 Всечасно спановясь другимъ,
 Онъ вѣчно свѣжъ и невредимъ;
 Хоть малъ пространствомъ, но собою
 Знакомитъ смерсныхъ съ красоюю.

Видалиль вы кристалль такой:
 Алмазовъ выше онъ цѣной,
 Безъ жара свѣшитъ и блистаетъ,
 Весь міръ пространнѣй обнимаетъ,
 Его кругъ дивный небосклонъ
 Изображаетъ намъ пріятно;
 Но собственнымъ блистаньемъ онъ
 Прелестнѣй, чѣмъ чужимъ, стократно.

И. П.

~~~~~

ЛОГОГРИФЪ.

О радость! о восторгъ! Ужъ подлинно
 загадка!
 Боюсь, чтобы не было оштрафникамъ при-
 падка! —

Ты шутишь?—Право нѣтъ! я думалъ цѣлой
годъ.—

Вралевъ бы написать успѣлъ и сотню одъ.—

Послушай: я служу Богинѣ атрибутомъ,
Но въ образѣ перевернутомъ...—

Не по просодіи!—Чуръ слушать и молчать!

Но въ образѣ перевернутомъ

Отъ чистаго могу я подмѣсь ошличать;

Когда же съ головы часть шретью опорвашь,

То съ ногъ—животное съ опмѣнными ушами;

А если все перемѣшашь,

Попощую различными вещами:

Вотъ обихалища и радость мужичковъ!

Вотъ пища хищная и вотъ расшѣній влага!—

Помилуй! что за вздоръ! Какъ терпитъ и
бумага!—

Эхъ! милой, не мѣшай! и не шакихъ спищ-
ковъ

Въ шоржественныхъ мы одахъ начи-
шались;

И въ одахъ многое опгадывать спарались,

Однакожь не могли;

Конецъ-то выслушай, словечка два оспались!

Одно: есть царство на земли,

Гдѣ служишь эша вещь частенько въ нака-
занье;

Другое: шѣхъ людей названье,

Кошорымъ прямо не смощрѣшь...—

Ну, берегъ ли? нѣтъ силы ужь терпѣть!

Да нужно окончанье...

*Нѣтъ, нѣтъ, прости!
Хоть безъ припадка отпусти.*

Никостѣ.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Я первое мое не разъ произносилъ,
Когда къ народу я иль войску говорилъ;
Не рѣдко зависшь мнѣ гоповила *второе*;
Съ величьемъ *третьяго* всегда я выступалъ;
Но *цѣлое* мое прославилось бы вдвое,
Когдабъ шаланшомъ я подолѣ блисталь.

О. К. О.

2.

Мой первый слогъ —
Такой предлогъ,
Родительный падежъ который принимаешь;
Мой слогъ *второй*
Всегда съ весной
Природу намъ во всей пріятности являешь;
Послѣдній слогъ....
Скажу дай Богъ,
Чтобъ онъ тебѣ всегда на шонѣ удавался;
А въ *цѣломѣ* вдругъ

Найдешь ты двухъ
Писателей, не разъ которыми плѣнялся *).

К.

3.

Тѣлеснымъ *первое* всѣ недоспашокъ знають;
Вторымъ глупцы сокрышь свой недоспашокъ
чають;
А *цѣлымъ* многіе доспашокъ наживають.

А. З.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ N° XVI *Шарадъ*
первая значить: *Боб-ровъ*, вторая *Под-носъ*,
третья *Пуд-ра*.

—————

Загадка, напечатанная въ той же книж-
кѣ значить: *губы*.

~~~~~

—————

*) Я догадался. Прекрасная *Шарада!* Изд.

П Р О З А.

О РАЗЛОЖЕНІИ ВОДЫ *)

Когда въ подземнымъ берегамъ,
 Въ жилище мрачное къ пѣнямъ,
 Судьба меня сведеть, и въ сей спранѣ ис-
 плѣнья,

Я дара не лишусь священна пѣснопѣнья,
 Вы, ада жинели, услышите мой гласъ!

При звукахъ лиры вдохновенной

Я буду спрашивашъ у васъ:

Гдѣ Геній славной, незабвенной,

Который сотворилъ стихій различныхъ
 сонмъ,

И въ опшеской спранѣ, когда ярился громъ,
 Сраженный злобой въ испуленѣ

Онъ палъ — и возспеналъ весь міръ о семъ
 паденьѣ.

Богиню мрачныхъ береговъ,

Не щещноль смертный вопрошаешь?

Маситой вѣчности и ада намъ покровъ

И лирный гласъ не оптверзаешь!

И такъ при гробѣ мудреца

Воздамъ достойну дань дѣламъ его и
 мнѣнямъ;

---

*) Изъ *Lettres à Sophie, sur la physique, la chimie et l'histoire naturelle*, par Aimé-martin. Paris. 1818.

Чтобъ славу возвѣспишь сего наукъ жреца,
 Назвашь лишь надлежишь ума его творчья!

Приготовившись, Софія, услышашь о
 вещахъ удивительнѣйшихъ; я буду гово-
 рить о Лавуазьерѣ.

Одинъ мудрецъ сказалъ, что ученые
 передъ напурой подобны слѣпымъ пе-
 редъ карпиной. Сіе сравненіе можешь
 особенно отнести къ себѣ Химикъ,
 испытующій спихіи воздуха и воды.
 Дѣйствительно, не кажешь ли онъ
 слѣпымъ передъ сими газами, копорые
 укрываются отъ лучшихъ глазъ? Одна-
 ко же онъ подвергнулъ ихъ своимъ испы-
 таніямъ; онъ ихъ взвѣсилъ, измѣрялъ,
 перелилъ изъ одного сосуда въ другой;
 онъ умѣлъ испоргнуть ихъ изъ ве-
 ществъ, въ коихъ они находились, и
 соединить ихъ съ другими веществвами.
 Прежде удивлялись слѣпому Содерсону,
 копорый читалъ публичныя лекціи Оп-
 тики; но Физикъ производилъ чудеса
 необычайныя: ибо свѣтъ слѣдуешь зако-
 намъ геомешрическимъ и лучи его мож-
 но изобразить линіями, между шѣмъ
 какъ газы распространяются почти
 по всѣмъ направленіямъ.

Ахъ, Софія, сколь удивилелень
попъ, копорый сошвориль подобную
науку!

Съ земли, гдѣ швой удѣль—печали и стра-
данье,

Но слава гдѣ швоя преидеть ко всѣмъ вѣ-
камъ,

Откуда мирная душа швоя въ стenanъ,
Но и съ безмершіемъ взнеслася къ небесамъ,

Привѣствую тебя, о непостижный геній!
Тебя, кто освѣшилъ для насъ природы ходъ,
Кто вѣчный мракъ для насъ, разсѣявъ за-
блужденій,

Вѣнчаный лаврами возшелъ на эшафотъ.

Тираны не могли тебя лишить сей славы.
Какъ подъ сѣкирою пы жизнь свою сконча-
чалъ,

То утѣшеніе за горьніа оправы
Ты въ храмъ памяти досшойно воспріялъ.

Коль времени полеть, въ печены неизмѣнной,
Своихи сокрушишь въ свирѣпости своей,
Ты будешь царшвовать еще надъ сей все-
ленной

Чудесной силою швоихъ злыхъ идей.

Благодаря сему герою ученыхъ, я
намѣренъ удвоить ваше могущество; вы
будете разлагать стихію, сославлять
ее, и снова разлагать по произволу.

Я уже говорилъ вамъ о многихъ га-
гахъ, невидимыхъ существахъ природы
и шворенія; вопшь еще новой, не менѣе
удивительной: онъ называется *водотворѣ*,
ибо образуешъ одну изъ составныхъ ча-
стей воды; и шѣмъ примѣчательнѣе,
что газъ сей, есть одинъ изъ газовъ на-
иболѣе горючихъ.

Главное свойство его состоишь въ
томъ, что онъ съ кислороднымъ га-
зомъ производишь воду, когда ихъ со-
жигаютъ. Не безъ удивленія, можетъ
быть, услышите вы, что сей самый
водотворъ поднимается часто изъ гро-
бовъ, изъ горячихъ ключей, со дна бо-
лошь, въ видѣ длиннаго пламени синята
или краснаго.

Вопшь источникъ чародѣевъ,
И волшебниковъ-злудѣевъ,
Спрашвхъ древле на земли!
Вопшь воздушные огни;
Сказки нянекъ успрашенныхъ
О покойникахъ явленныхъ.

И такъ вода состоишь изъ жидко-
сти воспламеняющейся и изъ жидкости
способствующей къ горѣнію. Чудесная
шайна шворенія! Чрезвычайное ошкры-
тіе челошѣка!

Вошѣ опытѣ Лавуазьера, послѣ различныхъ испытаній.

Онѣ взялъ фарфоровую трубку, положилъ въ нее желѣзныхъ опилокъ, подвергнулъ ее дѣйствию огня и пропускалъ черезъ оную водяные пары; вода разложилась, по естѣ, кислородъ ея, имѣя болѣе сродства съ желѣзомъ, нежели съ водородомъ, соединился съ опилками, а освободившійся водородъ получился въ спеклянномъ сосудѣ. Но удивительнѣе всего то, что увеличеніе вѣса въ желѣзѣ съ вѣсомъ водороднаго газа, составили почти вѣсъ употребленной воды.

Лавуазьеръ имѣлъ въ рукахъ своихъ спихіи воды и внушенный геніемъ, онѣ началъ составлять сію жидкость, которую разложилъ. Вся Европа смошрѣла на него. Онѣ сказалъ: „соединимъ вмѣстѣ, въ спеклянномъ шарѣ, двѣ части водороднаго и одну кислороднаго газовъ; зажжемъ ихъ электрическою искрою.“ Тутъ онѣ былъ свидѣтелемъ быспраго горѣнія и въ *чистой водѣ* нашель почной вѣсъ двухъ газовъ, имѣ воспламененныхъ.

Должно осперегаться, чтобъ не сожигашь вдругъ большее количество сихъ двухъ тазовъ: ибо произойдетъ сильной громъ и спеклянной сосудъ разорвется подобно бомбѣ.

Кпо можешь себѣ вообразить пошь ужасный прескъ, копорый произошелъ въ день шворенія, когда Всевышній соединяя вмѣспѣ кислшворъ и водошворъ, образовалъ однимъ ударомъ грома всѣ воды океана, земли и неба?

По справедливости вы должны думать, что Лавуазьеру надлежало уничтожашь нападенія; но убѣжденія его имѣли силу копья Аспольфова, копорое опражало всѣхъ, къ кому шолько ни прикасалось.

Къ сраженью былъ всегда готовымъ:

Къ побѣдѣ пущь ему былъ бой;

Форшунной подаренъ былъ вѣшью золошой,

А славою—вѣнцемъ дубовымъ.

Сколь ни удивительны опкрышя Лавуазьера, однакожь нельзя ихъ опвергнуть, ибо онѣ основаны на опыпахъ. Между шѣмъ его опкрышя произвели шо, что нѣкопорыя явленія напуры сдѣлались пруднѣе къ объясненію. Уче-

ные тщетно вопрошаютъ себя, какимъ образомъ вода можетъ состоять изъ жидкости воспламеняющейся и изъ жидкости способствующей къ горѣнію? Какимъ образомъ сія видимая жидкость состоитъ изъ двухъ стихій невидимыхъ? И какъ можетъ она прохлаждать наши чувства, заключая въ себѣ сильнѣйшій огонь?

Но если натура не позволяетъ намъ проникать въ сокровеннѣйшія тайны ея, то она открыла намъ удивительнѣйшія свои благодѣянія и позволила узнать нѣкопорыя изъ великихъ ея дѣйствій.

Изъ двухъ стихій воды, одна способна къ дыханію всѣхъ животнохъ, другая не можетъ служить къ поддержанію ихъ жизни, но она кипаетъ распѣнія; и сей-то газъ, образующій часть существа цвѣповъ, по непонятному, дѣйствию, дѣлается видимымъ, превращаясь въ померанцовое дерево, въ дубъ, въ кедръ.

И такъ распѣнія имѣютъ свойство разлагать воду, кипаясь газомъ бесполезнымъ для животнохъ, и ощу-

скашь въ атмосферу благодѣтельный газъ, несущій жизнь въ существо чело-вѣка.

Такимъ образомъ, сіи смѣющіеся ковры, съ коихъ пасушка срываетъ цвѣты для букета; сіи цвѣшущія поля, сіи очаровательныя рощи; въ коихъ вѣтреная юность пляшетъ при звукахъ свирѣли — служатъ къ очищенію атмосферы, которая, отъ дыханія столь великаго числа живопныхъ, сдѣлалась бы скоро смертельною. Количество новаго воздуха соотвѣтствуетъ количеству воздуха, сдѣлавшагося неспособнымъ къ дыханію; цвѣты и деревья отдѣляютъ его столько, сколько нужно для человѣческаго рода. И не вѣряшь Могуществу, которое предвидишь, измѣряешь и создаешь!

Живопныя движутся и ищутъ себѣ пищи: неподвижное растеніе помѣщено посреди своего питанія; его вѣтви, простирающія во всѣ стороны, и его безчисленные листья, суть опверзскія, поглощающія воздухъ и воду, ихъ окружающую. Если возьмешь во вниманіе, что растительное царство есть еди-

ное основаніе жизни животнохъ, копорыя въ свою очередь испребляюся человекомъ, по удивленіе возрастаешъ: кажешся, что луга, лѣса, животноя и наконецъ мы сами, сущъ только малое количество воздуха, дуновение, котороѣ Всевышній уничтожаешъ по произволу. Великая и ужасная мысль, показывающая въ поже время наше ничтожество и могущество Создателя!

И такъ по, чему наиболѣе человекъ удивляешся, сіи прохладныя роци, сіи цвѣтущія долины, почвы опличаюся опъ нашей атмосферы только видомъ; по, что услаждаешъ насъ на обѣдахъ, ешъ не что иное, какъ малое количество воздуха, превращенное въ померанецъ, персикъ, ананасъ; но щипно будемъ мы питашся углеворомъ, водопворомъ, азопомъ: сіи газы должны прейши въ растѣніе, чтобы сдѣлашся способными къ поддержанію нашего существованія. Посему растѣніе ешъ средство, употребляемое природою для того, чтобы представилъ человекъ немного воздуха въ видѣ приятнѣйшемъ; споль блестящее чудо существуешъ для

обеспеченія плодородія земли и вѣчно-спи міровъ.

Надѣюсь, вы не обвините меня, что я въ другой разъ говорю вамъ о семъ удивительномъ законѣ. Возвращаюсь къ моему предмету.

Горючій воздухъ, или водопворъ, играетъ важную ролю въ явленіяхъ природы. Обладая чрезвычайною легкостію, онъ успремляется къ небу и производитъ въ высокихъ сранахъ блистательнѣйшія и ужаснѣйшія зрѣлища; если элекприческая искра зажжетъ его, то онъ производитъ, какъ говорятъ нѣкоторые физики, бурные дожди (*), свѣщающіеся метеоры, падающія звѣзды, огненные шары и даже громъ.

Но не подумайте, чтобъ открытіе сихъ явленій оспалось бесполезнымъ: поелику, посредствомъ нѣкоторыхъ приготовленій, сей газъ горитъ, испуская бле-

(*) Легко понять, что водопворъ соединяется тогда съ кислотворомъ атмосферы и образуетъ воду. Сей способъ объясняетъ бурные дожди, кажется для меня весьма удовлетворительнымъ.

спящее пламя, по нынѣ употребляютъ его въ лампахъ, въ факелахъ и онъ освѣщаетъ уже цѣлые города.

Дайте сосудъ съ водою физики и онъ найдетъ въ немъ великолѣпные огни.

Кажется, что наука находитъ удовольствіе въ ободреніи нашихъ открытій, ибо въ нѣкоторыхъ странахъ, она помѣстила источники углеводороднаго газа, почти такъ, какъ на горахъ водворила она источники рѣкъ.

Физики примѣнили многіе изъ сихъ воспламеняющихся фонпановъ въ окрестностяхъ Лондона и Флоренціи; и я не сомнѣваюсь, что скоро соорудятся каналы и трубы для приведенія сихъ невидимыхъ газовъ въ города. Тогда будутъ имѣть естественные источники свѣта; и для освѣщенія залы, для иллюминаціи города, только нужно будетъ открыть кранъ.

Тогда возможно будетъ, во время великихъ праздниковъ, воспламенить всѣ сіи фонпаны, производить источники свѣта и огненные рѣки, которыя наконецъ можно основать по произволу.

Наши фейерверки покажутся тогда темною передь сими огнями, конырые приготоуляешъ намъ наука и коихъ издержки принадлежашъ намурѣ.

Водошворной газъ естъ уже причина поликыхъ чудесъ, что вы можете легко повѣрить симъ послѣднимъ.

Уже посредствомъ онаго воздушный путешественникъ возлешаетъ съ шоржествомъ въ область небесную, и плауая, подобно орлу надъ бурями, беретъ онъ въ свое владѣнiе сей новый свѣтъ, во имя человека и Монгольфьера. Такъ возлешаетъ вдругъ смѣлый Пилапръ де Розіе.

Уже и башни исчезающъ,
 Уже и градъ ошъ взоровъ скрытъ,
 И рѣки бурныя являющъ
 Источниковъ журчащихъ видъ;
 Онъ зршъ въ пространствѣ человека
 Игралищемъ спрастей своихъ;
 Имъ смершный подчиненъ ошъ вѣка,
 Не знаешъ онъ причины ихъ.
 Обитель нашу оставляя,
 Онъ зршъ героевъ сей земли;
 И звуку бранному внимаю,
 Онъ слышишъ бубновъ гулъ вдали.
 Но онъ лепишъ — и вокругъ молчанье,

И брани вопль умолкъ — и вошь
 Подъ нимъ безмѣрно разспоянбе
 Скрываешъ гордыхъ смертныхъ родъ.
 Увы! какое заблужденье!
 Къ чему намъ ненависть пишашь,
 Коль люди небомъ при рожденъѣ
 Обречены терпѣшь, страдать
 И вмѣстѣ къ гробу поспѣшашь?

Однако не бойпесь, что нашъ воздушной пупешеспвенникъ подниметсѣ до луны; скоро шаръ его, пришедъ въ равновѣсїе съ находящимся въ высотѣ разрѣженнымъ воздухомъ, переспанетъ восходишь вверхъ. Но сколько прїятныхъ новостей услышали бы мы отъ него, если бы онъ удалившись отъ сферы прївлеченїя земли, упалъ на луну! Сколько прелестныхъ описанїй, сдѣлалъ бы онъ о ея горахъ, ея долинахъ, ея волканахъ, ея пещерахъ, копорыя наши ученые видѣли, такъ сказашь, въ близи своихъ очковъ! О веселый Аспольфъ! сколько сдѣлалось перемѣнъ въ сей странѣ послѣ швоего пупешеспвїя!

Впрочемъ можно надѣяться, что нѣкогда искусство сїе усовершипсѣ до того, что воздушный пупешеспвенникъ,

вознесшись на большую высоту, бросишь якорь и станешь неподвижно надъ землею, пекущею по пространству. Тогда мѣръ, въ нѣсколько часовъ совершишь кругообращеніе подъ его стопами; великое зрѣлище вселенной будетъ передъ нимъ; и земля произведетъ свое печеніе.

Проспите, Софія. Если все сіе внушишь вамъ охоту къ путешествіямъ, то избери те меня вашимъ рыцаремъ: счастье бытъ при васъ будетъ самою лучшею для меня наградой.

Опѣзда сладкой день - къ блаженству будетъ знакъ!

Увидѣвши меня, всѣ скажутъ безъ сомнѣнья:

Такъ спранныкъ-Телемакъ,

Ведомый мудросью, свершалъ судьбы велѣнья!

О Рыцарь вѣрный на земли!

Амадись, Дюнуа ничтожны предо мною:

Напрасно буду я стремиться къ грозну бою,

Чтобъ васъ прелесный всѣхъ нашли!

Дмитрій Менъшенинъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ СОЛНЦА НА МОРЬ *)

(Отрывокъ изъ писемъ о Греціи Савари.)

Я упредилъ денницу, что бы насладишься на свободѣ восхожденіемъ солнца. Сіе зрѣлище на чиспомъ морѣ прекраснѣе всѣхъ, которые природа предспа-вляешь взорамъ путешественника. Поспараюсь изобразить оное съ возможною вѣрностію.

---

*) Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Грецію, ни одинъ не умѣлъ описать такими яркими красками и съ такою вѣрностію сей прекрасной страны, какъ *Савари*. Одаренный ошъ природы богатымъ воображеніемъ, зрѣлымъ, наблюдательнымъ умомъ и рѣдкою чувствительностію, Савари съ самыхъ молодыхъ лѣтъ приспрасхилъ къ древнимъ языкамъ, мечпалъ объ одной Греціи, любилъ одного Гомера, и съ воспоргомъ переносилъ вмѣстѣ съ нимъ по въ цвѣпуція долины Аппики, по на снѣжныя вершины Фессалии. Пламенное желаніе увидѣть мѣста, освященныя присушствіемъ Музъ и Грацій, сдѣлалось для него необходимостью. Онъ искалъ случая посѣхить Грецію—и нашель его. И какъ шре-

Погода ясна, воздухъ чистъ, свѣжесль сладосшна. Легкій, попушный вѣперокъ едва надуваетъ наши паруса. Ничто не прерываетъ молчанія, царствующаго на водахъ.

Нѣсколько звѣздъ, блиспающихъ еще на небѣ, скоро исчезнешь. Уже первые лучи утра проникають сквозь голубовашый паръ небосклона. Ночь бѣжитъ на западъ, собирая бѣглыя свои пѣни.

Воспокъ поспеценно покрывается красками. Сквозь воздушныя облака бросаетъ онъ огненныя стрѣлы, кошорыя проводяшь на голубомъ сводѣ пурпуровыя полосы. Сцена перемѣняется безпрестанно. Предметы спановяются виднѣе, краски живѣе. Но какое зрѣлище удивляетъ взоры мой? Безчисленное множество золотыхъ лучей, вылетая изъ общаго центра, разсѣвается по воздуху. Воспокъ горитъ! Солнце показывается: я вижу блестящій шаръ, кошо-

---

пешало сердце пылкаго юноши, когда онъ завидѣлъ въ первый разъ, при потухающихъ лучахъ солнца, синѣющія дубравы ошрова Родоса.

рый выплываетъ изъ волнъ. Огненные попоки льются изъ нѣдръ его; блескъ ихъ ослѣпляетъ глаза. Вошь поднимается оно величественно надъ моремъ, которое отражаетъ образъ его до безконечности.

О солнце! ты наполняешь вселенную сіяніемъ, ты вливаешь радость въ сердца всѣхъ; твоимъ присутствіемъ оживляется вся природа. Привѣтствую тебя, прекрасное свѣтило! Благословляю десницу, назначившую славное твое печеніе!

В. Т.

КРАТКІЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ НѢКОТОРЫХЪ
КАВАЛЕРОВЪ ОРДЕНА СВ. АПОСТОЛА АН-
ДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО *).

*Рим. Имп. Графъ Ѳеодоръ Алексѣе-
вичъ Головинъ,*

Ближній Бояринъ, Генераль - Адмираль,
Фелдмаршалъ, Посольской Канцеляріи Пре-
зидентъ (Канцлеръ), Намѣстникъ Сибирскій
и Главный Начальникъ Аптекарскаго При-
каза, получилъ сей Орденъ 10 Марта 1699
года *первый* изъ рукъ самаго Основателя.

Онъ былъ сынъ Боярина и Воеводы
Тобольскаго Алексѣя Петровича Головина и
первый Государя ПЕТРА ВЕЛИКАГО помощ-
никъ въ важнѣйшихъ военныхъ и политиче-
скихъ дѣлахъ. Будучи Окольничимъ и На-

*) Изъ рукописи подъ заглавіемъ: *Полный Списокъ
Кавалерамъ Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго,
въ самаго учрежденія его нынѣ, съ краткими биогра-
фическими извѣстіями о каждомъ Кавалерѣ.* Надъ со-
ставленіемъ сего Списка шрудился служащій при
Капитулѣ Россійскихъ орденовъ Г. Надворный Совѣш-
никъ Д. И. Шлунъ и довелъ уже оный до 1730 года.
Трудъ сей шѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженіе, что
Г. Шлунъ собралъ для своего Списка всевозможные
матеріалы и по сіе время сдѣлалъ выписки болѣе,
нежели изъ спа рукописей и книгъ, какъ Русскихъ,
такъ и иностранныхъ. *Прим. Изд. Благ.*

мѣстникомъ Брянскимъ, поѣхаль онъ въ 1686 году изъ Москвы для прекращенія ссоръ съ Кишайцами, и въ слѣдствіе сего порученія 27 Августа 1689 года заключилъ близъ Нерчинска мирный прахшашъ, коимъ прекращены всѣ прежнія безпокойства и поставленъ рубежь между Россією и Кишаемъ.

По возвращеніи въ Москву пожалованъ Бояриномъ и Генераль Крисъ - Коммиссаромъ. Въ семъ званіи находился онъ въ Азовскомъ походѣ, а по взятіи Азова, въ числѣ прочихъ награжденъ медалью въ 6½ червонцевъ, кубкомъ съ кровлею и золотымъ кафшаномъ на соболяхъ, да въ вопчину дано ему въ Кромскомъ Уѣздѣ село Молодовское городище съ деревнями 57 деоровъ. Въ 1697 и 1698 годахъ отправлялъ онъ съ Лефортомъ по великое посольство въ Германію, Голландію и Англию, при которомъ находился самъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. По смерти Лефорта произведенъ въ Генераль Адмиралы.

Будучи Генераломъ, командоваль онъ въ 1700 году въ переомъ Нарвскомъ походѣ, въ 1702 получилъ Графское Римской Имперіи достоинство, а съ 1705 года, по смерти Боярина Льва Кириловича Нарышкина, былъ первымъ Министромъ или Канцлеромъ; но симъ званіемъ пользовался не дол-

го: поспѣшая къ Государю въ Кіевъ, скончался онъ на дорогѣ въ городѣ Глуховѣ 2 Августа 1706 года.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ *),

Генераль Фельдмаршалъ, Тайный Совѣтникъ и Орденовъ Мальшійскаго, Прускаго Чернаго и Польскаго Бѣлаго Ора Кавалеръ, род. 25 Апрѣля 1652, сконч. 17 Февраля 1719 года; пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Аностола Андрея Первозваннаго и Фелдмаршаломъ 30 Декабря 1701 года за первую побѣду надъ Шведскимъ Генераломъ Шлиппенбахомъ близъ Дерпта при деревнѣ Елестферъ, съ чемъ присланъ былъ къ нему тогда Поручикъ оипъ бомбардиръ Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Графъ Борисъ Петровичъ былъ старшій сынъ Ближняго Боярина Петра Васильевича Шереметева, вступилъ въ службу на 13 году своего возраста ко Двору Царя Алексѣя Михайловича Комнашнымъ

---

*) Четвертый Кавалеръ Орд. Св. Андрея; вшорымъ Кавалеромъ сего ордена былъ Малороссійскій Гешманъ Мазепа, а прешыимъ Баронъ Марквардъ Лудвигъ фонъ Принценъ Прусскій верховный Машраль,

Спольникомъ, служилъ также въ семь звани Царю Ѳедору Алексѣевичу; между пѣмъ находился въ военныхъ походахъ при опцѣ своемъ, а въ 1681 году командовалъ корпусомъ войскъ противъ Крымскихъ Татаръ у Пущимля и былъ пожалованъ Воеводою и Намѣстникомъ Смоленскимъ. По вступленіи на престоль Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, сдѣланъ Бояриномъ и Намѣстникомъ Вятскимъ. Онъ ѣздилъ въ Лембергъ къ Королю Польскому и въ Вѣну Посланникомъ, и выполнилъ всѣ данныя ему препорученія къ совершенному удовольствію Царей; по возвращеніи въ отечество, защищалъ границы Россійскія отъ набѣговъ Татарскихъ, взялъ многіе города и былъ помощомъ въ первомъ Азовскомъ походѣ.

Въ 1697 и 1698 годахъ путешествовалъ онъ по разнымъ Государствамъ въ видѣ Посла; былъ въ Краковѣ, Вѣнѣ, Венеціи, въ Римѣ и на островѣ Мальтѣ и вездѣ принималъ Государями, Папою и Мальтійскимъ Гросмейстеромъ съ опличнымъ уваженіемъ; послѣдній надѣлъ на него Мальтійскій орденъ. О семъ путешествіи пишетъ онъ самъ въ запискахъ своихъ слѣдующее: „я опъ
 „ѣзжаю ради видѣнія окрестныхъ странъ
 „и государствъ и въ нихъ мореходныхъ
 „противу непріятелей Креста Святаго
 „военныхъ поведеній, кошорыя обрѣщаются

„ въ Италіи, даже до Рима и до Мальтійскаго острова, гдѣ пребываютъ славные въ воинствѣ Кавалеры.“ Возвращаясь въ Москву 10 Февраля 1699 года, явился предъ Государя въ Нѣмецкомъ нарядѣ первый изъ Рускихъ съ Мальтійскимъ крестомъ.

Въ слѣдующемъ 1700 году, имѣя чинъ Генерала Аншефа, предводительствовалъ онъ нерегулярными войсками въ Нарвскомъ сраженіи, и если бы послѣдовали его совѣту, то, можеть быть, кончилось бы сіе дѣло въ пользу Рускихъ. Въ 1702 году разбилъ онъ Шлиппенбаха впорично, взялъ городъ Маріенбургъ и крѣпость Ніеншанць. Въ 1704 году предводительствовалъ войсками при покореніи городовъ Нарвы и Дерпта, потомъ побѣждалъ Шведовъ въ Ливоніи; но при Гемауершгофѣ въ Курляндіи долженъ былъ уступить Левангаупшу мѣсто сраженія и потерять артиллерію. Извѣщая ПЕТРА ВЕЛИКАГО о неудачномъ окончаніи боя сего, изъяснялъ онъ крайнее свое прискорбіе, что не удержалъ побѣды; но Государь, утѣшая его, отвѣчалъ: „не печалься: многіе ошъ того самага, что всегда имѣли успѣхъ, приходили въ погибель. Спайрайся сіе забыть, и внушишь шѣмъ болѣе бодрости въ своихъ подчиненныхъ.“

По усмиреніи имъ бунта въ Аспрахани и по занятіи сего города въ 1706 году, Мо-

мархъ писалъ къ нему: „за сей вашъ трудъ „Господь Богъ вамъ заашишъ, и мы не „оспавимъ.“ Въ томъ же году пожалованъ онъ Графскимъ Россійской Имперіи достоинствомъ. На славномъ Полшавскомъ сраженіи прострѣлена у него рубашка, изъ подъ камзола выбившаяся. Въ 1710 году прославился взятіемъ Риги, а въ слѣдующемъ находился подъ Прутомъ. По замиреніи съ Турками, сочелся вшорымъ бракомъ, жилъ послѣ того въ Малороссіи три года и столько же почти времени провель въ Польшѣ, Германіи и Даніи при арміи; наконецъ удалился по слабости здоровья въ Москву, гдѣ и кончилъ дѣятельную и славную жизнь свою. Тѣло его, по волѣ Государя, перевезено въ С. П. бургъ и погребено въ Александревскомъ монастырѣ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ *).

ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій, сынъ Царя Алексѣя Михайловича и Царицы Натальи Кириловны, урожденной Нарышкиной, Осно-

---

*) Шестый Кавалеръ Орд. Св. Андрея; пятымъ Кавалеромъ сего ордена былъ Графъ Вольфъ Диперихъ ф. Бейхлингенъ, Польско-Саксонскій Д. Т. Совѣтникъ и Великій Канцлеръ.

вашель Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, род. 30 Маія 1672, сконч. 28 Января 1725 года.

Когда, по взятіи того самаго мѣста, гдѣ нынѣ Петербургъ, прибыла къ устью Невы Шведская эскадра: то ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, не имѣя въ то время никакихъ военныхъ судовъ, посадилъ съ собою на 30 лодкахъ Гвардейскихъ и другихъ солдатъ съ Меншиковымъ и Головкинымъ, пустился на два передовыя непріятельскія судна съ одними только ружьями и гранатами, и не смотря на сильную пушечную стрѣльбу, взялъ оныя 6 Маія 1703 года, взошедъ первый на шпаву съ гранатнымъ огнемъ.

За сію личную храбрость Воинскимъ Совѣтомъ приговорено возложить на Государя ПЕТРА I орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; о чемъ, по свидѣтельству Г. Бантышъ - Каменскаго, въ дѣлахъ Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится слѣдующее:

„1703 года Маія 10, Капитану Бомбардирскому за взятіе непріятельскихъ двухъ кораблей данъ воинской орденъ Св. Апостола Андрея въ походной церкви, послѣ ошданія благодаренія Богу за пошъ надъ непріятелемъ одержанной аваншажъ. Тотъ орденъ положилъ на него Господина Капитана Великій Адмиралъ и Канцлеръ Графъ Головинъ, яко первый того ордена Кавалеръ.“

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ самъ писалъ о себѣ къ Графу Федору Матвѣевичу Апраксину: „Извѣстную вашей милости, что сего утра въ 5 часу пришла на устьѣ Невы неприятельская эскадра, подъ правленіемъ Вице-Адмирала Господина Нуммерса, о чемъ, унѣдавъ Нашъ Господинъ Фельдмаршалъ (Шереметевъ), послалъ Насъ въ 30 лодкахъ; и Мы пришедъ къ устью, гораздо осмотрѣли неприятеля, и по нарочитомъ боѣ, взяли два фрегата: одинъ *Геданъ* о 10 ти, а другой *Астрель* о 8 пушкахъ, а оковъ 14; понеже неприятели пардонъ зѣло поздно, закричали, того для солдаты уняшь было трудно, которые ворвався, едва не всѣхъ покололи; только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ во- семь лодокъ только въ самомъ дѣлѣ было; и сею никогда небывалою викторіею вашу милость поздравя, пребываю“ — а подъ рескриптомъ приписалъ: „хотя и недоспѣйны, однакожь опъ Господь Фельдмаршала и Адмирала, Мы съ Господиномъ Поручикомъ (Меншиковымъ) учинены Кавалерами Св. Андрея:“

Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

Свѣтлѣйшій Римской и Россійской Имперіи Князь и Герцогъ Ижерскій, Генера-

лиссимусъ, Адмираль, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Подполковникъ и орденовъ: Св. Александра Невскаго, Данскаго Слона, Польскаго Бѣлаго и Прусскаго Чернаго Орла Кавалеръ, род. въ Москвѣ 17 Ноября 1674, умеръ въ Березовѣ 22 Октября 1729 года.

За показанное участіе при взятіи двухъ Шведскихъ кораблей, орденъ Св. Андрея возложилъ на него первый Кавалеръ Графъ Головинъ въ той же церквѣ и шаковымъ же образомъ, какъ и на Государя ПЕТРА I.

Возведенъ изъ проснаго состоянія на высочайшую степень чести за истинныя услуги, оказанныя имъ Россіи подъ руководствомъ Преобразователя оной, коего вельній былъ онъ самый ревностнѣйшій исполнитель; служилъ сначала при особѣ Его и въ рощѣ *потѣшныхъ* солдапомъ, былъ въ Азовскихъ походахъ, путешествовалъ съ Государемъ по Европѣ, и возвращаясь въ Россію, участвовалъ во всѣхъ Его предпріятіяхъ.

По смерти Лефортова, своего благодѣтеля и друга, произведенъ онъ въ Генераль-Маіоры и сдѣланъ Губернаторомъ Псковскимъ, а по взятіи Шлиссельбурга Комендантомъ сей крѣпости, Губернаторомъ Лифляндскимъ, Корельскимъ и Ингерманландскимъ. Когда пришелъ онъ благодарить

за сіе ПЕТРА I, по Государь сказалъ ему:
 „пы симъ мнѣ не одолжень: возвышая пе-
 „бя, не о швоемъ счасніи я думаль, но о
 „пользѣ общей, и если бы я зналъ кого до-
 „спойнѣ шебя, конечно бы шебя не возвы-
 „силъ.“

Онъ имѣлъ надзоръ при построеніи С. П. бурга, заложилъ крѣпость Кронштадтскую, участвовалъ при завоеваніи всей Лифляндіи, способствовалъ къ одержанію славной Полтавской побѣды, гдѣ убиты подъ нимъ двѣ лошади, взялъ въ плѣнъ Левенгауша съ остальнымъ войскомъ и по возвращеніи къ арміи пожалованъ Фелдмаршаломъ.

Между тѣмъ оплучался онъ неоднократно въ Москву, Воронежъ, Курляндію, Польшу, Пруссію, Голшпинію и Померанію; разбивалъ Шведовъ, взялъ городъ Шшешинь; но съ 1714 года занимался болѣе государственнымъ дѣлами и жилъ въ С. П. бургѣ приобретеннымъ имъ богатствомъ съ величайшею пышностію. Истощивъ всѣ милости своего Монарха, лишился оныхъ приобретениемъ новыхъ сокровищъ непозволительными средствами и часто подвергался гнѣву его; но когда Предсѣдатель Коммиссіи о разсмотрѣніи разныхъ не порядковъ Князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ требовалъ резолюціи касательно пресупленной Князя Меншикова, по Государь сказалъ:

„не тебѣ, Князь, судишь меня съ Данило-
 „вичемъ, а судишь насъ съ нимъ будешь
 „Богъ.“ Впрочемъ до самой кончины ПЕТ-
 РА I находился онъ подъ взысканіемъ вели-
 кихъ денежныхъ штрафовъ.

Императрица ЕКАТЕРИНА I, по вступленіи своемъ на престолъ, положила ко-
 нецъ всѣмъ взысканіямъ съ Князя Менши-
 кова, ошдала ему во владѣніе городъ Бату-
 ринъ съ обласпью, а самъ онъ домогался
 въ по время получить Герцогство Курлянд-
 ское. Государь ПЕТРЪ II пожаловалъ его
 Генералиссимусомъ всѣхъ войскъ и обручил-
 ся съ его дочерью Княжною Марією Алек-
 сандровною; Римскій же Императоръ пода-
 рилъ ему Козельское Княжесство въ Силезіи.
 Сіе счастье ослѣпило его до того, что онъ
 хотѣлъ женишь сына своего на Цесаревнѣ
 Напаліи Петровнѣ, родной сестрѣ Импера-
 тора ПЕТРА II; но юный Государь замѣ-
 шивъ алчность его къ богатству, власто-
 любіе, умножившуюся силу и частое сопро-
 шивленіе волѣ Своей, лишилъ Князя Мен-
 шикова всѣхъ чиновъ, достоинствъ, знаковъ
 опличія и всего имѣнія и сослалъ его въ
 Сибирскій городъ Березовъ, гдѣ сносивъ съ
 большею твердостью несчастія свои, умеръ
 онъ отъ умноженія и сгущенія крови.

Князь Меншиковъ, безмѣрно любилъ Го-
 сударя ПЕТРА ВЕЛИКАГО и наблюдалъ всѣ

Его установленія относительно просвѣщенія Россіи. Ласковъ и благосклоненъ былъ ко всѣмъ шѣмъ, которые будучи гораздо ниже его, искали въ немъ милостей и старались угождать ему; напрошивъ того не могъ перѣтъ не только кого либо выше себя, но даже равнаго, особенно шѣхъ, которыхъ подозрѣвалъ въ намѣреніи превзойти его разумомъ. Главнѣйшими пороками его были корыстолюбіе и мстительность. Безъ сомнѣнія счастливо окончилъ бы онъ жизнь свою; еслибъ не былъ объятъ самымъ ненасыпнымъ честолюбіемъ и безмѣрною жадностію къ собранію имѣнія.

СМѢСЬ.

Краткія выписки, замѣтанія и анекдоты.

Въ Кишаѣ многіе опшельники лишають себя добровольно зрѣнія и говорять въ свое оправданіе: „мы запираемъ двѣ только двери опъ любви, а опворяемъ тысячу для премудрости.“

Сондерсонъ лишился зрѣнія въ самомъ еще младенчествѣ. Несмотря на это оказалъ онъ споль удивительные успѣхи въ Математицѣ, что его сдѣлали Профессоромъ сей науки въ Камбриджскомъ Университетѣ. Лекціи его отличались особенною ясноспію, попому что онъ объяснялъ все ученикамъ своимъ почно шакъ, какъ будто бы и они лишены были зрѣнія. Но всего непоняшнѣе шо, что онъ читалъ публичныя лекціи Оптики. Спорило ему только ощущать нѣсколько сряду медалей, что бы отличить наспоющія опъ поддѣльныхъ, чего иногда не могли сдѣлать и знапоки съ самымъ лучшимъ зрѣніемъ. Такимъ же почно образомъ узнавалъ онъ исправность и вѣрность математическихъ инструменшовъ,

ощупавъ только слегка находящіяся на оныхъ линіи или раздѣленія. Малѣйшія перемѣны въ атмосферѣ дѣйствовали на него чрезвычайно сильно, и онъ замѣчалъ по себѣ, особенно въ шихую погоду, предметы, не въ дальнемъ разстояніи отъ него находившіеся. Однажды, занимаясь въ саду астрономическими наблюденіями, узналъ онъ по дѣйствию воздуха на его лице, что солнце покрыто было облаками. Всего удивительнѣе то, что Сондерсонъ не только лишенъ былъ зрѣнія, но даже и самыхъ органовъ онаго.

Кривой бился объ закладъ съ зрячимъ; кто изъ нихъ болѣе увидитъ. Положили закладъ за руки. *Я выигралъ, сказалъ кривой: я вижу у тебя два глаза, а ты у меня только одинъ.*

Спросили у одного хромаго, который опредѣлился въ пѣхоту и отправлялся къ арміи, для чего онъ не пошелъ въ кавалерію? *Я иду на войну не съ тѣмъ, что бы мнѣ ретироваться или бѣжать, отвѣчалъ онъ.*

Весьма благоразумно поступаютъ иѣ, кошерыхъ какой либо пѣлесной недоспашокъ или безобразіе подвергають насмѣшкамъ, когда не принимаютъ ихъ за оскорбленіе, а обращаютъ въ шутку. Аббатъ Понсъ (de Pons) былъ горбатымъ и первый самъ смѣялся надъ своимъ горбомъ. Онъ былъ большой пріятель извѣстному писателю Ламонтю (La Motte Houdard) и его обыкновенно называли *горбуно иѣ Гна Ламонтю*. Однажды какой-то человекъ, принявъ его за своего знакомаго, подошелъ къ нему и началъ съ нимъ говорить. „Милосшивый Государь, отвѣчалъ ему Аббатъ: я не пошлъ горбунъ, за котораго вы меня принимаете.“

Одинъ молодой и довольно горбатый человекъ, который однако вовсе не признавалъ себя за горбашаго, отправленъ былъ депушашомъ со многими изъ своихъ сошварицей къ сшаршинѣ общества, куда только предъ пѣмъ приняли его въ члены. Сшаршина былъ шакже горбунъ и весьма ошпрый и веселый человекъ. Увидѣвъ горбъ у новаго своего молодаго сочлена, обнялъ онъ его дружески, вскричавъ: здравствуй, *сугубый мой сочленѣ!* Молодой горбунъ оскорбился шакимъ привѣшствіемъ и далъ замѣ-

пипть ему, что онъ напрасно называетъ его *сугубымъ* своимъ сочленомъ. — „Вижу теперь, сказалъ спаршина, что вы недостойны бытъ въ сословіи горбашыхъ: они всѣ люди умные.“

Одинъ сельскій Священникъ во Франціи воспишалъ съ величайшимъ раченіемъ чепырехъ большихъ собакъ: одну изъ нихъ назвалъ онъ *Аристотелемъ*, а другую *Декартомъ*; каждому изъ сихъ двухъ философовъ далъ по ученику и содержалъ объ паршіи въ величайшей между собою враждѣ. Когда Священникъ хотѣлъ позабавить своихъ гостей, то призывалъ Аристотеля и Декарта; каждый изъ нихъ спановился на свое мѣсто: Аристотель по правую, а Декартъ по лѣвую сторону; ученики же каждый подлѣ своего учителя. Священникъ предлагалъ сперва Аристотелю согласиться со мнѣніями Декарта; Аристотель начиналъ сверкать глазами и ворчаньемъ своимъ изъяснялъ свое упорство и несогласіе. Послѣ того Священникъ обращался съ подобнымъ предложеніемъ къ Декарту и не болѣе получалъ успѣха. „Посмотримъ, говорилъ онъ, что будетъ, когда объяснятся они между собою.“ Тутъ, по данному Священникомъ знаку, оба философа и ученики ихъ приближались другъ къ другу; сперва

начинали ворчать и казалось спорили между собою; пошомъ лаяли изо всей силы; наконецъ бросались другъ на друга и безъ сумнѣнія перегрызли бы до смерти, если бы Священникъ не разнималъ ихъ. „Вошь шакъ - шо споряшъ, говаривалъ онъ гостямъ своимъ, философы и ученые!“

Нѣкто Англичанинъ Шаршръ (Chartres) былъ самый развратный человекъ и величайшій въ свѣтѣ мошенникъ. Вошь первый опылъ его искусства. Надѣвъ на себя офицерскій мундиръ, приѣзжаетъ онъ зимою вечеромъ въ почтовой коляскѣ въ одну изъ лучшихъ гостинницъ въ Бристоль, прищворяется чрезвычайно успалымъ, требуетъ для себя особой комнаты, приказываетъ развести въ ней огонь, заказываетъ хорошій ужинъ; опужинавъ, призываетъ къ себѣ хозяина, отдааетъ ему ключъ отъ своей комнаты и проситъ, что бы онъ въ шесть часовъ ушра непременно разбудилъ его, приготовивъ къ тому времени почтовыхъ лошадей. На другой день по ушру, только что пробило шесть часовъ, хозяинъ входитъ къ нему въ комнату и говоритъ, что лошади уже готовы. Шаршръ благодаритъ его, вскакиваетъ съ постели, ищетъ между плашемъ своимъ исподницы, удивляется, что ее шамъ нѣтъ, говоритъ

что онъ въ ней оставилъ кошелекъ съ двумя спами гиней, сердился, кричитъ, шумитъ и грозитъ хозяину принести на него жалобу. Бѣдной хозяйнѣ, опасаясь, что бы гостинница его не была обезславлена, униженно проситъ молодаго Офицера не кричать, приноситъ ему самую лучшую изъ своихъ исподницъ и 200 гиней.—Спроситъ, можетъ быть, ше-неръ: куда же дѣвалась исподница Г. Шаршра?—Онъ сжегъ ее въ каминѣ прежде еще, нежели легъ въ постелю.

Шаршръ былъ повѣщенъ за насиліе, ко-торое онъ хотѣлъ, но не успѣлъ сдѣлать одной молодой дѣвицѣ. Ему было въ то время болѣе уже *ста* лѣтъ отъ роду.

Путешественникъ Тевено (Thévenot) утверждаетъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ искусныхъ воровъ, какъ между Арабами. Въ доказательство сего рассказываетъ онъ слѣдующее происшествіе. Три Араба спорили между собою кто изъ нихъ смѣлѣе и отважнѣе. Одинъ похвалился унести всю посуду изъ кухни Паши; другой сказалъ, что это бездѣлица и что онъ унесетъ у Паши его печать; а третій обѣщался сдѣлать гораздо еще болѣе, убить самаго Пашу въ его домѣ. Первый нашелъ средство войти въ кухню и ночью перетаскалъ отсюда всю

посуду, не оставя шамъ ни одного котла. Второй, вмѣшавшись въ толпу людей, окружавшихъ Пашу, когда тотъ печатавъ свои указы, пропѣснился къ нему, и какъ только Паша, приложивъ къ одной бумагѣ печать, хотѣлъ отдать ее своему секретарю, Арабъ протянулъ руку, схватилъ печать и вмгъ исчезъ съ нею. Третій не имѣлъ успѣха въ своемъ предпріятіи; однако же онъ прокрался въ спальню Паши и ночью приближившись къ его постели, занесъ уже руку, что бы поразить его, какъ лежавшій съ Пашею маленькой его сынъ, испугавшись сверканія сабли, закричалъ изо всей силы. Паша вскочилъ съ постели и избѣжалъ удара. Въ ту же минуту вошли его пѣлохранители, схватили Араба, и на другой день торжественно посаженъ онъ былъ на колъ.

Арабъ, бывши при грабежѣ дома одного богатаго купца, схватилъ довольно порядочный мѣшечикъ золота и боясь, что бы другіе не опшняли у него этой добычи, опустилъ искусно мѣшечикъ въ коспрюлю, которая спояла въ кухнѣ на огнѣ; потомъ поставивъ коспрюлю себѣ на голову, пошелъ вонъ изъ дома. Смѣялись надъ нимъ, что онъ взялъ только одну коспрюлю съ похлебкою, когда другіе уносили съ собою драгоценныя

вещи. Арабъ, не останавливаясь, ошвѣчалъ насмѣщикамъ: „я взялъ то, что всего нужнѣе теперь для бѣдной моей сѣмьи“ и такимъ образомъ сохранилъ свою добычу.

Однажды въ Англіи представили въ судъ нѣсколько мошенниковъ, которые выпаскивали изъ кармановъ кошельки и на которыхъ весьма многіе тогда жаловались. Одинъ старый и угрюмый Совѣтникъ началъ бранишь при всемъ собраніи просителей и сказалъ имъ: „вы сами виноваты, что были такъ неосторожны и не берегли своихъ кармановъ.“ Предсѣдатель собранія, славный Канцлеръ Томасъ Морусъ, будучи недоволенъ, что старикъ сдѣлалъ имъ столь неумѣстный выговоръ, промолчалъ на сей разъ и опложилъ судъ до слѣдующаго упра. Ночью призвалъ онъ къ себѣ одного изъ эпитъ мошенниковъ, обѣщалъ ему прощеніе, если только онъ въ полномъ присупствіи вышатишь кошелекъ у стараго Совѣтника, и условился съ нимъ подъ какимъ предлогомъ можешь онъ къ нему приблизиться. На другой день, когда Томасъ Морусъ и всѣ Совѣтники заняли свои мѣста, ввели въ собраніе вчерашнихъ мошенниковъ. Морусъ приказалъ наученному уже имъ мошеннику отвѣчать на то, въ чемъ его обвиняли. „Позвольте на-

вередь, Милордъ — сказалъ онъ — отърыши вамъ, или кому нибудь изъ господъ Совѣтниковъ, одну важную тайну.“ Получивъ позволеніе, мошенникъ подошелъ въ старому Совѣшнику, началъ говорить ему что-то на ухо и сдѣлалъ свое дѣло. Между тѣмъ Морусъ предложилъ сдѣлать сборъ въ пользу одного несчастнаго, содержавшагося въ шюрмѣ, и первый вынулъ изъ своего кошелька деньги. Дошла очередь до стараго Совѣшника; онъ опустилъ руку въ карманъ и не нашедши тамъ кошелька, изъяснилъ собранію свое удивленіе — „Видите ли, сударь, шеперь—сказалъ ему съ усмѣшкою Морусъ— что и у самыхъ осторожныхъ людей пропадаютъ изъ кармана деньги. И такъ, кажешся, напрасно бранимъ мы шѣхъ, съ которыми случаются подобныя несчастія и которыя приносятъ намъ на то жалобы.“ — По сдѣланному имъ при сихъ словахъ знаку, мошенникъ подалъ съ поклономъ старому Совѣшнику его кошелекъ, и громкій хохотъ раздался въ собраніи.

Кардиналь Ришелье имѣлъ въ государственныхъ дѣлахъ гораздо болѣе власти, нежели самъ Король. Однажды, какъ Людовикъ XIII, выходилъ изъ Совѣта, гдѣ прошивъ воли своей принужденъ былъ согла-

ситься съ мнѣніемъ Кардинала Ришелье, сей послѣдній поспоронился, что бы дать ему дорогу. „Да не вы ли здѣсь всѣхъ больше?“ сказалъ ему съ досадою Король, похвнувъ его. „Сступайте, сступайте впередъ.“—Шойду, Ваше Величество, подхватилъ хитрый Министръ, взявъ факель изъ рукъ одного Пажы, и исполню должность нижайшаго изъ вашихъ служителей.—

У Кардинала Ришелье на одномъ сподликѣ лежалъ всегда молишвенникъ и Махиа-вель. Любимцы Людовика XIII старались всѣми средствами возбуждать ненависть его къ Кардиналу. Онъ говаривалъ, что утренній пріемъ въ Королевской спальнѣ (*le petit coucher du Roi*) гораздо болѣе дѣлаеть ему безпокойства, нежели всѣ кабинеты въ Европѣ.

Герцогъ Гизъ послѣ башалии, бывшей между войсками Французскаго Короля Франциска I и Императора Карла V, въ присутствіи Государя, сказалъ дворянину Виландри (*Vilandry*), что хотя онъ и былъ вооруженъ съ ногъ до головы, но никто и нигдѣ не видалъ его во время сраженія.— „Неправда! ошвѣчалъ Виландри гор-

дымъ пономъ: меня многіе видѣли тамъ, гдѣ не только вы, но и самъ Король не смѣлъ показаться.“ Король разсердился и хошѣлъ было уже наказашь дерзкаго хваспуна, какъ пошъ, понизивъ тонъ, примолвилъ: „Ваше Величество! я былъ въ обозѣ.“

Мальгербъ былъ чрезвычайно скупъ и особеннымъ образомъ наказывалъ своего слугу. „Другъ мой, говаривалъ онъ ему: кто прогнѣвляешъ своего господина, пошъ прогнѣвляешъ самаго Бога; а кто прогнѣвляешъ Бога, пошъ долженъ молиться и даватъ милоспыню. И такъ я удержу щесъ су изъ швоего жалованья и опдамъ за шебъ нищимъ.“

Одинъ скупой приказывалъ больному своему слугѣ опнести довольно далеко чемоданъ и ларецъ. — Воля ваша, опвѣчалъ пошъ, не могу подняшья съ мѣспа.— „Лежи, лѣнмвещъ, лежи, сказалъ скряга: самъ опнесу; подай мнѣ только свои башмаки.“

Другой скупой, когда хвалили при немъ его пріятеля, сказалъ: „пречестной чело-

вѣкъ! сорокъ лѣтъ уже мы съ нимъ друзья: знаю самъ, что онъ перпишъ во всемъ крайнюю нужду, а предспавъше себѣ, во все это время ни разу не просилъ онъ у меня денегъ. “

Пелиссонъ былъ чрезвычайно обезображенъ оспою. Гжа Севинье сказала: „позволишельно мужчинамъ быть безобразнымъ, однако же не сполько какъ Г. Пелиссонъ. “ Однажды, какъ онъ шель по улицѣ, прекрасная и очень хорошо одѣтая женщина подходилъ къ нему съ усмѣшкою, беретъ его за руку и просилъ войши съ собою въ ближайшій домъ. Удивясь такому неожиданному счастью, надѣяся онъ быть вскорѣ гораздо еще счастливѣе. Дама представляетъ его хозяину и сказавъ: *тогъ вѣ тогъ какъ онъ!* исчезаетъ. Изумленный Пелиссонъ требуетъ всему этому объясненія отъ хозяина, кошорый наконецъ признается ему, что онъ живописецъ. „Эта дама, продолжаетъ онъ, заказала мнѣ написать *Искушеніе Спасителя вѣ пустынѣ*. Съ часъ уже полковали мы съ нею какъ бы лучше изобразить дьявола, и она, увидѣвъ васъ изъ окошка, привела сюда ко мнѣ — остальное сами вы слышали. “

Герцогъ Роганъ, путешествуя по Швейцаріи и сдѣлавшись нездоровъ, призвалъ къ себѣ перваго изъ округа врача Доктора Тибо. Посмотрѣвъ на него, сказалъ онъ ему: „кажется, лице ваше мнѣ знакомо.“ — Какъ же, Ваша Свѣплоснь, опивчалъ Докторъ: я имѣлъ честь быть нѣсколько лѣтъ *коновалоибъ* при вашихъ конюшняхъ. — „Тьфу, дьяволъ! Какъ же ты сдѣлался Докторомъ? Какъ же ты лечишь больныхъ?“ — Точно такъ, какъ лошадей Вашей Свѣплосни: многіе умирають, а многихъ и вылечиваю.... Сдѣлайте милость, Ваша Свѣплоснь, не сказывайте никому, что я былъ у васъ коловаломъ и позволите оспашься мнѣ Докторомъ здѣсь въ Швейцаріи.

Сиръ Симонъ Стуартъ Гаршелей, разбирая старыя фамильныя бумаги, увидѣлъ на оборотѣ одного древняго акта слѣдующую надпись: „велише разрыть землю на такомъ-то полѣ, во столькихъ-то фузахъ око рва, копорый на полдень....“ Взявъ съ собою вѣрнаго служителя, пошелъ онъ съ нимъ на назначенное мѣсто, показалъ ему гдѣ должно рыть, и наконецъ пошъ выкопалъ большой желѣзный сосудъ, покрытый сверху паргаминонь, на копоромъ написано было: *пусть лучше достанется торту, нежели Кромвелю!* Въ этомъ сосудѣ нашель онъ золотомъ 15.000 фунтовъ стерл.

Когда Кромвель въѣзжалъ торжественно въ Лондонъ, по одинъ льстець — разумѣется изъ придворныхъ — замѣнилъ ему чрезвычайное спеченіе народа, желавшаго его видѣть. „Было бы гораздо еще больше, сказала Кромвель, если бы повели меня на эшафотъ.“

Сынъ славной Ниноны Ланклось воспитывался въ пенсіонѣ у Езуишовъ. Пришедши однажды шуда его навѣстить, сказала она между прочимъ спаршему Езуишу, который имѣлъ надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ: „болѣе всего прошу васъ, свяшый отецъ, наставивъ его въ Религіи: сынъ мой не такъ богатъ, что бы могъ обойтись безъ нея.“

Гжа Корнюель, извѣстная своею распочительностію и остроуміемъ, называла пѣхъ, которые говорятъ часно одно и то же, *тасали съ репетиціею*.

Великій Конде приглашалъ часто къ себѣ въ Шаншильи лучшихъ липператоровъ и любилъ говорить съ ними о ихъ сочине-

ніяхъ. Онъ имѣлъ тонкій вкусъ и судилъ весьма основательно. Но когда (что однако очень рѣдко случалось) ошибался онъ въ своихъ сужденіяхъ и когда ему прошиворѣчили, то выходилъ почти изъ себя, и тогда опасно было оспаривать у него побѣду. Однажды Боало, споря о чемъ-то съ Принцомъ Конде, ужаснулся, замѣпивъ какъ сверкали опъ гнѣва глаза его. Изъ благоразумія поспѣхъ онъ уступилъ ему и сказалъ шихонько своему сосѣду: „впередъ всегда буду соглашаться съ Принцемъ, когда увижу, что онъ не правъ.“

Герцогъ де . . . . который считалъ себя въ родствѣ съ Великимъ Конде, прогуливаясь однажды съ нимъ въ Шанпильи и увидѣвъ конную спашую Коннепабля Монморанси, вскричалъ: „вопъ нашъ предокъ!“— Правда, подхватилъ Принцъ: только мой сидишь на швоемъ.—

Спрогій Боало журилъ часпо извѣстнаго Французскаго Спихопворца Шапеля за то, что онъ слишкомъ уже много любилъ вино. Однажды, вспрѣшившись съ нимъ на улицѣ, началъ онъ, по обыкновенію своему, дѣлать ему увѣщанія. „Чувшвую, сказалъ

Шапель, что вы говорите мнѣ совершенную правду; хочу непременно исправиться: но здѣсь неловко намъ разговаривать... войдемъ на часъ въ эспозъ пракширъ и будемъ продолжать шамъ нашъ разговоръ.“ Вошли въ пракширъ спросили бушылку вина, потомъ другую, прешью, и Боало, говоря со всею жаромъ краснорѣчія противъ пьянства, выпилъ съ Шапелемъ столько, что и проповѣдникъ и слушатель, который твердо рѣшился исправиться, насилу могли дойти домой.

Съ Франц. И.

~~~~~

Хитрости женщинъ.

Арабскій Анекдотъ.

У Арабовъ есть игра — кажется они называютъ ее *Шадестеръ* — которая продолжается иногда цѣлую недѣлю и состоитъ въ томъ, что забавляющіеся ею не могутъ принять ничего другъ отъ друга, не сказавъ слова: *Шадестеръ*. Тотъ, кто забываетъ это — проигрываетъ. И такъ все искусство въ игрѣ сей состоитъ въ умѣннѣ доведши своего противника до такого забвенія.

Одинъ Философъ, написавшій огромную книгу *о хитростяхъ женщинъ* и почитавшій произведеніе свое самымъ полнымъ собраніемъ всѣхъ хитрыхъ уловокъ, употребляемыхъ прекраснымъ поломъ, пришелъ въ станъ Арабовъ, расположенный въ пустынь. Одна молодая, прекрасная Арабка, по обыкновенному гостепріимству своей націи, пригласила его съ такою ласкою въ шатеръ свой, что онъ никакъ не могъ отказать въ ея просьбѣ. Философъ скоро замѣшилъ, что прелести ея могутъ быть для него очень опасны. Что бы предостеречь себя отъ шаго, раскрылъ онъ книгу свою *о хитростяхъ женщинъ* и началъ читать ее съ большимъ вниманіемъ. Красавица немножко шѣмъ оскорбилась. „Вѣрно эта книга очень занимательна — сказала она лукаво — можно ли узнать о ея содержаніи?“ — Женщины же въ состояніи судить о томъ, что въ ней написано — ошвѣчалъ угрюмый Философъ.

Сей грубый ошвѣтъ возбудилъ еще болѣе любопытство Арабки и она до шѣхъ поръ не дала покою своему гостю, пока тотъ не сказалъ ей, что книга его содержитъ въ себѣ описаніе всѣхъ хитростей, какія только ни изобрѣшены были женщинами.

„Какъ? всѣхъ?“

— Да, всѣхъ! и пошому-то что я безпрестанно читаю эту книгу, не буюсь, благодаря Бога, женскихъ хитростей. —

„Право?“ возразила молодая Арабка и на минушу замолкла. Потомъ перемѣнила она разговоръ, приняла помный видъ, дала особую выразительность своимъ взорамъ, и—всякому извѣстно, что молодой, прекрасной женщиной немногаго споить побѣдить философа—менѣе, нежели черезъ часъ, онъ былъ у ногъ ея.

Уже онъ мечталъ насладиться счастливою любовію, какъ вдругъ Арабка вскочила и вскричала съ ужасомъ: „Великій Пророкъ! Мужъ мой идетъ сюда! Пропали мы, если онъ тебя здѣсь увидитъ. Скорѣ спрячься въ эпошу сундукъ.“

Хотя и не очень приспойно сидѣшь философу въ сундукъ, но нѣчего было дѣлать; онъ помѣспился въ немъ какъ могъ съ огромною своею книгою *о хитростяхъ женщинъ*; прекрасная хозяйка заперла шопчасъ сундукъ и спрятала ключъ въ карманъ: Мужъ ея, съ кошорымъ начала она тогда игру *Шадестеръ*, пришелъ въ самомъ дѣлѣ. Она побѣжала къ нему на встрѣчу. „Очень рада, сказала она, что вижу тебя веселымъ, пошому что должна рассказать тебѣ спранный случай. Поуштру какой-то философъ вошелъ ко мнѣ въ палашку и хвастался,

что знаетъ всё уловки нашего пола и что всё онѣ написаны у него въ книгѣ. Спустия однако часть времени онѣ сдѣлалъ мнѣ объявленіе въ любви. “

— Какъ? И ты его выслушала? —

„ Онѣ молодѣ, пригожѣ, изъясняеися вриятно—право хорошо, что ты пришелъ въ пору. “

— И ты не боишься говорить мнѣ это? Безстыдница! Гдѣ это? негодяй? Дай мнѣ насыпипть надѣ нимѣ мою ярость! —

Легко можно предспавипть себѣ каково тогда было философу въ тѣсномѣ его убожищѣ. Онѣ проклиналъ свою книгу, киприхъ женщицѣ и ревнивыхъ мужей. Арабѣ не переспавалъ бранитѣся и насшаивашѣ, что бѣ ему выдали злодѣя, который хотѣлъ нарушипть права гостеприимства. Жена пришворилась чрезвычайно испуганною, показала пальцомѣ на сундукѣ и подала ключъ своему мужу. Онѣ схватилъ его какъ изсшупленный и бросилъ оппиратѣ сундукѣ, какъ вдругѣ жена померла со смѣху и сказала: „ плаши - ка мнѣ, ты позабылъ *Шаде-стерѣ*. “— Мужѣ осполбенѣлъ опѣ удивленія, поглядывалъ съ недовѣрчивою улыбкою по на ключѣ, по на жену; наконецѣ опдалѣ ей ключъ и ушелъ изъ палатки.

Тогда Арабка опперла сундукѣ, освобо-

дила опшуда полумершваго философа, просилась съ нимъ, просила не забывать ея и включишь уловку ея въ его книгу, весьма еще неполную.

Съ Франц. В.

~~~~~

Благотворенія.

1. Письмо къ Издателю.

Покорнѣйше прошу васъ М. Г. извѣстить чашашелей вашего журнала о бѣдственномъ положеніи Гжи Надворной Соѣшницы *Зайцовой*. Сія честная и преспа-рѣлая вдова третій уже годъ спрадаешъ жестокою болѣзнію и дошла до такой нищеты, что находясь теперъ на смертномъ почши одрѣ, не имѣетъ иногда и самой скудной пици для уполенія своего голода. Она живешъ Липейной части 2 кваршала, въ Моховой улицѣ, прошивъ церкви Симеона Богопріимца, въ угловомъ домѣ Купца Дехтерева подъ № 121.

Имѣю честь и проч.

Т... В...

11 Сентября 1819.

2. Отъ Издателя.

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ отъ неизвѣстныхъ благотворителей для раздачи бѣднымъ, а именно:

11 Сеншября, престарѣлой Маіоршѣ <i>Т. П. Байковой</i> (см. VII N° <i>Благ.</i> стр. 66) <i>двадцать пять рублей</i>	25 р.
12 Сенш. бѣдному и больному Регистратору <i>Убыткову</i> (см. X N° сего журнала стр. 272) <i>пять руб.</i>	5 —
Изъ <i>Вятки</i> , при запискѣ отъ 25 Августа, бѣдной и больной вдовѣ флота <i>Капишана</i> 1 го ранга <i>И. Д. Ц.</i> (см. XIII N° стр. 59) <i>десять руб.</i>	10 —

Итого сорокъ рублей . . . . . 40 р.

Доставлены.

~~~~~

Задача Стихотворцамъ.

(*Письмо къ Издателю.*)

Вы помѣщаете въ журналъ вашемъ *Шарады*, *Загадки* и *Логогрифы*, кошорья очень многимъ нравяшся *). Какъ только выйдешъ

*) Очень радъ! *Изд.*

у васъ книжка, прежде всего ищу я въ ней Шарадъ и до шѣхъ поръ не могу быть покойна, пока ихъ не отгадаю. Жаль, что у васъ нѣтъ bouts rimés. Думаю, что и они не менѣе Шарадъ, Загадокъ и Логогрифовъ доставили бы удовольствія читателямъ *Благонамѣреннаго*. Не угодно ли будете вамъ *), или кому изъ соспрудниковъ вашихъ написать стихи на слѣдующія риѣмы:

.	Сонетъ
.	Тріолетъ
.	Баллада
.	Шаррада
.	Апологъ
.	Эпиграммъ
.	Эпиграмма
.	Драмма
.	Стансъ
.	Романсъ.

Ровно десять стиховъ! На первый случай кажется довольно.—Имѣю честь быть и пр.

усердная читательница вашего журнала.

13 Сент.

К. К. К.

~~~~~

(20 Сентября)

---

*) Попробую на досугѣ. Изд.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

СЕНТЯБРЬ. 1819. № XVIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОВИДѢНІЕ.

(Изъ Парни.)

„О сколько смертный терпимъ бѣдъ!
Онъ слабъ: судьба имъ управляетъ,
Онъ между пропастей спускаетъ
Отъ дѣлства до преклонныхъ лѣтъ!
Влекомый временемъ лепящимъ,
Прошепчимъ недоволенъ онъ
И опягчаемъ наспоющимъ:
Блаженство, тщетный призракъ, сонъ,
Лишь въ будущемъ всегда скрываясь,
Всечасно въ даль бѣжитъ отъ насъ;
Когдажъ, съ веселіемъ встрѣчался,
Мы утѣшаемся на часъ,
Оно — цвѣшокъ уединенный,
Распуцій средь могиль. О ты,

Кѣмъ жить въ семь мѣръ осужденны,
 Мы перпимъ опъ пелень бѣды,
 Услышь спенанье, Зевсъ враждебный,
 И мнѣ ничтожность возврати! “ —
 Такъ, озирая берегъ дальный,
 Ефимесидъ въ глуши зываль
 Среди пустынныхъ Таврскихъ скалъ,
 Гдѣ гулъ валовъ ревѣлъ печальный.
 Погрязнувъ въ мрачной мысли сей,
 Онъ смотритъ въ любую пучину
 И моря бурнаго въ средину
 Спѣшитъ низринуться скорѣй;
 Но вдругъ гласъ божества внимаешь.
 „ Остановись, гласъ восклицаетъ,
 Богами человекъ любимъ,
 Испочникъ счастья чистъ: спенанье
 Безумно; кинь свое желанье,
 Не оскорбляй небесныхъ имъ. “ —
 Недвижимъ долго, въ изумлени
 Склоняешь онъ покорный взоръ,
 И наконецъ въ успокоени
 Идетъ опъ сихъ пустынныхъ горъ.
 Два мѣсяца свершились — снова
 Приходишь на ушесы онъ:
 „ Мнѣ, боги, смерть была гошова
 Я вами опъ нея спасѣнъ,
 И вопъ еще благодѣянье!
 Мнѣ друга низпослалъ Зевесъ,
 Да будетъ прокляшо роптанье
 На промыслъ праведныхъ небесъ!

Вы въ пристань насъ средь бурь ведете,
 Всевышніе, судьбиной злой
 Не вѣкъ разите, но порой
 Вы смертнымъ и блаженство льете.“
 Сказаль. Окрестъ себя глядишь,
 Вдругъ вязъ молодой, неукрѣпленный,
 Опершійся на брата зришь,
 И здѣсь онъ ставишь восхищенный
 Въ честь *Дружбы* памятникъ священный!

Черезъ годъ съ веселіемъ въ очахъ,
 Съ челомъ, для радостей опкрытымъ,
 Гирляндой брачною обвѣшымъ,
 Опять на прежнихъ онъ скалахъ.
 „Дерзаль я на успавъ небесной
 Ропшавъ въ безумьи, онъ сказалъ;
 Но ахъ! я на груди прелестной
 Глицеріи любовь вкушалъ
 И жизни сладость всю узналъ.“
 Въ душѣ распроганный, вздыхаешь
 И жершвенникъ сооружаешь
 Близъ памятника *Дружбы* онъ,
 Какъ даръ *Любви*, на мѣстѣ помѣ.

Спустия два года вновь явился
 На горы онъ, лишь день разлился;
 Во взорахъ тихій огонь горитъ.
 „Я чшу, воззвалъ Ефимесидъ,
 Тебя, о вышне совершенство,
 Ты дало мнѣ познашь блаженство
 Черезъ дружбу, нѣжную любовь;
 Днесь, всѣми надѣленъ дарами,

Страхусь своихъ я прежнихъ словъ.
 Такъ, равны сдѣлашься съ богами
 Мы можемъ въ крапкость дней своихъ!¹⁴
 Умолкъ—и храмъ въ мѣстахъ онъ сихъ
 Воздвигнуть вышнимъ поспѣшаетъ,
 Драгое злато изгоняешь
 И мраморъ онъ изъ нѣдръ священныхъ,
 Искусствами ихъ замѣняешь.
 Лишь дернъ съ соломой въ храмѣ шомъ,
 И ихъ довольно къ украшенью;
 На зданьи скромномъ и проспомъ
 Начерпано: *Благотворенью.*

И. Покровскій.

~~~~~

КЪ ОРЕДЕШИ *).

Что ты, Оредешь, спѣшишь
 Отъ ключа бѣжать роднаго?
 Что спрую такъ быспро мчкшь
 Отъ истока дорогаго?

*

Или небо не свѣпло,
 Гдѣ кипишь родникъ швой чистой?

*) Рѣчка, впадающая въ Лугу. Сочинипель на карпинныхъ берегахъ ея провель нынѣшнее прекрасное лѣпо въ любезномъ сѣмействѣ П. И. В., кошорому и посвящаетъ сіи стихи.

Или солнце не шепло
Надъ дубравой здѣсь сѣнистой?

*

Далеко ты въ край чужой,
Мила рѣчка, унесешься
И съ чужбины ужь домой
Никогда не обернешься.

*

Одинокой на пуши,
Межъ крупными берегами,
Радость въ чемъ тебѣ найши
За родимыми полями?

*

Будешь съ ропшомъ одна
Омывать берега кремнишы;
Будешь съ золопаго дна
Лишь въ болоша струйки чисты.

*

Тамъ разучишься журчатьъ
Про веселый край родимой,
Осужденная молчатьъ,
Будто скована, подъ шиной.

*

Иль сироткѣ въ тѣсношѣ
Пушь покажутъ подъ горою:

Тамъ и неба, въ темношѣ,
Не увидишь надъ собою.

*

Красно солнышко взойдешъ,
А тебя не обогрѣешъ;
Мѣсяцъ звѣзды поведешъ,
А швой шокъ не засвѣплѣешъ.

*

Погляди на берега
Стороны швоей родимой!
Полюбуйся на луга
Вкругъ своей поляны милой!

*

Гдѣ свѣжѣе холодокъ,
Какъ въ швоихъ лѣсахъ 'сѣнисныхъ?'
Гдѣ пріятнѣй вѣшерокъ,
Какъ въ поляхъ швоихъ дуцисныхъ?

*

Выйдешъ мѣсяцъ ввечеру—
Твой потокъ осеребрился;
Встанешъ солнце поушру—
Твой потокъ озолопился.

*

Очарованный побой,
Лѣсъ окрестный будпо внемлешъ,

Какъ журчишь ты подъ горой . . .
И подъ звукъ швой сладко дремлешь .

*

Съ первую къ тебѣ зарей,
По шропѣ, еще росистой,
Всѣ спѣшатъ изъ-за полей
Почерпнуть воды здѣсь чистой .

*

Не спѣши бѣжать, струя,
Не капись, потокъ прекрасной,
Въ дальни, чуждые края
Ошь страны родимой, ясной!

*

Ты не внемлешь и журчишь,
По песку лѣясь златому;
Воды весело капишь
Къ краю дальнему, чужому .

*

Еслибъ я своей судьбой
На прекрасную долину
Промѣнялся могъ съ побой;
Не лешѣль бы я въ чужбину!

*

Вкругъ счастливыхъ Селъ *) прошокъ

*) Названіе деревни П. И. Б.

Ябь пробиль своей спруею
 И, кружась, въ весельи шѣкъ
 Подлѣ мѣстѣ, гдѣ цвѣль душею.

*

Чпожь ты, Оредешь, спѣшишь
 Отъ ключа бѣжашь роднаго
 И спрую шакъ быстро мчишь
 Отъ истока дорогаго?

П. П.

~~~~~

К О В З Д О Х У.

О вздохъ, въ несчастіяхъ опрада, услаж-
 денье,

О милый вздохъ, шебя пою! —
 Когда вливаетъ въ грудь мою
 Тоска оправу и мученье,
     Вздохну — и легче мнѣ!
 Со вздохомъ скука оплешаетъ
 И радосшь въ членахъ пробѣгаетъ,
     И я какъ въ сладкомъ снѣ!
     Вздохну — и легче мнѣ!

*

О вздохъ, ты, добрыхъ дѣлъ виновникъ дра-
 гоцѣнный,

О милый вздохъ, шебя пою!
 Когда, мнѣ нищету свою
 Предшавя, рокомъ ошягченнѣй

ВЪ АЛЬБОМЪ НЕЗНАКОМОЙ.

Пишу не зная тебя... я чувства не скрываю :
 Любезность, скромность, умъ, кого не восхищаютъ?
 Умна, любезна ты — всё это говоряшь —
 Какъ сожалѣю я, что я тебя не знаю!

*

Богатство, счастье, взоръ блескомъ лишь слѣпятъ;
 Но добродѣтель я всему предпочитаю:
 Ты съ ангельской душой — всё это говоряшь —
 Какъ сожалѣю я, что я тебя не знаю! —

•

Могу ль надеяться.... но чѣмъ надежда льститъ?
 Тебя увидѣшь я не смѣю, не желаю.
 Ахъ! часомъ взглядъ одинъ спокойствія лишь шитъ.
 То вѣрно къ лучшему, что я тебя не знаю!

Бор. Федоровъ.

Т. С. В.... ОЙ

на слугай когда она просила меня написать ей въ альбомѣ стихи, въ которыхъ не было бы никакой лести, похвалы и комплиментовъ.

Темира, шы спиховъ просила,
 Но съ уговоромъ... чтобъ писать,
 А лести въ нихъ не помѣщашь.
 Поэту — льспишь шы запретила!
 И даже сдѣлашь комплиментъ
 Ты не хошѣла мнѣ дозволишь!
 Другихъ бы — можно тѣмъ распроишь,
 А мнѣ — заботъ ни мало нѣтъ.
 Инымъ шы кажешься Венерой,
 Другимъ Минервою самой!
 А мнѣ — льспишь не хочу химерой —
 Лишь полько смертною простой.
 Хвалишь себя я не собирался,
 И не за что тебя хвалишь;
 Я скоробъ въ мысляхъ расшерялся,
 Когда бы долженъ былъ найпишь
 Предмешъ похвалъ моихъ въ Темирѣ.
 Сказать я правду не боюсь,
 И ошкровенно признаюсь,
 Что шы — совсемъ не чудо въ мѣрѣ.

Природа многихъ красошой
 Тѣбѣ подобно надѣлила;

Что пользы въ томъ, когда собой
 Ты слабыя сердца плѣнила?
 Елена также, какъ и ты,
 Блиспала въ свѣтѣ красошою...
 Скрываюшь часто змѣй цвѣты...
 Елена.... погубила Троию!
 И ты... ручашься за себя,
 Темира, я впередъ не смѣю!
 Ты многимъ съ нѣжною душою
 Вздыхашь велѣла за себя.

Своимъ умомъ ты удивляешь...
 Не на добро и это намъ.
 Сей блескъ, которымъ ты прельщаешь,
 Слѣпимъ, хошь нравишься глазамъ.
 Умъ для красавицы напрасень;
 Тебѣ бы онъ не нуженъ былъ:
 Сей даръ при красотѣ опасень;
 Къ чему въ тебѣ онъ послужилъ?
 Надъ суевѣрьемъ забавляшься,
 Невольну слабостъ охуждашь,
 Примѣшамъ дѣдовскимъ смѣяшься,
 Старушекъ добрыхъ огорчашь,
 Осмѣивашь въ глаза пороки
 И всѣмъ равно любезной бышь!
 Давашь жестокіе уроки,
 А властъ надъ сердцемъ ушвердишь!
 Нѣшь!... это слишкомъ, слишкомъ много!—
 Скажу, хошь будешь ты бранишь,
 Когдабъ и не судилъ я строга,
 То все — не спалъ бы я хвалишь.

Еще ты рѣдкій даръ имѣешь
 Различны лица представляешь;
 Съ какимъ искусствомъ ты умѣешь
 И слухъ и взоры восхищать!
 И милыхъ и старухъ играя,
 Рукоплескать себя велишь;
Елединой — ты насъ плѣняя,
Сулбуровой до слезъ смѣшишь.
 Все это. . . . очень можешь спастись,
 Хотя не смѣю утверждать,
 Лишь только можешь доказать
 Твое искусство — *притворяться!*

Ты въ панцахъ, какъ Зефиръ, легка,
 Очаровашельна, ловка;
 Но панцовать не дарованье:
Круженье — спойтъ ли похвалъ? —
 Когда же, въ сладоспномъ мечтаньи,
 Я нѣжный голосъ швой внималъ,
 Тогда, побой обвороженный,
 Забылъ я древности урокъ,
 Что сладко пѣли и Сирены,
 Отъ коихъ лишь избѣгнуль могъ
 Улиссъ, Минервой охраненный.

Но положишь перо пора:
 Во многословьи нѣтъ добра.
 Спихами пяшь страниць марая,
 Я шѣмъ однимъ доволенъ былъ,
 Что въ нихъ Темиръ угождая,
 Ее нисколько *не хвалилъ*.

Бор. Федорѣв.

НАДГРОВІЕ МЛАДЕНЦУ.

Сей міръ — юдоль напастей, скорби, слезъ:
И такъ жизнь *краткая* ешь даръ благихъ
небесь!

М. Я.

КЪ ФИЛИДѢ.

Филиду всѣ зовушь разумной и прекрасной;
Всѣ говорятъ: „нельзя Филиды не любить!“
Филида сердилась, но гнѣвъ ея напрасной:
Кпо виновашъ, что всѣхъ родилася плѣнишь.

П. Ф.

ЭКСПРОМІТЪ и АКРОСТИХЪ.

Сравнишься можешъ кпо, красавица, съ
побою?
Аспазья ты умомъ и ангель доброшою;
Шушливый богъ-Амуръ въ очахъ пвоихъ
живешъ;
А въ сердце онъ къ шебѣ ни разу не зай-
дешъ.

М. Я — вб.

ЭПИГРАММЫ.

1. Къ размалеванной Ветулли.

Хопь ты и кажешься, Вепулля, молодою;
 Но ахъ! не льстись мечшою:
 Вѣдь знаешь всякъ изъ насъ,
 Что старѣй своего лица ты во сто разъ.

2. Заглавіе.

Согинитель.

Какое бы для сихъ Совешовъ и Романсовъ
 Заглавіе намъ приискашь?

Издатель.

По мнѣ, пакъ я бы ихъ совѣповаль назвашь:
 Лимоновъ горькихъ сборъ и кислыхъ по-
 меранцовъ.

Съ Нѣмецъ, И. Покровскій.

~~~~~

ШАРАДЫ.

г.

Чишашели! когда хошише
 Лишишься головы,

То цѣлое перерубите —
Но въ цѣломъ я конецъ, начало вы.

Вл.

2.

Въ архивахъ *первое* встрѣчаемъ;
Послѣднее, сваря, ѣдимъ;
А *цѣлое* однимъ
Умершимъ посвящаемъ.

М. Я.

3.

Избави, Господи! ошь *перваго* нашъ родъ!
Безвременно чрезъ шо онъ могъ бы испре-
бишься;
Второе цыфрою одной изобразись;
А *цѣлое* у насъ кочующій народъ.

М. С.

4.

Два слога *первые* всѣ шо же означаютъ,
Что *цѣлое* мое; послѣднимъ изъясляютъ
Согласье на вопросъ, на просьбу иль совѣтъ;
А въ *цѣломб* ты найдешь полезнѣйшій пред-
метъ,
Кошорый въ шемношѣ распространяешь
свѣтъ.

В. К.. ст.. витб.

Изъ помѣщенныхъ въ N° XVII Шарадъ первая значишь *Яков-левъ*, вторая *Из-май-ловъ*, третья *Крив-да*.

Логогрифъ, напечатанный въ той же книжкѣ, значишь *колесо*, на оборотъ *оселокъ*, съ конца *оселъ*; перемѣшавъ литеры, выходить: *село*, *колосъ*, *соколъ*, *сокъ*, *колъ*, *косъ*.


~~~~~  
 П Р О З А.  
 ~~~~~

ЧАСТИ ДНЯ И НОЧИ *).

описанныя Т. Тассомъ въ Поэмѣ
 его Освобожденный Иерусалимъ.

(Переводъ буквальный.)

1. Разсвѣтъ.

Пѣснь IX. — Строфа 14.

Алекса принимаешь видъ вѣстника
 E nell'ora che par che'l mondo reste
 И въ часть, когда кажется, что міръ оспаешся
 Fra la notte e fra'l dì dubbio e diviso.
 Между ночи и между дня сомнишельный
 и раздѣленный,
 Она входитъ въ Иерусалимъ.

— XI — 19.

Годфридъ повелѣлъ всѣмъ войскамъ приго-
 шовишься къ осадѣ съ началомъ слѣдующаго
 го дня.

*) Чипано въ С. П. бургскомъ Вольномъ Обществѣ лю-
 бительской Словесности, Наукъ и Художествъ 11
 числа сего Сентября.

Ancor dabbia l' Aurora , ed immaturo
 Еще сомнительна Аврора и негошово (не-
 созрѣло)

Nell' Oriente il parto (1) era del giorno ;
 На Востокъ порождение было дня,
 Ne i terrini fendea l' aratro duro
 Ниже землю раздиралъ плугъ жестокій ,
 Ne fa il pastore ai prati anco ritorno
 Ниже дѣлалъ пасухъ на луга еще воз-
 вращения ,

Stava tra i rami ogni augellin sicuro
 Оставалась между вѣтвями всякая ппичка
 безопасна

E in selva non s' udiva latrato , o corna

И въ лѣсу не слышно было лая или рога

Когда труба возвѣстила наступившее время.

XII — 58.

Танкредъ и Клоринда прекратили ошъ испо-
 щенія силъ свое побоище.

Già dell' ultima stella il raggio langue
 Уже послѣдней звѣзды лучъ помигся
 Al primo Albor (2) ch' è in oriente acceso.

При первой бѣловатости, на востокъ по-
 казывающейся (возженной)

(1) Il parto — il partorire, время порождения, родовъ;
 роды.

(2) Alborе, бѣлизна — бѣловатой свѣтъ, показываю-
 щійся въ то время, какъ начинаешъ рѣдѣшь мракъ

XVIII. — 12.

Ринальдъ идемъ къ очарованному лѣсу.

Era nella stagione, che anco non cede
 Было въ то время, какъ еще не уступаетъ
 Libero ogni confin la notte al giorno;
 Свободно ни одной черты (границы) ночь
 дню;

Ma l' Oriente rosseggiar si vede
 Но воспокъ алѣющимъ зрится
 Ed anco è il ciel d' alcuna stella adorno
 И (также) — небо ни одной звѣздой не укра-
 шено.

2. З а р я.

Пѣснь III — Строфа I.

Уже предшествовающей разсвѣтъ возвѣстилъ
 пришествіе Авроры.

Ella intanto s' adorna, e l' aurea testa
 Она между тѣмъ себя украшаетъ и златую
 главу

Di rose colte in Paradiso infiora (3)

Розами, сорванными въ раю, покрываетъ
 (цвѣпишь)

ночи. Quello Splendore bianco del cielo, che apparisce quando si partono le tenebre della notte. — Словарь Академіи della Crusca.

- (3) Infiorare, или infiorire, покрывать что либо цвѣтами, разцвѣчать: metter fiori sopra chechessia. — Della Crusca.

VII. — 25.

Танкредъ спремаясь за мнимой Клориндой,
останавливается въ лѣсу.

E vede intanto con sereno ciglia (4).

И видишь между тѣмъ — съ яснымъ взоромъ

Sorger l' Aurora candida e vermiglia.

Исходящую Аврору бѣлую и румяную.

VIII. — 1.

Громъ и буря уюдли

E l' Alba uscia della magion celeste

И заря исходишь изъ жилища небеснаго

Con la fronte di rose e co' piè d' oro

Съ челомъ розовымъ и съ ногами златыми.

— 20.

Сраженіе продолжалось

. . . . Sin che l' albore

До того, какъ бѣловатость

Rosseggiando nel ciel già n' apparia

Алѣющая на небѣ уже намъ показалась

Ma poich' accesi in oriente scorse.

Но потомъ какъ возженные на воспоѣ

усмотрѣль

I raggi del mattin porpurei e d' oro.

Лучи утра багряные и златые.

(4) Ciglio собственно значить бровь, но въ Поэзіи принимается за взоръ.

IX. — 74.

Сраженіе Гвельфа съ Клориндою усили-
вается

L' Aurora intanto il bel purpureo volto
Аврора между шѣмъ прелестное багряное
лице

Già dimostrava dal sovrano balcone.

Уже показывала изъ (съ) выспреянго чер-
тога (балкона).

XVIII. — 15.

Ринальдъ молится на горѣ.

. E gli sorgeva a fronte

И ему восходила въ чело

Fatta già d' auro la vermiglia Aurora

Сдѣланная (уже) изъ золота румяная Аврора,

Che l' elmo e l' arme e' intorno à lui del monte

Котораа шѣшь и оружіе и вокругъ его —
горы

Le verdi cime illuminando indora

Зеленыя вершины освѣщая позлащаетъ.

XX — 5.

Всѣ ожидали разсвѣта для начатія сраженія. Никогда, говоритъ Торквато, воздухъ не былъ такъ свѣжъ и ясенъ, какъ при началѣ сего незабвеннаго дня, и

L' alba lieta rideva, e pareva ch' ella
 Заря веселая смѣялась, и казалось, что она
 Tutti i raggi del sole avesse intorno.
 Всѣ лучи солнца имѣла вокругъ (себя).

3. Восхождение Солнца.

Пѣснь I. Стрoфа 15.

Ангель, ниспосланный ошь Всевышняго,
 спускается на долину Тортозскую; тогда
 Sorgeva il novo sol dai lidi Eoi (5)
 Выходило новое солнце ошь береговъ вос-
 точныхъ
 Parte gia fuor; ma' l' riu nell' onde chiuso.
 Часпю уже внѣ, но бoльшею въ волнахъ
 заключенное.

— 35.

Послѣ приказанія, отданнаго Годфридомъ, со-
 браться всѣмъ войскамъ поупру на смошрѣ
 Facea nell' Oriente il sol ritorno
 Дѣлало на воспокъ солнце возвращеніе
 Sereno e luminoso, oltre l' usato,
 Свѣпное и блестящее, сверхъ обыкновеннаго,
 Quando co' raggi uscì, del nuovo giorno.
 Когда съ лучами, вышло, новаго дня.

(5) Eoo, Eoa, то же что Orientale, восточный. См.
 Словарь Академии della Crusca, гдѣ самый сей
 стихъ упоминашъ.

Всѣ начали сходимься подъ его знамена, и пр.

— 71.

Il di seguente, allor ch' aperte sono
 Въ день послѣдующій; тогда какъ опроверга-
 ются
 Del lucido Oriente al sol le porte
 Лучезарнаго востока солнцу врага.

X. — 14.

Quinci veggendo omai ch' Apollo inauga
 На послѣдокъ видя — какъ Аполлонъ позла-
 щаетъ
 Le rose, che l' Aurora ha colorite
 Розы, кои Аврора оцвѣтила (кои мѣ дала
 цвѣтъ).

XV. — 1.

Già richiamava il bel nascente raggio
 Уже призывалъ прелестный раждающійся лучъ
 All' ope ogni animal che in terra alberga
 Къ трудамъ всякое животное, которое на
 землѣ обитаетъ.

— 47.

E come il ciel rigò col novo raggio
 И какъ небеса очершило, новымъ лучемъ
 Il sol, dell' aurea luce eterno fonte.
 Солнце, златаго свѣта вѣчный источникъ...

XVIII. — 64.

Раймондъ и Камилль во время ночи придви-
нули къ спѣнамъ бойницу,
Ma come furo in Oriente apparsi
Но когда — на воспокѣ показались
J mattutini messagier del sole
Утренняя предвѣспники солнца.

4. День.

Пѣснь I. — Стрoфа 73.

Всѣ войска собрались предъ Годфридомъ,
Intanto il sol, che de' celesti campi
Между шѣмъ солнце, которое по небеснымъ
равнинамъ
Va più sempre avanzando, e in alto ascende,
Идетъ безпрестанно возвышаясь, и на верхъ
восходитъ,
L' armi percote, e ne trae fiamme e lampi
Оружія разитъ и изъ оныхъ извлекаетъ
пламя и свѣтъ
Tremuli e chiari, onde le viste offende
Трепещущіе и блискающіе, коими взоры
раздражаетъ.
L' aria par di faville intorno avvampri,
Воздухъ кажется искрами вокругъ сожигаемъ,
E quasi d' alto incendio in forma splende.
И почти великаго пожара въ видѣ блискаетъ.

II — 57.

. . . . e poco era remota
и мало былъ опдаленъ

L' alma luce del sol dall' Oceano.

Живошворный свѣшъ солнца опъ океана.

XV — 45.

Когда Рыцари, ошыскивающіе Ринальда, по-
дошли къ горѣ,

. . . . Dall' Oceano
опъ океана

Era il carro di Febo anco lontano.

Была колесница Фебова еще далеко.

5. Ветеръ.

Цѣснь VII—Строфа 3.

Ерминія спранспвуешъ безъ пупеводителя.
Она ничего не видишъ и не слышишъ, кро-
мѣ слезъ и спенаній своихъ....

Ma nell' ora che' l sol dal carro adorno

Но въ часъ, когда солнце опъ колесницы пре-
украшенной

Scioglie i corsieri, e in grembo al mar s'annida
Ошпрягаешъ коней и въ бездну моря внѣ-
дряешся,

Она подѣхала къ свѣшлымъ водамъ Иордана.

Ищущій Клоринду Танкредъ и гонецъ, его
 встрѣшившій, подъѣзжаютъ къ крѣпости
 Nella stagione che' l sol par che s' immerga
 Во время какъ солнце кажется погружаю-
 щимся
 Nell' ampio nido ove la notte alberga.
 Въ просторное нѣдро, гдѣ ночью обитаетъ.

6. Натало ноги.

Пѣснь III. — Строфа 71.

Годфридъ кончилъ молишву
 e già la notte oscura
 и уже ночь темная
 Avea tutti del giorno i raggi spenti;
 — Всѣ дня (дневные) лучи погасила;
 E con l' obbligo d' ogni noiosa cura
 И съ забвеніемъ всякой скучной заботы
 Ponea tregua alle lagrime, ai lamenti
 Положила предѣлъ слезамъ, стenanіямъ.

V — 60.

Ma poi quando stendendo il fosco manto
 Но потомъ, когда просиравая мрачный покровъ
 La notte in Occidente il di chiudea
 Ночь на западѣ день заключала.....
 Армида ошходила въ свой шашеръ и пр.

— 74.

Армида удалилась съ Рыцарями, которыми
 достигался жребій ей сопущспивовашъ
 Ma come uscì la notte, e sotto l' ali
 Но какъ скоро вышла ночь и подъ крылами
 Menó il silenzio, e i lievi sogni erranti
 Вывела безмолвіе и легкія сновидѣнія блу-
 дящія (въпренныя, непостоянныя)
 Многіе другіе тайно за нею, т. е. Армидою,
 въ пушь отправились.

VI. — 50.

Арганшъ и Танкредъ сражались
 Ma si oscura la notte intanto sorse
 Но такъ темна ночь между шѣмъ показалаь
 Che nascondea le cose anco vicine
 Что скрывала вещи даже ближайшія (сосѣднія).

VIII.—57.

Sorgea la notte intanto, e sotto l' ali
 Наставала ночь между шѣмъ, и подъ крылами
 Ricopriva del cielo i campi immensi:
 Сокрывала неба равнины безпредѣльныя:
 E' l sonno, ozio dell' alme, obbligo de' mali,
 И сонъ, успокоеніе душъ, забвеніе золь,
 Lusingando, sopria le cure e i sensi.
 Лаская, усыплялъ заботы и чувства.

X. — 5.

Poi quando l' ombra oscura al mondo toglie
 Попомъ, когда тѣнь мрачная у міра похи-
 щаетъ

J vari aspetti, e i color (6) tinge in negro
 Различные виды, и *цвѣты* обмакиваетъ въ
 черную краску.

— 78.

Sorge intanto la notte, e su la faccia
 Наспаетъ между тѣмъ ночь, и на поверх-
 ности

Della terra distende il velo nero.
 Земли простираетъ покровъ черный.

XI. — 82.

Годфридъ оказывалъ удивительные подвиги,
 и непременно бы послѣдовало рѣшительное
 сраженіе

Ma fuor uscì la notte, e' l Mondo ascose
 Но вонъ вышла ночь, и міръ скрыла
 Sotto il caliginoso orror dell' ali
 Подъ мраконоснымъ ужасомъ крыль,
 E l' ombre sue pacifiche interpose
 И тѣни свои отрадныя положила

(6) Здѣсь слово *цвѣты* не должно брать за растѣ-
 нія, но за разныя краски—колера.

Fra tante ire de' miseri mortali
 Между поликими ожесточеніями бѣдныхъ
 смертныхъ.

XIV— 1

Usciva omai dal molle e fresco grembo
 Исходила уже изъ мягкаго и свѣжаго нѣдра
 Della gran madre sua la notte oscura,
 Великой матери своей ночь темная,
 Aure lievi portando, e largo lembo
 Вѣтерки легкіе принося, и преизобильное
 (широкое) изліяніе
 Di sua rugiada preziosa e pura:
 Своей росы драгоцѣнной и чистой:
 E scuotendo del vel l' umido lembo
 И пошрясая покрова влажный край
 Ne spargeva i fioretti, e la verdura:
 Изъ онаго разсѣявала цвѣшочки и зелень:
 E i venticelli, dibattendo l' ali
 И вѣшперочки, помавая крыльями,
 Lusingavano il sonno de' mortali.
 Ласкали сонъ смертныхъ.

XVII— 56.

Два Рыцаря, посланные за Ринальдомъ, и
 самъ Ринальдъ, возвращаясь къ войску Хри-
 стианскому, вышли на берегъ; провождав-
 шая ихъ женщина вдругъ исчезла.
 Sorgea la notte intanto, e delle cose
 Наспавала ночь между шѣмъ и вещей

Confondea i varj aspetti un solo aspetto.
Смѣшивала разные виды въ одинъ видъ.

XIX. — 50.

Gia l' orisonte d' ogni intorno è scuro.
Уже горизонтъ со всѣхъ сторонъ поше-
нѣлъ.

7. Часы успокоенія.

Пѣснь XII. — Строфа 2.

Al sonno invita
Ко сну призываетъ
L' ombra omai fatta più tacita e bruna.
Мракъ уже сдѣлавшійся безмолвнѣе и шемнѣе.

XIX — 131.

Годфридъ замолчалъ и удаляется, потому
Che' l cader delle stelle al sonno invita
Что паденіе звѣздъ ко сну призываетъ.

8. Глубокая ночь.

Пѣснь II. Строфа 96.

Арганшъ и Алешъ, посланники Саладина, выслушавъ намѣреніе Годфрида, продолжая войну, возвращаются. Арганшъ уже удалился; Алешъ оспавался еще въ спанѣ Христіанскомъ.

Era la notte, allor ch' alto riposo
 Была ночь, погда—какъ глубокий покой
 Nan l' onde, e i venti e pareva muto il mondo
 Имѣюшь волны и вѣпры и казался нѣмош-
 ствующимъ мѣръ.

Gli animali lassi, e quei che' l mar ondoso
 Живошныя упомленныя, и пѣ копорыхъ
 море волнистое

O di liquidi laghi alberga il sondo;
 Или влажныхъ озеръ содержишь дно
 E chi si giace in tana, o in mandra (7) ascoso,
 И копорое лежишь въ пещерѣ или вмѣспѣ
 со снадомъ укрито

E i pinti augelli nell' obbligo giocondo
 И разкрашенныя пщицы въ забвеніи пріят-
 номъ

Sotto il silenzio de' secreti orrori
 Подъ безмолвіемъ паинспвенныхъ ужасовъ
 Sorrian gli affanni, e raddolciano i cori
 Усыпляли прискорбія и услаждали сердца.

VI — 103.

Ерминія ожидаешъ конюшаго своего, послан-
 наго ею къ Танкреду.

(7) *Mandra* — Congregamento di bestiame, o ricettacolo di esso. Сборище скоша или мѣсто убѣжища, мѣсто куда оный загоняюшь. — Della Crusca.

E sorge poi, che' I cielo anco è sì nero
 И възстаешъ потомъ, какъ небо еще быва-
 ешъ такъ мрачно (черно),
 Che non dá luce inu la cima al monte
 Чшо не даешъ свѣта на вершинѣ горы.

XIX. — 57.

Вафринъ посылаешся къ непріятелямъ ла-
 зущикомъ.—Онъ прошелъ уже Аскалонъ
 . . . Che non uscía
 Когда не вышло
 Dal balcon d' Oriente anco il mattino.
 Изъ чершого воспочнаго утро.

Н. Остолоповъ.

О БАСНѢ и О БАСНОПИСЦАХЪ.

(Окончаніе *)

Третья причина малаго успѣха новѣйшихъ Баснописцевъ состоитъ въ томъ, что они большею частію избираютъ для своихъ Басенъ предметы уже истощенные и выводятъ изъ нихъ пустое и всѣмъ извѣстное нравоученіе, отъ чего Басни ихъ не имѣютъ почти никакой занимательности.

Надобно признаться, что послѣ Басенъ Эзопа и другихъ древнихъ писателей, которыхъ собралъ и передѣлалъ Лафоншенъ, мало уже осталось важныхъ и замысловатыхъ предметовъ для сочиненій сего рода; но - какъ онъ самъ говоритъ - *и послѣ жатвы найдутся еще на полѣ колосья* **). Ламошъ, Ри-

*) См. N° I сего Журнала на нынѣшній 1819 годъ.

**) *Ce champ ne se peut tellement moissonner, Que les derniers venus n' y trouvent à glaner.*

шеръ, Оберъ, Лемонье, Дардень, Флоріанъ, Ниверне и многіе другіе доказали это своимъ примѣромъ; и если число хорошихъ Басень не такъ велико, то безъ сомнѣнія пошому, что сочинители обрабатывали преимущественно такіе предметы, коихъ нравственный смыслъ не превышаетъ понятія дѣшей.

Французы очень не много имѣють у себя собственнаго своего изобрѣшенія Басень, копорыя важностію нравоученія подходили бы къ древнимъ; но и другія націи не богатѣе ихъ въ семь родѣ сочиненій и уступають еще имъ въ пріятности разсказа *).

У Нѣмцевъ много Баснописцевъ, какъ то: Гагедорнъ, Геллертъ, Лихтверъ, Шлегель, Глеймъ, Лессингъ, Пфейфель и дру-

*) Французскій Сочинитель безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы здѣсь исключеніе въ пользу Рускихъ Баснописцевъ, если бы они были ему извѣстны. *Прим. Изд. Благ.*

гіе. Ихъ Басни вообще очень крашки, и хопя нѣкошорыя опличаюпся новыми и удачными вымыслами; но въ иныхъ нельзя не замѣшитъ слишкомъ опвлеченной нравспвенности; въ другихъ мораль не соопвѣшспвуешъ ни дѣйспвію, ни самымъ дѣйспвующимъ лицамъ. Въ ихъ Басняхъ по большой часпи нравоученіе оспавляется Авторомъ на догадку чипашелю. Сія мепода очень хороша, если смыслъ Басни ясно представляется въ ея ходѣ; но когда испина, о кошорой намекаешъ Сочинишель, не можешъ бытъ хорошо выразумлена безъ особаго поясненія, или когда Баснѣ можно датъ различный смыслъ, тогда чипашель оспаешся въ недоумѣніи и не поймешъ настоящей цѣли Автора.

Лессингъ сочинялъ Басни свои въ прозѣ и спарался доказать въ изданномъ имъ послѣ Разсужденіи, что Басня должна бытъ писана не иначе, какъ прозою, ибо ея сущеспвенное свойство есптъ крашкоссть: она должна иди прямо къ своей цѣли, а риѐма и мѣра увлекающъ Поэта невольню въ маловажныя подробности и дѣлающъ разсказъ его раз-

пханутымъ *). Если судишь о Баснѣ по ея первоначальному упошребленію и говоришь о ней, какъ о средствѣ для внезапнаго убѣжденія въ важныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, разсуждають о какомъ нибудь предпріятіи, объ опшращеніи какого-либо зла **) или когда внушають добрый совѣщъ Государю, вельможѣ — я ссгласень, что въ подобныхъ обспояшельствахъ упошребишь Басню въ спи-

*) Лессингъ говоришь о Лафоншенѣ, что ему удалось сдѣлать изъ Басни *пштитескую игрушку*.

**) Такъ поступилъ Пашрю: Французская Академія намѣревалась принять къ себѣ новаго члена, неимѣющаго другихъ доспоинствъ, кромѣ знашности и богатства. Пашрю, желая опшрашиться опъшого своихъ сочленовъ, просилъ опложити избраніе и сказалъ имъ слѣдующую Басню: „Одинъ древній Грекъ имѣлъ превосходную лиру. Порвалась спруна: вмѣсто обыкновенной, вздумалось ему навязать золотую; и лира съ золотой спруной пошеряла всю гармонію.“

хакъ, значило бы погрѣшишь прошиву върояшя. Но нынѣ, когда Басни пишушя шолько для чпеня, а не для того чшобы упошребляшь ихъ въ доводы; нынѣ когда необходимо перебуешя украшашь сей родъ вымысловъ прятными подробностями, оспроумными оборотами, тонкими и новыми мыслями, чшобъ завлечь вниманіе чшашателя, котораго весьма скоро ушомило бы одно сухое нравоученіе—нынѣ почишаю я Поэзію не бесполезною принадлежноствію Басни. Подобно шарлапану, который, выхваляя свой чудесный бальзамъ, разными смѣшными оборотами, невиданными фарсами и прыжками привлекаешь народъ — Баснописецъ долженъ также *разцвѣтать* мораль свою, чшобы сдѣлать ее заманчивѣе для чшашателей. Въ семъ случаѣ между чернью и людьми образованными нѣтъ никакой разницы, и на одного чшашателя, которому понравился простая Басня въ прозѣ, найдешя тысяча такихъ, кои пожелають видѣшь ее, украшенною цвѣтами Поэзіи.

Думаюшъ, что Поэтъ, запрудняемый мѣрою стиховъ и риемою, долженъ

распространишь въ своемъ разсказѣ и наполнишь его пустыми подробностями. Согласенъ, что это случается съ дурнымъ Поэтомъ: но когда Баснописецъ знаетъ всѣ обороты, всѣ тонкости своего языка, когда въ немъ соединяется точность вкуса съ шворчевскимъ огнемъ Генія — усилія его не будутъ безуспѣшны. Спаль, ударяясь о камень, производишь искру: пипическій огонь живошворишь все, къ чему ни прикоснешся. Картины, обрисованныя пльнишельною кистию Поэта, получающъ новую живость, примѣненія дѣлаются остроумнѣе, оригинальнѣе, а мысль о преодолѣнной трудности придаетъ еще большую цѣну сочиненію.

Читая Лафонпеновы Басни, найдешь ли какія нибудь неумѣстныя и пустыя подробности? Замѣшишь ли въ нихъ принужденіе? Вспрѣшишь ли что нибудь лишнее? Басни: *Лисица и Ворона*, *Штукъ и Желтужина*, *Лягушка и Волъ* длиннѣе ли написанныхъ на тѣ же предметы въ прозѣ? Если можно упрекнуть Лафонпена, что онъ распянулъ безъ всякой нужды нѣкоторыя изъ своихъ

Басень, но нельзя припомъ не замѣ-
 шипшь, что онъ сдѣлалъ это не изъ при-
 нужденія, а единственнно увлекаясь лег-
 коспю своею поясняять смыслъ и мо-
 раль Басни.

Англичане не такъ богаты басно-
 писцами, какъ Нѣмцы. Мнѣ извѣстны
 изъ нихъ только двое: *Жонъ Гей* и *Эд-
 вардъ Мооре*. Первый весьма уважается
 въ своемъ отечесствѣ. Въ самомъ дѣлѣ
 оно хорошо знакомипшь съ смѣшными
 привычками и слабостями своихъ одно-
 земцевъ: онъ умѣлъ представишь ихъ
 въ настоящемъ видѣ.

Басни Эдварда Мооре писаны для
 женщинъ; онѣ составляютъ хорошій
 курсъ нравственности, и если доста-
 точно для Басни, что бы звѣри, птицы
 и пр. только говорили и дѣйствовали,
 то сочиненія Мооре можно причесать
 къ сему роду. Главный ихъ недостатокъ
 состоитъ въ томъ, что онѣ вообще
 очень длинны и по большей части сухи:
 пространные разговоры между актера-
 ми, копорыхъ выборъ не всегда удаченъ.

Можно по справедливости упрек-
 нушь сихъ двухъ Англинскихъ писате-

лей самымъ содержаніемъ Басень ихъ; кошорое было бы приличіе для Саширы. Они заспавляютъ живошныхъ разсуждать о Полишикѣ и о наукахъ, дѣлающъ ихъ слишкомъ учеными въ прошивность здравому смыслу и правдоподобію. Хорошо ли напрімѣръ вывешти на сцену Слона, кошорый перебираешъ лиспы въ книгахъ и разсуждаешъ съ книгопродавцемъ; любопытную Сову, кошорая собираешъ старинныя рукописи, уносишь у конфешчиковъ и пирожниковъ обершочные печашные лиспы, содержащіе что нибудь ученое;—другую Сову-профессора, кошорая даешъ философическія лекціи Принцамъ, своимъ воспитанникамъ и пр.? Не значишь ли эшо нарушашъ всякое правдоподобіе и упошребляшь во зло нѣкошораго рода вольности, позволишельныя Баснописцу? Тупъ ужъ не живошныхъ слушающъ, не на нихъ смощряшь; эшо люди подъ именемъ живошныхъ: обманъ мгновенно исчезаешъ.

Увѣрять въ той истинѣ, что Англинскіе Баснописцы часшо не соблюдали правдоподобія, нельзя не замѣшишь, что

Гей въ послѣдней Баснѣ въ второй части поступилъ совершенно пропиву вкуса. Дѣйствіе происходишь на кладбищѣ между Могильщикомъ и двумя Воронами, копорые споряшь чья мершвечина вкуснѣе, человѣческая или звѣриная. Земляной Червь, избранный посредникомъ въ семь дѣлъ, говоришь съ важносцію, что хотя онъ довольно пишался и шѣмъ и другимъ, но не можеть разрѣшишь вопроса, пошому что: *сколько гервей, столько и разлитныхъ вкусовъ*. И чрезъ это сочинишель хотѣлъ убѣдишь насъ въ давно уже извѣстной истинѣ, что нѣтъ разницы между шрупомъ человѣка и скота. Не всякой повѣришь, что сіе опшрашишельное иносказаніе посвящено молодой и прекрасной дѣвицѣ, копорую авторъ называешъ *Лаурою*.

Англичане вообще имѣють спранный вкусъ. Они находяшь красопы въ шомъ, что другимъ націямъ показалось бы опшрашишельнымъ, нестерпимымъ; примѣровъ шому много во всѣхъ родахъ.

Спранности Басень Гея и нѣкопорыхъ другихъ Фабулистовъ дають мнѣ поводъ замѣшишь, что желая восполь-

зовашься предметомъ нравственности, пребующимъ дѣйствія и разсужденій, коихъ не возможно приписать живописнымъ безъ нарушенія правилъ правдоподобія, всего лучше выбирашь актеровъ между людьми. Что бы предсавишь намъ заблужденіе людей, льспящихъ себя пустыми надеждами, Лафоншень разсказываетъ несчастіе *Мологницы*; желая убѣдишь насъ въ шомъ, что при умѣренномъ соспоянїи можно насаждать ся шакже, или еще и болѣе, чѣмъ въ изобилии, даетъ онъ намъ урокъ сей въ сказкѣ: *Откупщикъ* и *Сапожникъ*; въ намѣренїи доказашъ намъ суешность желаній нашихъ, вымышляетъ онъ прищчу: *Желанія*. Въ сихъ иносказанїяхъ, шакже какъ и въ другихъ, каковы на примѣръ: *Мѣльникъ*, *Сынъ его* и *Оселъ*, *Ученикъ* и *Педантъ*, *Садовникъ* и его *Господинъ*, *Ефезская Вдова*, не хотѣлъ онъ вывеспи живописныхъ, пошому что надлежало бы приписать имъ поспуцки и разсужденія, несообразныя съ существомъ ихъ, и чрезъ шо нарушилъ правдоподобіе.

Послѣ сихъ замѣчаній, коихъ не вы-

даю за правила, но конюрья, можешь бышь, полезны будущь для неопытныхъ Баснописцевъ, я позволяю себѣ объяснить о родѣ Басень, опровергаемомъ нѣкошорыми писателями, судя по сдѣланному ими опредѣленію Аполога.

Они говорятъ, что *Басня есть наставленіе, прикрытое аллегорією какого либо дѣйствія* *). Принимая это, не совсемъ полное опредѣленіе за правило, они исключили изъ рода Басень шѣ, въ коихъ вводныя лица разговариваютъ вмѣсто того, что бы дѣйствовать.

Не желая входить въ изслѣдованіе точности сего положенія, замѣчу я только, что такой родъ Басень можно найти у Эзопа, Лафоншена, даже у самаго Ламоша, установившаго сего правила, у Ришера и у многихъ другихъ новѣйшихъ писателей, и что опровергая таковыя Басни, публика лишилась бы многихъ полезныхъ нравоученій, въ нихъ заключающихся.

*) Une instruction déguisée sous l' allegorie d' une action. *La Motte, Discours sur la Fable.*

Басня: *Пѣтухъ и Жемчужина*, не представляешь ли сущую испину, самый полезный урокъ? А въ ней нѣтъ никакого дѣйствія. Нравоученіе выводится только изъ словъ Пѣтуха, который говоритъ, что предпочель бы зерно найденной жемчужинѣ. Басня: *Солнце и Лягушки* содержишь въ себѣ только описаніе страха, который сіи послѣднія изъъявляютъ, услыша, что Солнце намѣрено вступитъ въ супружество. Въ Баснѣ: *Заяць уши* Сочинитель рассказываетъ прежде по какому случаю всѣ рогатые звѣри выгнаны были изъ лѣсу—это только приступъ къ Баснѣ, которая начинается съ того, что Заяць боясь, что бы не приняли ушей его за рога, прощается съ сосѣдомъ своимъ Кузнечикомъ; все прочее состоитъ въ разговорѣ. Басня подъ заглавіемъ: *Ничего лишняго* (Rien de trop) заключаешь въ себѣ одни только разсужденія.

Можно кажется опредѣлительно сказать, что есть такія черты нравственности, которые въ Баснѣ не могутъ быть иначе выведены, какъ посредствомъ разговоръ. Ламость на-

примѣръ желая доказатьъ, что болѣе выигрываешь забавляя, нежели оказывая услуги, примѣняешь къ сему правилу жалобы *Осла*, сравнивающего свою несчастную участь съ участію *Обезьяны*, которая хотя и вовсе бесполезна, но несравненно болѣе въ чести, нежели онъ. Смысль сей Басни выведенъ полько изъ жалобъ и разсужденій *Осла*, однако прудно было бы инымъ и лучшимъ образомъ доказатьъ сію истину. Басни: *Слонъ и Обезьяна Ришера*, *Билеты Похоронный* и *Свадебный Обера*, *Два Зайца Ламота*, состоятъ поже полько изъ разговоровъ; но нельзя представитъ себѣ никакого дѣйствія, коимъ бы лучше можно было выразитъ истины, въ нихъ заключающіяся.

Сверхъ того въ Баснѣ вводящяся иногда такія лица, коихъ нельзя заславитъ дѣйствованъ, не погрѣшая прошивъ правдоподобія. Животные ходятъ, дѣйствуютъ, имѣютъ извѣстные характеры и бывають побуждаемы теми же физическими наклонностями, какъ и человекъ; Баснописцу оспаша полько заславитъ ихъ говоритъ: это уже принято. Но деревья, цвѣты, камни, метал-

ды, книги, однимъ словомъ всѣ неодушевленные вещи, къ коимъ иносказаніе часто прибѣгаешь—можно ли ихъ заспавишь двигашься, дѣйствовать, не нарушая правдоподобія? Не довольно ли уже и того, что ихъ заспавляютъ говоришь? Мнѣ скажешь: не надобно употреблять ихъ въ Баснѣ — но чѣмъ же замѣнишь ихъ? Есть предметы, коихъ нельзя представить въ Баснѣ, не прибѣгая къ симъ неодушевленнымъ вещамъ, и коихъ пожертвованіе, по вводимому Ламопомъ, не совсемъ основательному правилу, было бы слишкомъ велико.

Можешь быть приведуть мнѣ въ возраженіе Басню: *Глиняный и Желѣзный Горшки*, копорыхъ заспавили вмѣстѣ путешествовать: но самая эта Басня еще больше утверждаетъ мое мнѣніе. Лафоншенъ, описуя ошъ своего образца, погрѣшилъ прошиву правилъ правдоподобія: ибо Эзопъ, копорому приписываютъ сію Басню, представляешь путешествіе горшковъ по водѣ. Такимъ образомъ они могутъ сполкнуться волною или вѣтромъ, и тогда нѣтъ ничего невозможнаго или неправдоподобнаго въ сей баснѣ.

Кромѣ того не естъ ли уже и эпо-
нѣкопорого рода дѣйствіе, когда *Сош-
никъ* и *Шпага* спорящъ между собою
о преимущесствѣ; *Шпага* говоритъ съ
насмѣшкою о низкой его должностнн и
хвалятся своею. *Сошникъ* доказываетъ
свою пользу и упрекаетъ *Шпагу* въ
несчастіяхъ, наносимыхъ ею. Такимъ
образомъ мы представляемъ ихъ себѣ
почти въ дѣйствіи, хопя оно состоитъ
только въ разговорѣ; и Ламошъ, сочи-
нители сей Басни, очень много уже по-
грѣшилъ прошиву правдоподобія въ сихъ
смѣшныхъ стихахъ:

Le soc donne un salut sans que l' aut-
re le rende.

И такъ можно заключить сіи замѣ-
чанія шѣмъ, что разговорныя Басни
всегда позволишельны, когда вводятся
въ нихъ такія лица, копорыхъ нельзя
заставить дѣйствовать, не погрѣшивъ
прошивъ правдоподобія, и что когда
Баснописецъ избираетъ предметы нео-
душевленные, то не долженъ приписы-
вать имъ дѣйствія одушевленныхъ.

Съ Франц. Вл.

СМѢСЬ.

Краткія выписки, замѣтанія и анекдоты.

Мендельзонъ и Профессоръ Энгель прохаживались въ Берлинскомъ публичномъ саду. За ними шель пьяный солдатъ, копорый, поравнявшись съ Мендельзономъ, спаль бранить его горбашымъ Жидомъ и наконецъ сильно удариль по плечу. Эпо чрезвычайно разсердило Энгеля: онъ схвапываетъ палку и замахиваетъ на дерзкаго грубіана. Но Мендельзонъ въ по же мгновеніе удерживаетъ его руку и говоритъ самымъ простодушнымъ пономъ, о копоромъ послѣ Энгель не могъ безъ умиленія вспомнить: „Что ты дѣлаешь, другъ мой? Оставь несчастному рабу единственное утѣшеніе, единственную опраду, копорая ему дозволена — руганья надъ Евреемъ.“ — О вы, изъ среды коихъ явился сей новый Сократъ, послѣдуйте примѣру мудреца сего. Когда рабы, омраченныя предразсудкомъ, ругаются вами, дайте имъ волю и продолжайте — молчайте. Помните также изрѣченіе Талмуда: „Не полкай пьянаго, онъ свалился самъ *).“

*) Эти утѣшительныя слова сказаны однимъ Нѣмецкимъ Журналистомъ года за два предъ симъ. Те-

Мендельзонъ, Николай, Гамбургскій Купецъ Вессели *) и пошъ, кто рассказывалъ слѣдующій анекдотъ, ѣхали вмѣстѣ въ Берлинскій звѣринецъ. У городскихъ ворошъ спали имъ дѣлашь обыкновенный допросъ. Республиканскому купцу эшошь обычай не понравился: онъ спалъ смѣяшся надъ нимъ и сказалъ между прочимъ: „Берлинцы, какъ части рѣчи въ Грамматикѣ, склоняются и спрягаются.“

Вышедъ у ворошъ звѣринца изъ кареты, увидѣли они уродливаго ребенка, кошораго мать просила у проходящихъ милостыни. „Къ чему бы родиться на свѣшъ такимъ искаженнымъ швореніямъ?—сказалъ тогда Вессели, обращясь къ Мендельзону. Сей молчалъ, а Николай вступилъ съ нимъ въ пространное о томъ разсужденіе, кошорое продолжалось во время всей прогулки. Мендельзонъ казался весьма мало прини-

перъ, думаю, и они бесполезны для Евреевъ въ Германіи *Прим. Перев.*

*) Вессели былъ также хорошей писатель по части Политической Экономіи. Онъ былъ въ тѣсной связи съ *Лессингомъ*, *Мендельзономъ*, *Николаемъ Реймарцсомъ*, *Унцеромъ*, *Шредеромъ* и другими сочинителями. Брашъ его извѣщенъ ученостію своею и прекрасными стихошвореніями. *Прим. Перев.*

малъ въ шомъ участія; но когда, на возвращенномъ пути, опять остановились у городскихъ воротъ, онъ спросилъ у Вессели; „Въ кошоромъ часу у васъ въ Гамбургѣ въ лучшее время запираются городскія ворота?“ — Въ шесть часовъ, отвѣчалъ пошъ. — „И тогда нельзя ужъ выдти изъ города?“ — Нельзя: ни выдти, ни войти. — „Въ самомъ дѣлѣ?“ — Точно. Чшожь вы качаете головой? — „Вопшъ видите ли, сказала Мендельзонъ, вы осуждали наше правительство за допросы; роптали на Провидѣнне за уродливыхъ дѣшей: но Берлинцы и эти уродливыя дѣши могутъ, хотя и съ прудомъ, выдти за городъ, наслаждаться чистымъ воздухомъ и каждый по своему бытъ счастливымъ. И такъ, я думаю, пруднѣ вамъ защитишь республиканскій Совѣтъ, чѣмъ Провидѣнне и Прусское Правительство.“

Сенека въ письмѣ къ своему другу Луцилію говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Ты знаешь, что Гарпаста, дура моей жены, осталась у меня, какъ вещь наследственная. Я не люблю занимашся такими уродами и когда придетъ охота посмѣяшся надъ глупцомъ—смѣюсь самъ надъ собою. Эта дура вдругъ ослѣпла. Спранно, однако справедливо. Она не чувствуетъ своей слѣ-

попы и просишь неопшшупно своихъ вожа-
 шыхъ, чшобъ вывели ее изъ моего дома, гдѣ
 какъ она говоритъ, темно. Чшо въ ней намъ
 кажешся смѣшно, по-повѣрь мнѣ, другъ мой—
 случается со всѣми нами: никто не видишь,
 чшо онъ скупъ или корыстшлюбивъ; но слѣ-
 пые прешують вожашаго, а мы сами себя
 водимъ криво. Я не честшлюбивъ, говоритъ
 иной, но въ Римѣ нельзя житъ иначе; я не
 распочителень, но прешываніе въ споліцѣ
 прешуетъ большихъ издержекъ; не моя ви-
 на, чшо я вспылчивъ, чшо я не слѣдую еще
 никакому опредѣленному плану въ жизни:
 этому виною молодосшь. Не въ окружаю-
 щихъ насъ предметахъ должны мы искашь
 причину испорченности нашей; она въ насъ
 самихъ глубоко укоренилась, въ нашей вну-
 ренности, и попому-шо, чшо мы не чув-
 стшвуемъ своей болѣзни, изцѣленіе еще шруд-
 нѣе. Если мы будемъ еще откладывашь
 оное, шо когда же успѣемъ очисшитъ себя
 опъ всѣхъ пороковъ? А самое легкое цѣли-
 шельное средшво сущестшвуетъ для насъ въ
 Философіи, пошому чшо всѣ другія достав-
 ляють удовольствіе уже по исцѣленіи, а
 эшо въ одно время и пріятно и спаси-
 шельно.“

Жанъ Жакъ Руссо родился въ Женевѣ

въ 1712 году и въ то же время лишился матери. „Рожденіе мое, говоритъ онъ самъ, было первымъ изъ моихъ несчастій.“ 1750 годъ былъ эпохою появленія его на литературномъ поприщѣ. Дижонская Академія задала вопросъ: *можетъ ли возстановленіе наукъ и художествъ способствовать очищенію нравовъ?* Руссо хотѣлъ сначала написать въ пользу наукъ. „Но это всякому извѣстно, сказала ему Философъ Дидеротъ, бывший тогда его другомъ, напиши опроверженіе и я ручаюсь въ совершенномъ успѣхѣ.“ Руссо тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ ему совѣту, что въ то же время удовлетворялъ склонности своей къ парадоксамъ. Рѣчь его, одобренная Дижонскою Академіею, дала ему первое мѣсто между авторами вѣка Людовика XV

Руссо, преслѣдуемый уже своими непріятелями, уѣхалъ въ Лондонъ съ славнымъ Историкомъ Юмомъ, который и доставилъ ему пріятное жилище за городомъ. Тогда въ Лондонской газетѣ напечатано было подложное письмо Короля Прусскаго, въ которомъ осмѣяны всѣ правила и поведеніе новаго Діогена. Руссо, озлобленный претерпѣнными имъ несчастіями и почишающій себя, какъ онъ самъ говорилъ, *агнецѣмъ между волками*, вообразилъ, что это сдѣлано по наущенію Юма, который будто бы со-

гласясь съ нѣкоторыми Парижскими философами, только за шѣмъ и привезъ его въ Лондонъ, что бы предашь осмѣянію публики. Написавъ къ своему благодѣтелю самое оскорбительное письмо, Руссо возвратился во Францію. Въ проѣздѣ чрезъ Аміенъ онъ видѣлся съ Грессепомъ, и когда Поэтъ сталъ спрашивать о его несчастіяхъ и сообрахъ, онъ отвѣчалъ ему только: „вы умѣли заставить говорить *попугая*, но не заставили говорить *медвѣдя*.“

Сравнивая Вольпера и Руссо, говорили, что добродѣтели перваго въ его головѣ, а послѣдняго въ его сердцѣ. Это мнѣніе казалось справедливо, пока не была чистана Жанъ-Жакова *Исповѣдь* (Les Confessions); но тогда уже стали говорить, что Руссо былъ бы гораздо добродѣтельнѣе, еслибъ умеръ *безъ исповѣди*.—Другіе дѣлая очень справедливое сравненіе между имъ и Циникомъ Діогеномъ, говорили о немъ то же, что было сказано о Греческомъ Философѣ, то есть, что *не надобно слишкомъ заглядывать на дно его бочки*.

Вольперъ первый познакомиль Французовъ съ Невпономъ. Онъ при всякомъ случаѣ оказывалъ приверженность свою къ Англичанамъ и говорилъ, что „они похожи на

„свое пиво: сверху пѣна, снизу дрожжи, но „средина превосходна.“

Однажды пришелъ къ Вольперу незнакомый ему челоѣкъ. „Скажише, что меня нѣтъ дома, закричалъ Философъ громовымъ своимъ голосомъ.“—Я слышу, онъ самъ говоритъ это—опѣчалъ неизвѣстный.—„Но я болѣнь.“—Такъ я пощупаю пульсъ—я лекаръ.—„Скажише, что я умеръ—закричалъ опять Вольперъ съ сердцемъ.“—Такъ я похороню его.—„Вотъ упрямѣйшій челоѣкъ въ свѣтѣ! Пусть войдешъ. . . Вы, сударь, почиаете меня за диво?“—Ваша правда, за феникса.—„Хорошо, но надобно заплашишь двѣнадцать су, чтобъ меня видѣть.“—Вотъ вамъ двадцать чешыре: завтра опять приду сюда.—Вольперъ засмѣялся, сдѣлался веселъ и обласкалъ своего гостя.

Въ другой разъ пришелъ къ нему также незваный и припомъ очень скучный гостъ.—„Донъ Кишопъ почипалъ практиры замками, сказалъ Вольперъ, а эпошъ господинъ принимаетъ мой замокъ за практирь.“

Когда при немъ слишкомъ хвалили одно собраніе предметовъ Натуральной Исторіи, болѣе рѣдкихъ, нежели важныхъ, онъ показалъ изъ окна на свой садъ и сказалъ: „вотъ мой кабинетъ Натуральной Исторіи.“ Разговаривая о Химіи, сказалъ онъ: „хорошій поваръ есть также

превосходный Химикъ. “ Онъ всегда уважалъ науки, но всего болѣе смотрѣлъ на практическое ихъ употребленіе. Когда ему говорили о самыхъ тонкихъ теоретическихъ правилахъ, онъ всегда спрашивалъ: „какая же оныя того польза? “

Вольшеръ былъ горячъ, вспыльчивъ, но при томъ добръ, чувствителенъ, сострадателенъ и великодушенъ. Онъ имѣлъ веселый нравъ и ставилъ себѣ за правило быть иногда легкомысленнымъ. „Жизнь исполнена перніями, говорилъ онъ. Я не знаю ничего лучшаго, какъ проводить ее въ веселомъ расположеніи духа. Оспанавливаясь на какомъ нибудь злѣ, шѣмъ болѣе даюшъ ему пищу.“ Однажды, когда онъ былъ необыкновенно веселъ, племянница его Гжа Денисъ, сказала: „что-то будешь говорить о васъ попомшво?“ — Что я буду не послѣдній глупецъ.“ — Какъ? Вы думаете, что вѣчего больше сказать о человѣкѣ, который оставляетъ послѣ себя сорокъ помовъ?“ — Ахъ другъ мой, вскричалъ Вольшеръ, съ такою тяжелою ношею не дойдешь до попомшва.“

Еще за принадлецать лѣтъ до своей смерти велѣлъ онъ сдѣлать для себя подлѣ церкви гробницу и сказалъ при семъ случаѣ: „шеперъ не будешь меня упрекать въ безопасности.“

Англичане, въ то время, когда еще Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты были въ ихъ владѣніи, посылали шуда своихъ преступниковъ. Сѣвероамериканскіе поселенцы были очень не рады такимъ незванымъ гостямъ, которые привели къ нимъ всѣ пороки Европейцевъ; однако неудовольствіе ихъ не было уважено и ссылка Великобританскихъ преступниковъ въ Сѣверную Америку продолжалась. Тогда знаменитый Франклинъ вздумалъ отмстить за своихъ соотечественниковъ и послалъ съ возвращающимся въ Англію транспортнымъ кораблемъ къ Министру Вальполю полный ящикъ гремучихъ змѣй съ шѣмъ, что бы отдарить его за присланныхъ мошенниковъ, воровъ и разбойниковъ. При томъ приложилъ онъ просьбу, чтобы сихъ превосходныхъ змѣй, которыя были шожде для Сѣверной Америки, что грабищели и плушты для Англій, пущить въ Королевскій садъ и расплодить какъ можно болѣе въ надеждѣ, что Англичане будущъ имѣшъ отъ нихъ ту же выгоду, какою Сѣвероамериканцы пользуются отъ доставленныхъ къ нимъ преступниковъ.

Философъ Галилей родился въ Пизѣ въ 1564 году. Онъ принялъ систему Коперника и бывъ отважнѣе его, осмѣлился

преподавашь публично ученіе о обращеніи земли вкругъ солнца. Но кто первый дерзнешь бороться съ заблужденіями старины, шопть не можешь избѣжать наказанія. Сократа гнали въ Аѳинахъ за то, что онъ отвергалъ многобожіе; Галилея преслѣдовали въ Римѣ за то, что онъ отвергъ систему Пполомееву. Инквизиція осудила его, какъ ерешика, заключишь въ темницу и заспавишь въ печеніи прехъ лѣтъ, каждую недѣлю, чишаешь въ слухъ семь псалмовъ покаянія; слѣдовательно, въ сравненіи съ Сократомъ, онъ могъ опдѣлаться довольно дешево. Однако послѣ многихъ разсужденій въ шемницѣ, славный Физикъ вздумалъ покориться осудившимъ его семи Кардиналамъ и стоя на колѣнахъ, опрехся опъ своего мнѣнія въ сихъ словахъ: *Corde sincero et fide non fictâ abjuro, maledico et detestor supra dictos errores et hereses.*

Инквизиція шѣмъ болѣе долженспвовала бышь благодарною за усиліе, которое онъ сдѣлалъ надъ собою, что покаяніе его было совсемъ неискренно: Философъ вставши и шопая ногою въ землю, которую призналъ попрежнему недвижимою, не могъ удержаться, чтобъ не сказать: *e pur si more!* а все таки она вертишь!

(Изъ разныхъ Журналовъ) Вл.

Благотворенія.

Извѣстія о бѣдныхъ.

1.

Лишнейной часши 3 кваршала, въ шестидавочной улицѣ, въ домѣ Академика Вильснера подѣ № 261, живетъ преспарѣлая и несчастная вдова Гжа Дѣйствительная Станская Совѣшница *А. Л. К.....ая*. Покойный супругъ ея въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ служилъ съ честію при разныхъ должностяхъ, сперва по военной, а послѣ того по гражданской службѣ. Онъ скончался въ 1809 году. Кромѣ жалованья и пенсіона, который производился ему въ отставку по послѣднему его мѣсту, не имѣлъ онъ у себя никакихъ другихъ доходовъ. По смерти его осталась дочь дѣвица 17 лѣтъ и сынъ въ арміи. Сей послѣдній, будучи въ то время простымъ еще Офицеромъ и находясь въ отдаленіи отъ маперіи своей и семьи, не могъ дѣлать имъ никакого пособія; и такъ принуждены онѣ были распродать все, что осталось послѣ покойнаго и что приобрѣшено имъ было съ трудомъ въ продолженіи пятидесятилѣтней службы. Дочь принялась за рукодѣлье и при слабомъ сложеніи своемъ нерѣдко просижи-

жала за шипьемъ цѣлыя ночи, что бы имѣть съ бѣною своею и дряхлою матерью дневное только пропитаніе. Между тѣмъ братья ея служилъ съ опличіемъ въ арміи, дослужился до Штабъ-Офицерскаго чина и къ несчастію убитъ въ 1813 году въ сраженіи подъ Лаономъ. (Другой сынъ Гжи К... ой убитъ еще въ 1805 году при Аусперлицѣ.) Комитетъ, Высочайше учрежденный въ 18 день Августа 1814 года, по уваженію бѣднаго состоянія Гжи К... ой и службы сыновей ея, исходатайствовала въ 1817 году Всемилостивѣйшее повелѣніе о производствѣ ей по смерти въ пенсіонъ ежегодно по 600 р. Съ чувствомъ благоговѣнія и живѣйшей благодарности приняла она сію МОНАРШУЮ милость и надѣялась спокойно провести остатокъ дней своихъ, какъ вдругъ дочь ея сдѣлалась опасно больна. Почти уже годъ сія несчастная и достойная дѣвица страждетъ мучительною и можетъ быть неизлечимою болѣзнію. Прежде утѣшалась она тѣмъ, что шрудилась для успокоенія бѣдной и дряхлой своей матери; а теперь убиваетъ ее та мысль, что она сдѣлалась ей въ шагость по своей продолжительной болѣзни. Тяжело и при здоровьѣ переносить вдвоемъ бѣдность: каково же шерпѣть съ ближними нищету при болѣзни или при дряхлости лѣтъ?—Нѣкоторыя сосрадащель-

ныя особы дѣлали по возможности своей пособія Гжѣ К. . . . ой и ея дочери; но при всемъ помѣ и пеперь еще онѣ находящяся испинно въ самомъ бѣдспвенномъ положеніи. Дай Богъ, что бы участь ихъ скорѣе перемѣнилась и что бы между чипапелями сего Журнала нашлись новые для нихъ благошворители.

2.

По смерти Надворнаго Совѣтника Зайцова, служившаго при бывшей Военнопоходной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи и скончавшагося въ прошедшемъ 1818 году, осталась въ крайней бѣдности мать, старушка сличкомъ 70 лѣтъ, лишенная почти вовсе зрѣнія, и сеспра, дѣвица уже пожилая, хвора я и едва ли не въ чахоткѣ, отъ которой кончилъ жизнь и братъ ея. Добрая дочь шрудями рукъ своихъ снискиваетъ себѣ и престарѣлой своей матери пропитаніе; но часто бываетъ сама больна, а иногда не имѣетъ работъ и пощому нерѣдко обѣ сидитъ безъ хлѣба. Онѣ живутъ Рожеспвенской часпи 2 кваршала, въ такъ называемой Машрѣшкиной улицѣ, въ домѣ Маіора Склифасова подъ Но 265.

Отгетъ въ деньгахъ, присланныхъ къ Издателю для раздати бѣднымъ.

Издатель Благонамѣреннаго получилъ отъ неизвѣстныхъ благошворителей для

раздачи по его усмотрѣнію бѣднымъ, а именно:

Изъ *Талбова*, при письмѣ отъ
26 ч. минувшаго Августа *шестдесятъ*
пять рублей. 65 р.
Изъ *Вятки*, при запискѣ отъ 8 ч. сего
Сентября *пятнадцать* руб. 15 —
Отъ Г. Н. Н. *десять* руб. 10 —

Итого *девяносто* руб. 90 р.
Изъ сихъ денегъ отдано Издашелемъ:
Гжѣ Дѣйст. Ст. Сов. *А. Л. К.* ой
шестдесятъ рублей 60 р.
Матери и сестрѣ Надв. Сов. *Зайцова*
десять р. 10 —
Надв. Сов. *Зайцовой* (см. XVII N° сего
Журнала, стр. 525) *десять* р. 10 —
Бѣдному и больному Регистратору Убыт-
кову (см. X N° спраш. 272) *пять* р. 5 —
Женѣ чиновника 14 класса *Е. В. П.*—ой
(см. I N° стр. 67) *пять* р. 5 —

Итого *девяносто* рублей р. 90 р.

И.

(30 Сентября)

(Загадка, помѣщенная въ XVII N° сего Жур-
нала знаетъ: глазъ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА
и ПОЛИТИКА .

Стихотворенія.

Оды:

	Стран.
Ожиданіе	15.
Мечшашель	17.
Спансы къ другу	20.
Зима	64.
Сила пѣснопѣнія	135.
Къ Радости	138.
Прощанье	142.
Судьба цвѣшовъ	143.
Къ Поспуму	265.
Бухгалтеру К. Г.	271.
Къ Оредешу	332.

Пѣсни и Романсы:

Скала двухъ любовниковъ. Романсъ изъ <i>Гонзальва Кордуанскаго</i>	12.
Романсъ изъ Поэмы: <i>Иснель и Аслега</i>	141.
Радость любовника	144.
Къ милой малюпкѣ	204.
Романсъ изъ <i>Эстеллы</i>	206.
Къ другу. Романсъ.	267.
Ко вздоху	336.

Посланія:

Стр.к.

Къ А. С. Норову	3.
— И. О. Г. Л.	201.
— Т. С. В...ой, на случай, когда она про- сила написать ей въ альбомъ стихи, въ которыхъ не было бы никакой лестии, похвалы и комплиментовъ	339.
Пятнадцать лѣвъ и роза. <i>Идиллія.</i>	70.
Провидѣніе. <i>Повѣсть.</i>	329.

Басни:

Курица и Лягушка	21.
Портретъ Львицы	68.
Осель во львиной кожѣ	69.

Надписи:

Къ портрету Н. М. Карамзина	22.
— — — — В. А. Жуковскаго	—
— — — — пригожей дѣвушки, держа- щей собачку	72.
Къ Амуру	207.

Надгробія:

Могила Анакреона	—
Младенцу	342.

Въ Альбомъ:

С. Д. П.	147.
Н. Н.	209.

Незнакомой	538.
Экспромпты	208.
Экспромптъ и Акrostихъ	342.
Мадригалъ	210.
Эпиграммы	210 и 343.
Логогрифы	148 и 273.
Загадки	211 и 273.
Шарады	23, 73, 149, 212, 275 и 345.

С м ѣ с ъ .

Дѣвицѣ *** въ день ея рожденія	209.
ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИѢ ѲЕОДОРОВНѢ	268.
Къ Г. Д. Т — ой, вмѣсто рекомендацельнаго письма одному извѣстному живописцу	—
Княжнѣ Ш *** при посылкѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ стихотвореній	269.
На отвѣсь Софіи, что у нея не два сердца	270.
Разговоръ	271.
Къ Филлидѣ	342.

П р о з а .

Повѣсти и Анекдоты:

Кабинешъ бабочекъ. (оконтаніе)	24.
Стихи и собака. (истинное происшествіе)	74.

Мужество, Любовь и Природа (соч. Имбера).	150.
Тщеславіе (соч. Бульи).	214.

Историческія сочиненія и отрывки:

Краткія жизнеописанія нѣкошорыхъ Кавалеровъ Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго	294.
--	------

Теорія изящныхъ наукъ и искусствъ:

О разложеніи воды (изъ <i>Lettres á Sophie par Aimé - martin</i>).	277.
О Баснѣ и о Баснописцахъ (<i>окончаніе</i>) .	363.

Описанія и Картины:

Воспоминанія о Твери	157.
Восхожденіе солнца на морѣ (изъ <i>писеиъ о Греціи Савари.</i>)	291.
Часши дня и ночи, описанныя Т. Тасомъ въ Поэмѣ его: <i>Освобожденный Иерусалимъ</i> (переводъ буквальный съ Итальянскимъ текстомъ)	346.

Сравненія и Характеры

Великій человекъ и герой	88.
------------------------------------	-----

С М Ъ С Ъ.

Каменьющія озера въ Хираминѣ, что въ Персіи	54.
---	-----

Способы узнавать чистоту и доброту жельза	56.
Некрологія	129.
Письмо къ Издашелю <i>Благонамбренаго</i> или замѣчанія на статью: <i>Секта Пива-</i> <i>горейцевъ</i> , помѣщенную въ 9 № <i>Вѣстни-</i> <i>ка Европы</i>	166.
Хищность женщинъ (<i>Арабскій анекдотъ</i>)	321.
Краткія выписки, замѣчанія и анекдо- ты	186, 254, 306 и 378.
Выписки изъ иностранныхъ журналовъ и писемъ опъ Корреспонденсовъ къ Из- дашелю.	116 и 174.
Рускій Театръ	179.
Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.	116.
Разныя извѣстія	61, 125, 199 и 261.
Благошваренія	59, 128, 262, 325 и 388.
Задача стихотворцамъ	326.

Имена подписавшихся особъ припечатаны
будутъ при концѣ VIII части, т. е. при
№ 4 № сего Журнала.